

С(13)1 84
7161

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Р. Алиев, М. Джафаров, М. Ибрагимов,
Е. Исаев, Г. Марков, А. Мирахмедов,
Е. Примаков, А. Пузиков, С. Рустам,
Э. Салаев

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1986

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ**

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

**СЕМЬ
КРАСАВИЦ**

**ПЕРЕВОД С ФАРСИ
ВЛАДИМИРА ДЕРЖАВИНА**

**МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

1986

С (Аз) 1
Н61

Издание осуществляется совместно с Институтом литературы
им. Низами АН Азерб. ССР

Научная подготовка текста, комментарии и словарь
РУСТАМА АЛИЕВА

Оформление художника
А. РЕМЕННИКА

Н 4702060100-201
028(01)-86 подписное

© Комментарии, словарь, оформление, иллюстрации. Издательство
«Художественная литература»,
1986 г.

СЕМЬ
КРАСАВИЦ

کامبرد و در پیاده پا
سز کردن سا و کامدینیر

سیر چوچ و دید سیر

در حجب و کج سیر

سواد و بود و در نیایش

کرش و چنان بود

اندک اندک بسا لای دواز

در جاکت کوز و در دوا
شاکت ایخ و در سندی
کرد و بر طریق ادمان

ازد و شج و در زیر سوا
بکه تعلیم کرد و در زخت
مکنوشن را و بی نجا

در راز و خورشید

ВОСХВАЛЕНИЕ

Ты, чьей благодатной мощью создан мир живой, —
Все в тебе! Во всех явленьях виден образ твой.

Ты — начало сотворенья и венец вещей,
В бесконечном завершение и конец вещей.

Ты — строитель сводов неба — ярко засветил,
Сонмы звезд и земнородных в круг объединил.

В беспредельном светит щедрость вечная твоя,
О создавший, населивший лоно бытия!

Зодчий мира, устроитель всех частей его,
Ты — во всем, ты — созидатель сущего всего.

Жизнь и смерть — и все начала мира и концы —
Все в тебе, — так в откровеньях молвят мудрецы.

Ты не в зримой оболочке людям предстаешь,
А в явленьях бесконечных, что ты создаешь.

Тайной сутью жизни живы в мире существа,
Но тобой — твоею сутью, жизнь сама жива,

Ибо ты — душа вселенной, мира существо,
Ты питаешь все живое и хранишь его.

Имя — всех имен начало — тайное творца —
Начинания начало и конец конца.

Самый первый среди первых на счету веков,
И последний из последних ты в конце концов.

Необъятный круг свершая, льется бытие,
Возвращаясь снова в лоно вечное твое.

Моего воображенья путь к тебе закрыт,
Хоть, стремясь к познанию тайны, разум мой парит.

Ты вовеки не рождался, породив других...
Все в тебе. Другие — ветер на путях твоих.

Ты единой мыслью дальний озаряешь путь.
Ты предвидения светом наполняешь грудь.

Если низкий всей душою склонится к тебе,
Ты, как свет во тьму, нисходишь и к его мольбе.

Утру ты даешь сиянье, цвет и блеск — весне.
Ты повелеваешь солнцу, звездам и луне.

Черный ты шатер и белый над землей простер, —
Белый — солнцу дал, а черный — месяцу шатер.

Как рабы твои, посменно пред твоим дворцом
Ночь и день чередой проходят пред твоим лицом

И добро и зло твоею волею творят,
Ничего своею волей в мире не вершат.

Разум яркий, как светильник, ты в мозгу вместил —
Отражение горящих на небе светил.

Но светящий ярко разум — так устроил ты —
Смотрит в глубь себя и светит вне своей черты.

Если разум будет твердым на твоём пути,
Не заблудится в сомнениях на любом пути.

Жизни суть — душа, и в тело наше вложена,
Но никто из нас не знает, где живет она.

Ты же — все. Но кто укажет в мире — где твой дом?
Как тебя представить можем смертным мы умом?

Ты наш вождь, но кто помыслит о твоём вожде?
Вездесущий — ты повсюду; всюду — и нигде.

Мы семи небес частица; но, тобой полны,
На семь бездн от вечной тайны мы отделены,

Даже тот, кто в просветленье путь к тебе найдет,
Пред лицом твоим от страха вежд не возведет.

В мире все — от мрака ночи до дневных лучей —
Все нуждается в могучей помощи твоей.

Ты сплетенье судеб мира изменяешь сам;
Их сплетенье, их движенье непостижно нам.

Не сказал бы ты — не стало б ни добра, ни зла,
И сама собой былинка в поле б не росла.

Ты рождаешь из гранита и бесплодных глин
Влагу твердую алмаза, огневой рубин.

Весь вращающийся в мире звездный небосвод
Суетится и кружится у твоих ворот.

Тень лишь на твоей завесе всякий дух живой,
Все — ничто, а все живое создано тобой.

Разве доброе и злое людям от светил?
Сами звезды под влияньем злых и добрых сил.

Если в самом деле звезды счастье нам дарят,
Родился б от звездочета славный Кей-Кубад.

Среди многих звездочетов разве ты встречал
Одного, что путь по звездам к кладу отыскал?

Но невежда звездочету деньги дать спешит,
Что Маррих от Утарида вряд ли отличит.

Тайны звездного движенья и пути планет
Изучал я — и в науке мне открылся свет.

В древних книгах, в шуме листьев тайну я искал...
И нашел тебя, и новый путь мне заблестал.

В бoгe я нашeл пpичинy и вeнeц вceгo,
Я нaд вceм тeбя увидeл — свeт и бoжeствo.

Ты, пoд чьeй блaгoй зaщитoй дyx живoй oкpeп,
Сaм для нaс в пeчи бeссмepтья выпeкaeшь хлeб.

У вoрoт свoих, o бoжe, ты мeня вoзвысь,
У вoрoт людcкoй гoрдьини — в пpaхe нe унизь.

Сaм, o бoжe, дaй мнe хлeб мoй — нe из рук чужих,
Ты — кoрмящий птиц нeбeсных и звeрей стeпных.

С юных лeт нe oтвpaщaл я oт тeбя свoй взгляд,
Нe хoдил к вpaтaм другим я oт зaвeтных вpaт.

И двeрeй свoих пpeд нищим я нe зaкрывaл,
Ибo хлeб мoй и дoстaтoк сaм ты мнe дaвaл.

Я coстapилcя нa службe у тeбя в сaду,
Пoмoги мнe — чтoбы внoвь я нe пoпaл в бeду!

Бoжe! Кaк тaкoe слoвo пpoизнecть я мoг?
Если ты — мoй пoкpoвитeль, мир вeсь — мoй чepтoг!

Я пoгpяз в мирcких зaбoтaх... Снизoйдe — cпacи!
Ты oдин — мoя нaдeждa, тaк пpиди — cпacи!

С жалoбoй к кoму идти мнe, o зaщитник мoй?
Кeм я бyду пpинят в мирe, eсли нe тoбoй?

Хoть и мнoгo тaйн глyбoких укpывaeт свeт,
Для тeбя вo вceй вceлeннoй тaйнa cкpытoй нeт.

Тo жeлaньe, чтo изрeчь я дaжe нe мoгy,
В глyбинe пpoчти дyшeвнoй, ибo я нe лгy.

И o тoм, o чeм тeбя лишь я пpoсить мoгy,
Втaйнe, тoлькo пpeд тoбoю вoзглacить мoгy,

Если дaжe нe испoлнишь пpoсьбы ты мoeй,
И oтвeржeнный — c тoбoю я дyшoю вceй.

Кoль oткpoю тaйнy людям — бyду им смeшoн,
Пpeд тoбoй oткpoю — дyxoм бyду вoзнeceн.

Ты, могучий, чьей защиты просит Низами,
У него своей опоры ты не отними.

Ты возвысь его превыше всех земных владык,
Пусть он будет благородством истинным велик

До поры, когда предстанет он перед тобой
Вместе с сонмом пробужденных судною трубой.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА МУХАММЕДА

Круг великий, проведенный циркулем творца,
Это круг начала мира и его конца,

Плод, что вырастил нам древний сад семи небес,
Светлый перл в венце сознания и в венце словес,—

Кто же он — над прахом дольным довременный свет?
Это он — посланник бога, светлый Мухаммед.

Шах пророков, весь огромный мир — его дворец;
Шариат как меч в деснице, а мирадж — венец.

Он — пророк, четыре силы мир свой в нем нашли.
Тень для огненного неба, свет он для земли.

Он на дню пять раз молился, славя божество.
Четверо друзей достойных было у него.

Все — ничто. Он — смысл. За это в мире он хвалим.
Он — посланник. Имя бога вечное над ним.

Он был первым комом глины, что размял Адам.
Сито — он. На нем — осадком оставаться нам.

И когда пойдет в последний круг свой небосвод,
Отпущенья и прощенья он хутбу прочтет.

То запретно, что от века запретил нам он.
Правда — он. Его веленье чистое — закон.

Бедностью своей гордился он, а не страдал
Из-за бедности. Он миром высшим обладал.

Он — сиянье, пред которым блекнет яркий день.
Так, когда в зените солнце, исчезает тень.

Стал он вечною опорой правды бытия,
Щит он праведный, твердыня, мудрый судия.

Восстающих против правды поражает он.
Падших на тропе опасной подымает он.

Праведным, добро творящим, — он творит добро,
А неправедным и злобным сокрушит ребро.

Меч свой он несет ошую — в наказание злым.
Одесную — мир скорбящим и бальзам больным.

Светлый меч его — в несчастье верных защитит,
А бальзам все злые скорби сердца исцелит.

Все, кто на него походных оседлал коней —
В злате паперсей и блеске боевых ремней,

Где они? Века промчались... После стольких лет
Средь рабов его обозных их отыщешь след.

Хоть господь его лишь выбрал, промыслом велик,
И избраннику на радость небеса воздвиг,

Для лазурных глаз пророка, чей так светел взгляд,
Крин расцвел недостижимый, а не этот сад.

Путь семидесяти тысяч всех грядущих лет
Здесь семитысячелетья будет чтить завет.

Ангелы на небосводе, что темней сурьмы,
Звездами ему светили средь полночной тьмы.

Четверо его избранных, славны и сильны,
Встали в мире, как четыре вечные стены.

Луч его очей яснее был, чем взгляд орла,
Никогда не смолкнет в мире в честь его хвала.

Пальма высохшая будет фиников полна —
Лишь его дыханья к пальме долетит волна.

В мускусном его дыханье каждый дух живой
Радугой горит меж небом синим и землей.

Вечный дух его трепещет в естестве живом.
Мир — престол. А он — пресветлый Сулейман на нем.

Чудо! Вместо терна — груды фиников лежат!
Финики подошву вражью словно терн язвят!

Ножницами, что пречистым вверены рукам,
Яблоко луны избранник делит пополам.

И когда стрижет он ногти, звездный небосвод
Серпиками эти ногти лунными зовет.

Лучшее творенье бога — он приял венец
Избранного, что из смертных сам избрал творец.

Да прославится вовеки — в мириадах лет —
Избирающий! Да светит избранного свет!

О МИРАДЖЕ ПРОРОКА

И не стал вмещаться в мире вещего — венец.
И в мирадж призвал пророка истинный творец.

В поводу ведя Бурака, ангел Джабраил,
С высоты сойдя, пророку тайну возвестил:

«Встань! Земной своей стопою на небо ступай!
На коня садись, дорогой ветра поезжай!

Знай, о избранный, сегодня наступил твой срок!
Этой ночью в светозарный ты войдешь чертог.

Я пришел с благою вестью. Сквозь надзвездный мрак
Ввысь помчит тебя крылатый твой скакун Бурак.

Конь твой молнии быстрее к цели прилетит.
Будь отважен! Он сегодня — твой надежный щит.

Скакуна гони высоко, ибо ты — луна.
Ты — владыка. Мчись по звездам, власть твоя сильна.

Шесть возьми великих граней у семи планет,
И тебе девятисводный покорится свет.

По хребту набесной Рыбы ты коня гони,
Шеи ангелов арканом в скачке захлестни,

Чтобы их сердца любовный опалил огонь,
Чтобы, чистя померанец, ранили ладонь...

В небе, под своим подножьем, башню сотвори
И кудрей своих сияньем башню озари.

Пред тобой луга ночные благовонья льют,
Духи неба в ожиданье радостном поют.

Как египтянки к Юсуфу — в дни его весны, —
Гурии к тебе любовью воспламенены.

Странникам в ночной пустыне посылай свой свет!
Странник новый, сам раскройся, как садовый цвет!

Эта ночь — твоя. Молитву жарко вознесешь —
И, чего ты жаждешь сердцем, все ты обретишь.

Так воспрянь! К престолу неба возведи свой взор!
У подножья трона неба свой разбей шатер!

Озарись предвечным светом, тайну изреки,
Издали лучом горящим землю рассеки.

Внемли тайне, что не могут выразить слова,
И возвысишься над всеми, ибо ты — глава.

Подними в венце высоко голову свою,
Завоюешь оба мира в духе, не в бою.

Огневой коня подковой пыли вихрь взмети,
Прямо в небо мчись. Иного нет тебе пути.

А за то, что истомился ты в своих трудах,
Изумрудный стяг твой будет реять в двух мирах!»

Мухаммед от Джабраила тайну ту приял,
И душой пред откровеньем он возликовал.

Перед солнцем откровенья духом светлым тмим,
Серьги рабские подвесил он к ушам своим.

Джабраил — посланец неба — предстоял пред ним.
Он же был пророк, был верен по делам своим.

Два доверенные стража божией казны —
Небом тот, землю этот были рождены.

Исполнитель божьей воли — тот доставил весть,
А пророк был удостоен внять посланцу здесь.

Он бессмертный светоч духа — правду возлюбя,
Солнце правды добровольно принял на себя,

Подвиг, словно ожерелье, он с себя не снял,
Из петли аркана неба шеи не изъял,

На седло коня Бурака он взлетел, как дым,
Плеть в его руке витая, чудо-конь под ним.

На ниспосланного небом скакуна он сел.
Легче горной куропатки конь его взлетел.

Мчался конь. И от подобных молнии скачков
Осыпались перья с крыльев четверых орлов.

С ног коня слетали перья — языки огня.
Как летучий трон Кавуса серп на лбу коня.

Вскоре мир земной объяла неба глубина,
Под копытами блистала яркая луна.

Видел ты, как мысль живая молнией летит,
Как небесный меч, из ножен вырванный, блеснит?

Видел ты, как мчится в мире разум огневой?
Видел ты, как благородством блещет дух живой?

Мчался конь. Все кони мира хромы перед ним.
Был полет его пространством вечным не тесним.

И когда его копыта над землей взвились,
Северный и Южный полюс на земле зажглись.

В час, когда над полюсами избранный парил,
Истинно — во всеоружье он духовном был.

Меж созвездьями избранник божий пролетал,
Книгу темного пространства он перелистал

И через врата вселенной устремил полет.
Далеко внизу остался твердый небосвод.

Он летел по недоступным миру небесам,
По путям светил, доверясь ангельским крылам.

В эллиптическом движенье он луну настиг,
И с тех пор сияет чище яркий лунный лик.

Утарид же озарился серебром венца,
Запылал, как печь для вечной выплавки свинца.

Путру он над Зухрою светлой пролетел,
И блестящей тучей ртути он ее одел.

И, приблизившись к престолу неба наконец,
Золотой на темя солнца возложил венец.

А когда свой плащ зеленый Мухаммед надел,
Перед ним Бахрам багряным светом заблестел.

Муштари увидя в язвах с головы до пят,
Исцелил его избранник, жалостью объят.

А когда венец Кейвана тронул он ногами,
Чистой амброй напиталось у Кейвана знамя.

Конь летел, как предрассветный мягкий ветерок.
На коне, как лев, избранник божий и пророк.

Мчался рядом с ним крылатый вестник Джабраил,
Он у дальнего предела бег остановил.

Осадил коня Бурака всадник Мухаммед
У черты, где блещет вечный неизменный свет.

Туг отстал от Мухаммеда вестник Джабраил,
Смело в лестницу аркан свой путник превратил.

В зыбку он взглянул, где дремлет ангел Микаил
У чертога, где сияет в славе Исафил.

Ангелы покров с престола бога унесли —
И бессмертный свет забрезжил перед ним вдали.

Он на полпути оставил область бытия,
Встал на путь он отречения полного от «я».

Бездну он проплыл, как в волны погрузясь по грудь,
В неизменном миновал он небывалый путь.

Выплыл он, перед престолом Вечного предстал —
И, в смятенье, место тайны вечной увидал.

И душа от изумленья в нем изнемогла.
И тогда к нему аллаха милость снизошла.

Лестница к подножью бога перед ним была
В расстоянье, что из лука пролетит стрела.

Подошел он, край приподнял тягостных завес,
Море солнц узрел, блистанье тайны и чудес.

И в сиянии бессмертном света и венца
Он увидел лик прекрасный самого творца.

Не остановил он взгляда больше ни на чем,
Хоть кругом хвала гремела, как небесный гром.

Там ни верха нет, ни низа; свет, простор кругом,
Шесть исчезли измерений — слитые в одном.

Шесть великих измерений — все ничто пред тем,
Перед кем тесны пространства, гром небесный нем.

Измерения, что служат лишь для нужд земных,
Там — ничто. Престол вселенной не вместится в них.

И пророк, увидев бога, из души исторг
Тьму и скорбь. Его великий охватил восторг.

Он увидел пред собою тайны вечной трон,
Место бога — вне пространства, вне земных времен.

И воспрянул к новой жизни он душой своей.
Но в пределе сокровенном не было людей.

Разве в мире бесконечном направление есть?
Разве далям бесконечным измеренье есть?

Бестелесного в надмирном свет он увидал
И без уст, без слов — от бога тайну услышал.

Он испил из чаши тайны. Полный новых сил —
Разрешенье возвращенья к миру получил.

Эта чаша — счастье. Кравчим верный разум был.
Временное он и время вечное забыл.

Восприняв из рук господних звездный свой халат,
На землю пророк вернулся, благодатью объят.

И сподвижникам поведал тайну в тот же час,
Снизошел душой к несчастным, душу грешных спас.

Низами! Доколь ты будешь голову склонять
И доколь — паденья ради — высоко стоять?

Царство вечное старайся духом обрести!
По следам иди пророка, по его пути!

Если разум наш глубокой памятью богат —
Помни, что спасенье наше — светлый шариат.

О ПРИЧИНЕ СОСТАВЛЕНИЯ КНИГИ

В день, когда благоволеньем истинным даря,
Прибыло ко мне посланье тайное царя,

Ощутил я за спиною крылья, как орел,
Перья на широких крыльях новые обрел.

Было в свитке начертанье царственной руки:
«Друг, из бездны этой ночи месяц извлеки!

Но чтобы его — завесой гений твой облек,
Чтоб его непосвященный увидеть не мог.

Чтоб, словам твоим внимая — чуду глубины,
Чародеи всей вселенной были сражены.

Брось на угли благовонья, преломи печать,
Чтобы жарче пламя тайны начало пылать.

Воск преданий над багряным жаром размягчи,
Мы за то тебе вручаем милости ключи.

Не тащись в носилках тесных в этой пыльной мгле,
О певец мой, полно ездить на хромом осле!

Если ты чихнешь спросонья десять раз подряд —
Ветер утренний наполнит благовоньем сад,

Ветер амбровый, что рябью серебрит реку
И деревья превращает в мускус на шелку.

Пусть живое вдохновенье книгу озарит,
И тебя за это щедро царь твой одарит!

Ты деянием нелегким будешь утружден,
Но сокровищами шаха будешь награжден.

Коль на листьях виноградных не блеснет слеза,
Не родит своих сокровищ осенью лоза.

Где охотник, что без кости в поле видел мозг?
Где без пчел, в саду снующих, взять нам мед и воск?

Быть дождю нельзя без тучи, морю — без реки.
Печь затоплена, о пекарь! Хлеб свой испеки!

Ждем начала представления! На людей взгляни,
Темный занавес раздерни и зажги огни!»

Я в тот день, когда посланье это прочитал,
С мирной радостью простился и в смятенье впал.

Тут искать я в старых книгах начал без конца
Быль и сказки, что могли бы радовать сердца.

К «Шах-наме» я обратился. Прочитал я в ней
О деяньях древних шахов и богатырей.

«Фирдоуси — певец великий — все в стихах своих
Сладкозвучно нам поведал о веках былых.

И когда он драгоценный выгранил рубин,
Многие обогатились от его крупин.

И от «Шах-наме» — рубина — я осколок взял
И оправил, чтоб осколок ярко засверкал.

Чтобы люди во вселенной песнь мою прочли,
Чтоб мою перед другими книгу предпочли.

Что учитель подсказал мне — я договорил
И в забвенье пребывавший жемчуг просверлил.

Что я правильным и верным в книге находил,
Ничего в преданье древнем я не изменил.

Но, творенье создавая, все же я хотел,
Чтобы блеском небывалым сказ мой заблестел.

Углубился я в сказанья, стал вникать во тьму
Тайн, рассеянных когда-то по свету всему.

На арабском прочитал я все и на дари,
Книгу Бухари прочел я, книгу Табари.

Чтобы не было пробелов, не было потерь,
Переполненных хранилищ отпирал я дверь.

Пехлевийские в подвалах свитки я искал,
Со свечою — по листку их бережно сшивал.

И когда все книги предков изучил я сам,
Изощрился, окрылился быстрый мой калам.

Словно Зенд, я сказ украсил пламенным пером.
Юных семь невест блистают красотой в нем.

Пусть небесные невесты раз на них взглянут
И еще светлей и чище над землей блеснут!

Чтоб вовеки им друг другом не пренебрегать,
Чтобы в блеске им друг другу вечно помогать.

Если десять живописец образов творит,
Правды нить — в одном хотя бы — пусть он проследит!

Если он черту неверно кистью проведет,
То в его картине зритель правды не найдет.

Хоть Бахрама нить в сказаньях криво шла досель,
Правда в мире не исчезла и ясна мне цель.

Я — певец — по этой нити в лабиринт спущусь,
В сторону от этой нити верной не сойду.

Нить единственная в мире, за нее боюсь,
Все ж нанизывать я жемчуг на нее берусь.

В сотнях речек омовенье, верный, соверши,
Лишь тогда найдешь источник света и души.

Порождается из капли человек живой,
Словно в море перл из капли внешней дождевой.

Я — жемчужница, в которой чистый перл растет,
Дай же мне воды и хлеба от твоих щедрот.

Дар моих благодеяний — весь в моих словах;
Ты ж — высок и щедр, как небо, о мой светлый шах.

Что слова? Что щедрость? Мне ли говорить про то?
Счастье — в свете откровенья, сам же я — ничто.

Ты Стрельца и Скорпиона людям отнеси:
Это — злой Махмуд и вечный светоч Фирдоуси.

Был любим Абу-Дулафом древний Асади,
Как он счастлив был!.. О сердце бедное, гляди!..

Что я говорю? Поток слов я увлечен?
Я, как море у Адена, тучей окроплен.

То, что туча проливает дождевой водой,
Раковина превращает в жемчуг дорогой.

Кто я? Джабраил. Вручили джинны мне калам,
Сокровеннейшее вверил я живым словам:

«К джиннам, волшебству учащим, снова воззови!..
Наступил новруз, одежды слова обнови!

Скрой цветным плащом от дивов каждый слог и стих,
Чтоб лишь Сулейман проникнул в смысл глубокий их.

В нем ищи меня. Одним лишь им мой смысл высок,
Без него я — козьей шкуры высохший кусок.

Я не знак на камне перстня, я лишь воск простой,
Меда я лишен, хоть долго пел, гудел пчелой.

Ты — печать свою на воске чистом утверди,
Ты — своим изображеньем дух мой услади!

Счастье ждет меня иль горе и позора мрак, —
С благодарностью приму я избранный твой знак.

Полноценные монеты при подборе слов
Я дарю тебе. Измлада сердцем я таков.

Если амбру, что собрал я на своем веку,
Не продам — пусть будет мускус на моем шелку.

Все, кто шли на подвиг слова, все изнемогли,
Труд великий совершая, и навек ушли.

Я — гранильщик самоцветов; чище жемчугов,
Я нанизываю нити драгоценных слов.

До меня никто столь щедрым слогом не писал,
До меня никто так много словом не сказал.

Пусть я немощен, пусть беден я в своих стихах,
Но зато живет глубокий смысл в моих словах.

Мир поднес мне кость без мозга, как виденье сна,
Но сладчайшим костным мозгом мысль моя полна.

Хоть напрасно я у древних выхода ищу,
Я от древности и ныне лик не отвращу.

Может быть, мне сил не хватит слово шлифовать,
Разве можно мерой чаши ветер исчерпать?

Что же? В мощь свою, в умение долго верил я,
Но заветных кладов мысли не измерил я.

Много недр забытых кладов вскрыл я сгоряча,
Но к сокровищнице духа не нашел ключа.

Хоть ко мне хранитель кладов благосклонен был,
Я с молитвой, но, как прежде, нищим уходил.

Низами, вот твой мессия — твой живой калам!
Память же твоя подобна пальме Мариам.

Ты плодоноси, покамест ты и бодр и жив.
Счастье ты познаешь, ибо ты уже счастлив».

ХВАЛА СЧАСТЛИВОМУ ПАДИШАХУ,
ДА ОЗАРИТ ЕГО АЛЛАХ

Сердце, ты доколь скитаться будешь в темноте?
И доколь мечтать ты будешь о своей мечте?

Нет, я отойду от этой гибельной черты,
Лучше вовсе откажусь я от своей мечты.

В том кругу, что очертил нам вечный небосвод,
Родились четыре песни громче вешних вод:

Первая — перед престолом вечного парит,
Чье величье держит звезды, миру жизнь дарит.

А вторая песнь — пророку. Он оставил нам
Знамение обновления, завещал ислам.

Третья песнь — владыке мира слава и хвала, —
Эта песнь из уст поющих перлы извлекла.

Песнь последнюю — да слышит светлый падишах:
Наставленье в ней, как мудро мир держать в руках.

Повелителю пространных поясов земных
Вручены ключи иклимов и сокровищ их.

В блеске мощи государство утверждает он,
Небывалое величье созидает он.

Сколько он царей и шахов посадил на трон,
Сколько роздал он сокровищ, раздарил корон!..

Он опора всей державы, солнца веры страж,
Века и земли хранитель, повелитель наш. .

Он Курпа-Арслан великий — покоритель стран,
И превыше и славнее он, чем Алп-Арслан.

Он махди — спаситель мира и вселенной свет,
Солнце он. Славнее царства не было и нет.

Он Рустам. А конь небесный, словно Рахш, под ним.
Он велик и мир величьем одарил своим.

Он величьем равен небу, щедр, как облака,
Словно лапа льва, владыки мощная рука.

В те века, когда был заперт бытия замок,
Беспредельный мир из перла словом бог извлек.

Он — тот мир. Подобьем млечной брезжущей реки,
Мириады перлов льются из его руки.

Весь бескрайний мир — страница дней его земных,
Капля милостей владыки — пена волн морских.

Все живое славословит, мудрого хваля,
И покорны государству море и земля.

Он главой вознесся к небу, трон его высок,
Он одним объемлет взглядом Запад и Восток.

По сиянию и славе он — как ангел сам,
По величию — как сводный брат он небесам.

Он врага во тьме отыщет пламенем луча
И пробьет его кольчугу молнией меча.

Род могучий Аксункара держится на нем
И достойный подражанья образ видит в нем.

Он велик, сама победа бьет ему челом.
Смуты смолкли, войны стихли, мир настал при нем.

Над горящим водоемом он воздвиг столпы,
Даже воздух веет амброй от его тропы.

В страхе вражий конь на брюхо падает пред ним,
Лев, поджавши хвост, уходит, ужасом гоним.

Кровь лозы он льет на пире. И пред ним тогда
Подымается, пылая, пламя изо льда.

И когда на бой он точит острие копья —
Мнится: день грозит последний лону бытия.

А когда он отпирает щедрости родник,
Он в дарах неисчерпаем, в доброте велик.

Он, как море, — не убудет, вечно волны мча.
Меч его — прилив вечерний, а отлив — камча.

Волны он меча ударом волен подымать
И, камчой касаясь, волен вспять их отгонять.

Словно Муштари, он блещет светочем огня.
В тьму глубин Кейван уходит от его коня.

Если на спине дракона льва не видел ты
И с мечом горящим солнце в блеске высоты,

То взгляни на шаха в битве пред толпой рабов,
Как сжигает он дракона и хватает львов.

У него дракон на стяге. Острием копья
Поражен, дракон извился в кольца, как змея.

И от стрел его, летящих с тетивы в простор,
Львы и тигры поредчали средь пустынь и гор.

Перед ним медведь кривлянье бросит, уstraшен.
Но кривляться, как медведя, льва заставит он.

Много львов, волков и барсов пало от него,
И степным онаграм тесно стало от него.

Киноварью закипает дол его охот,
Одеянья он у барсов и волков берет.

Сколько он царей и шахов посадил на трон,
Сколько роздал он сокровищ, раздарил корон!..

Он опора всей державы, солнца веры страж,
Века и земли хранитель, повелитель наш. .

Он Курпа-Арслан великий — покоритель стран,
И превыше и славнее он, чем Алп-Арслан.

Он махди — спаситель мира и вселенной свет,
Солнце он. Славнее царства не было и нет.

Он Рустам. А конь небесный, словно Рахш, под ним.
Он велик и мир величьем одарил своим.

Он величьем равен небу, щедр, как облака,
Словно лапа льва, владыки мощная рука.

В те века, когда был заперт бытия замок,
Беспредельный мир из перла словом бог извлек.

Он — тот мир. Подобьем млечной брезжащей реки,
Мириады перлов льются из его руки.

Весь бескрайний мир — страница дней его земных,
Капля милостей владыки — пена волн морских.

Все живое славословит, мудрого хваля,
И покорны государству море и земля.

Он главой вознесся к небу, трон его высок,
Он одним объемлет взглядом Запад и Восток.

По сиянию и славе он — как ангел сам,
По величию — как сводный брат он небесам.

Он врага во тьме отыщет пламенем луча
И пробьет его кольчугу молнией меча.

Род могучий Аксункара держится на нем
И достойный подражанья образ видит в нем.

Он велик, сама победа бьет ему челом.
Смуты смолкли, войны стихли, мир настал при нем.

Над горящим водоемом он воздвиг столпы,
Даже воздух веет амброй от его тропы.

В страхе вражий конь на брюхо падает пред ним,
Лев, поджавши хвост, уходит, ужасом гоним.

Кровь лозы он льет на пире. И пред ним тогда
Подымается, пылая, пламя изо льда.

И когда на бой он точит острие копья —
Мнится: день грозит последний лону бытия.

А когда он отпирает щедрости родник,
Он в дарах неисчерпаем, в доброте велик.

Он, как море, — не убудет, вечно волны мча.
Меч его — прилив вечерний, а отлив — камча.

Волны он меча ударом волен подымать
И, камчой касаясь, волен вспять их отгонять.

Словно Муштари, он блещет светочем огня.
В тьму глубин Кейван уходит от его коня.

Если на спине дракона льва не видел ты
И с мечом горящим солнце в блеске высоты,

То взгляни на шаха в битве пред толпой рабов,
Как сжигает он дракона и хватает львов.

У него дракон на стяге. Острием копья
Поражен, дракон извился в кольца, как змея.

И от стрел его, летящих с тетивы в простор,
Львы и тигры поредчали средь пустынь и гор.

Перед ним медведь кривлянье бросит, уstraшен.
Но кривляться, как медведя, льва заставит он.

Много львов, волков и барсов пало от него,
И степным онаграм тесно стало от него.

Киноварью закипает дол его охот,
Одеянья он у барсов и волков берет.

И когда за лук берется шахская рука,
Вепрь скрывается в высокой чаще тростника.

И когда в стрельбе искусство кажет он свое,
Делается шкура лани саваном ее.

А когда на поле рати выйдет властелин,
Камень под его копытом рдеет, как рубин.

И, как небо, что вздымает дымы над землей,
Лезвием стальным блистает меч его кривой.

Славен он в пирах и в битвах. Душу отберет
Он мечом, а полной чашей снова жизнь вернет.

И величие и славу вместе с ним деля,
Просветлела ясным взором темная земля.

Кисть художника — природы шаха существо, —
Мускус в пазухе, рубины в рукавах его.

И они благоуханье миру принесли,
Стали нитью ожерелья на груди земли.

Над его парчовой ризой, между гор и вод,
Шлему светлому подобен чистый небосвод.

Если лук берет и стрелы он, открыв колчан,
Скажешь — на экватор неба лег меридиан.

И четыре основания сущего всего —
Лишь подушки на кровати царственной его.

Враг его секирой острой подсечен в корнях,
Четырьмя гвоздями распят на его дверях.

Мы в лучах его блистаем золотом луны,
Но, как зинджи, вражьи лица перед ним черны.

Что ж, ведь золотой подковой вечный небосвод
И алмазы и рубины рассыпям дает.

В честь его алмаз в отвале камня засверкал
И огнем во тьме рудничной засветился лал.

Горы — мощью он, а море — силою дарит, —
Яхонт славой этой силы блещет и горит.

Он на страже в двух покоях вечного дворца,
Страж он воли человека и слуга творца.

Он о щедрости вселенной внемлет тайне слов
И доводит откровенье до ушей рабов.

Пусть победоносный светоч славы он несет,
Пусть хранит его бегущий быстро небосвод,

Пусть владыку долголетьем небо одарит,
Пусть он долго и счастливо на земле царит,

А звезда его потомков дальних и сынов
Пусть луной заблещет полной на века веков.

Пусть в лучах двух зорь, обставших синий небосклон,
Как немеркнущее солнце, миру светит он.

Вот два солнца на престолах нам дают обет
Охватить лучами света весь бескрайний свет.

Тот, как Фаридун, познанием мудрых наделен,
Этот, как Хосров, душою к небу устремлен.

Имя одному — «Победа»; знак его побед
На венце и троне шаха излучает свет.

А другой по гороскопу стародавних лет
Назван — «Небо», и зовется он еще «Ахмед».

То два имени в двух формах корня одного:
Мухаммед, Ахмед — две формы имени того.

Эти имена, как звезды, блещут на бегу...
Но взглядишь, они в едином движутся кругу.

Два зубца, изображенных линией одной,
Созданы одним каламом и одной рукой.

Ключ к победам постоянным одному вручен,
А другой победоносно к небу устремлен.

Этого скакун победы в пыль сражений мчит,
А другой от неба принял меч и светлый щит.

Этот три воздвиг подножья отчего дворца,
А другой воздвиг четыре пред лицом творца.

Пусть всегда они, подобно ясным двум зрачкам,
Служат шаху в этом мире, вечно светят нам

И меж полюсов, где арки пламени встают,
Зорко — с севера и юга — царство стерегут.

Пусть, как дичь, в тенета шаха счастье попадет,
Пусть безоблачно и мирно век его идет.

Над челом его победно пусть лучом блеснет
Яркий свет, что дал вселенной Мухаммедов род.

Пусть ему эдем откроет светлая Балкис!
Ведь над ложем Сулеймана сонмы звезд зажглись.

Пусть планетам угодит он щедростью своей,
А Балкис пусть будет первой в сонме матерей.

Пусть, как имя Хызра, имя шахское блеснит,
Пусть он мир водою жизни чистой напоит.

Тень пророка, от которой нам струится свет,
Пусть от ветра охраняет этих роз расцвет.

Землю осенил могучий Сулейманов щит.
Вечно пусть его держава на земле стоит.

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕЛУЮЩЕГО ЗЕМЛЮ

Ты — пред чьим венцом покорно судьбы склонены,
Оживи венцом и тронем жизнь и цвет страны!

Вечер — твой слуга, чья кожа смуглая черна.
Только вместо колокольца у него — луна.

Дышится легко, свободно ранним утром дня,
Ибо утро держит стремя твоего коня.

Темнокудрая приходит ночь — рабой твоей,
Веет амброй сад в проемы царственных дверей.

День — блистающий румиец — вмиг бы зинджем стал,
Если бы служить сардаром шахским перестал.

Щедрой скатертью небесный обладает свод,
Но на скатерть лишь два хлеба за день он кладет.

Хоть у нас в достатке с небом и сравнения нет,
Все же мед несешь ты в чаше для семи планет.

Перстень помощи небесной — перст предвечных сил —
На твое чело и царство знак свой положил.

Зодиак, в котором солнце искра лишь всего,
Как кушак на поясице царства твоего.

И луна, которой тронотом служит небосвод,
С головой твоею вровень над землею встает.

По сравнению с тобою влага родника
Солона, мутна, как лужа среди солончака.

Пред твоим великодушьем и скала мягка,
Пред твоею добротою и гора легка.

Посмотри, тщеславья полон, — каждый падишах
Тучи щедрости в широких носит рукавах;

Зимние все эти тучи. Лишь твоя одна
Рождена весенним солнцем, жемчугов полна.

Шах иной, хоть дарит чашей, кровь сперва прольет,
Он сначала жизнь отнимет, хлеб потом дает.

Но кого своей ты светлой тенью осенишь,
Хоть и поздно призываешь, щедро ты даришь.

Чтит достоинство и доблесть честных только тот,
Кто о доблести и чести много книг прочтет.

Кто же доблесть от пороков злых не отличит,
Тот и доблесть по заслугам вряд ли одарит.

Только доблестью в народе славен государь!
Мы о том читаем в книгах, что писали встарь.

Нашей славы знамя — щедрость, падишах, твоя, —
И твое сияет счастье стражем бытия.

Так сады не расцветали в месяц фарвардин,
Как страна, когда щедроты пролил властелин.

Как при кеях, коих небо счастьем одарило,
«Семь свершений» и «Двенадцать поединков» было,

Так на небе и в созвездьях, пред тобою здесь,
«Семь свершений» и «Двенадцать поединков» есть.

Вся вселенная — лишь тело, а Иран — душа.
Говорю об этом смело, правдою дыша.

Дух земли — Иран. И ныне — внимли каждый слух:
Пусть прекрасно тело мира — выше тела дух.

Если мудр в стране правитель, счастлива страна,
В ней лишь доблестным и мудрым в руки власть дана.

Ты — душа, тебе и притча сказана моя,
Будь душою государства, — то судьба твоя.

Шах прославленный, как древний Хызр и Искендер,
Справедливости и знанья всем давай пример.

Если в зеркало румиец камень превратил,
Если Хызр источник жизни некогда открыл,

То не зеркало ль явилось в существе твоём,
Не вода ль живая — в чистом хрустале твоём?

А страну, где многомудрый падишах царит,
От несчастий, зол и бедствий сам Изед хранит.

Из-за благости, и силы, и щедрот твоих —
Благом ты семи зовешься поясов земных.

Пятый пояс славит бога, одарен тобой,
Шесть других твоей хранимы крепкою судьбой,

Видя, как ты милосерден, мудр и справедлив,
Всякий под твоею властью был бы край счастлив.

На земле четыре шаха славились былых,
Пятый — самый долговечный — будешь ты средь них.

Арасту — наставник мудрый Искендера был,
Он питомца величайшим знаньям обучил.

Шах Ануширван великий жизнь провел, как пир,
Бузурджмихр — советник мудрый — был его везир.

У Парвиза сладкоустый был певец Барбед,
Равного ему в напевах не было и нет.

У султана Меликшаха, как молва гласит,
Был Низам ул-Мульк правитель — чистой веры щит.

Ты — превыше их, превыше ты и честь прими!
Песен ткач с тобой, чеканщик слова — Низами.

Имя Низами хвалою удостоил ты,
Дух его своим вниманьем успокоил ты.

Пусть цари другие, полны прихотью пустой,
Всюду хвалятся дарами, что дают порой.

Но напрасно сев ячменный в солончак бросать
И слепцу глаза сурьюмою чистой натирать.

Если злак живой посеешь в мертвых солонцах,
Пропадет посев, ты будешь каяться в сердцах.

Надлежит зерно на пашню влажную бросать
И на плодородной почве дерево сажать.

Коль вином твоим невежда будет угощен,
Разве имя винодела после вспомнит он?

Кто так доблестен, кто знает более, чем ты?
Кто величьем обладает более, чем ты?

Был душе моей от бога к правде путь открыт, —
Я узнал, что ты искусствам и наукам щит,

Что алхимикам не веришь, гонишь хитрецов,
Что не внемлешь ты обманам всяческих лжецов.

И по знакам гороскопа, волею светил,
Именем твоим я книгу эту освятил.

Тот блажен, кто, хлеб посеяв щедрою рукой,
Пред собой увидит в поле урожай такой!

Так, покуда солнце светит племенам земным,
Книга будет открываться именем твоим.

Щедро шах дарил великий, счет не вел деньгам,
И тебя не за подарки мой вознес калам.

На семь тысяч лет варил я. Будет жить в веках
Эта пища, что готовил я в семи котлах.

Усладись роскошным блюдом, что готовил я!
Ешь на счастье, на здоровье, — доля в нем — твоя!

Я вложил в него всю душу и тебе поднес
Искренне, с любовью этот полный мой поднос.

Ты, чьим родичем зовется вечный небосклон, —
Неба родственник ты кровный, небом порожден, —

Как же поднимусь на небо я? Ведь я земной.
Как я ангелам предстану — человек простой?

Я хотел на черных землях, выкопав арык,
Вырастить и возлелеять сахарный тростник,

Чтоб из сахара припасы сделать и потом
Этот сахар весь рассыпать на пиру твоём.

Если, шах, я недостойн пира твоего,
Что ж, спокойно стану стражем я ночным его.

Шах, как солнце, охраняет землю от беды.
Дух мой солнце отражает зеркалом воды.

Солнце на покой садится в ночь за гранью вод,
Но вода волной до солнца ввек не доплеснет.

Я не Хызр, источник жизни недоступен мне,
Но его дыханьем свежим я дышу во сне.

Все ль сокровища имел ты, повелитель стран?
Я привел к тебе сокровищ новых караван.

Пусть сокровищница в недра примет их твоя,—
Возвеличь мой дар, и этим возвеличусь я.

Нивы горные, питаюсь дождевой водой,
Без воды изнемогают, страждут в летний зной.

Пред водой живую руки горстью я сложил
И от всех других потоков лик свой отвратил.

Оценю ли перлы речи? Нет цены для них!
Я на усмотренье шаха оставляю их.

Так внемли пути рассказа. Следом за Зухрой
Поднял я твой тонкий месяц позднею зарей.

Если скажешь, что картины полотно мало,
Что ж — цветов и красок много ветром унесло...

Много лет живи, душою в вере, в правде тверд.
Радостью, что бог дарует, будь счастлив и горд.

Пусть добро твоею волей на земле царит,
Пусть всегда светильник счастья для тебя горит.

Все же темное, что счастьем твоему претит,
Пусть во тьму крылатым роем в страхе улетит.

И пока сияет солнце, все твои друзья
Пусть живут, враги ослепнут. То мольба моя.

Пусть враги твои поникнут в страхе пред бедой,
Пусть в отчаянье о камень бьются головой.

Всех ты мощью превосходишь,— знаньем превзойди!
Путь твой жизненный да будет светел впереди.

И да будет волей неба вечно далека
От границ твоей державы гибели рука.

ВОСХВАЛЕНИЕ СЛОВА
И НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МУДРОСТИ

Мира древнего древнее то, что вечно ново,—
Много сказано об этом, ибо это — слово.

Вечность — древняя праматерь — землю создала
И творенья увенчанье — слово нам дала.

Слово тайны, слово мощи, чистое, как дух;
Страж сокровищ. К тайне слова приклони свой слух...

Ведь оно неслыханные повести скрывает,
В мире ненаписанные повести читает.

Все, что ныне народится, завтра прочь уйдет,
Кроме слова. Только слово в мире не умрет!

Сад иссохнет, шелк истлеет, рухнет зданья свод.
Слово вечно. Остальное — ветер унесет.

Вникни, мудрый, в суть растений, почвы и камней, .
Вникни в суть существ разумных, в суть природы всей,—

И в любом живом творенье можешь ты открыть
Главное, что и по смерти вечно будет жить.

Все умрет, все сгубит время, прахом истребя.
Вечно будет жить познавший самого себя.

Обречен на смерть, кто сути жизни не прочтет;
Но блажен себя познавший: будет вечен тот.

Если ты себя, как свиток, правильно прочтешь,
Будешь вечен. В духе — правда, остальное — ложь.

Коль не обрешь познания высшего теперь,
В дверь одну вошедший, выйдешь ты в другую дверь.

Дом жилой, но лишь над кровлей не клубится дым.
Здесь живут, но знанья польза неизвестна им.

Кто доволен преходящим — слеп, как жалкий крот,
И чертога вечной жизни он не возведет.

Повод для духовной лени выдумать легко;
И не скажут здесь: «Прокисло наше молоко».

Опытом вооруженный, сведущий в делах
Муж порой не смыслит в сути дела и в корнях.

Видит далеко, кто знаньем наделен средь нас,
А незнание пеленою скроет мир от глаз.

Если, человек богатый, ты собрался в путь —
От разбойников охрану взять не позабудь.

И купцы, что из Китая мускус к нам везут,
В оболочке из камеди мускус берегут.

Хоть перед орлом могучим слаб и мал угод,
Но, в полете быстр, всегда он от орла уйдет.

Вкруг прославленного зависть злобная шипит, —
Эта злоба, эта зависть бедных не страшит.

Коршун мчится за добычей, позабывши страх,
А посмотришь — обе лапы у него в сетях.

Не проесть амбаров мира, даже на зерно
Не уменьшатся запасы; столько нам дано.

Сколько бы ячменных зерен птицам ни скормить —
Все вернется! Как и звездам, зернам не убыть.

Золотым венцом ты хочешь, как свеча, блистать,
Но подумай, как придется под конец рыдать!

В этом зелье веселящем — так уж повелось —
Смеха радостного меньше, больше горьких слез.

Но, рассеянные в мире, есть друзья у нас,
Что подать нам помощь могут в самый трудный час.

Разум — главный наш помощник, наш защитник — он.
Муж разумный всем богатством мира наделен.

Кто от разума и мысли духом отвращен —
Человек он по обличью, див по сути он.

Люди разума подобны ангелам с небес,
Дар провидения дан им — чудо из чудес.

Все начертано заранее, что произойдет.
И никто предначертанья судеб не уйдет.

Делай дело здесь, задачу исполняй свою;
Дело и в аду почтенней праздности в раю.

Но и доброе деянье вряд ли будет впрок,
Если делом поглощенный человек жесток.

Кто злоумышляет втайне, ближних невзлюбя,
Жало зла он обращает сам против себя.

Благородный, мыслей добрых полный человек,
Зла не делая, запомнит доброе навек.

Так живи, чтоб в час кончины вхоре голосов
Не услышать ни упреков, ни хулы врагов;

Чтоб один из них не молвил: «Смерть в его дому!»
Чтоб другой не засмеялся: «Поделом ему!»

Пусть тебя и не поддержат под локоть рукой,
Так живи, чтоб не валяться ни под чьей ногой.

Тот, кто доброе запомнит средь твоих друзей,
Лучше тех, кто рад печальной участи твоей.

Хлеб не ешь среди голодных. Если будешь есть,
За накрытый стол с собою пригласи их сесть.

Пред завистником сокровищ не считай своих,
Чтобы, как дракон на кладе, он не сел на них.

Если друг твой, как весенний ветер, мягок, все ж
Знай — лампаду и под легким ветром не зажжешь.

Создан не для пожирания мяса и хлебов
Человек. Нет, он источник умственных даров.

И собака благородней низкого того,
Кто живет лишь для услады брюха своего.

Мудрый, будь полезен людям, мир добром укрась!
Это — выше всех сокровищ и сильнее, чем власть.

Будь открыт добру, как роза! От твоих щедрот
Пусть всегда благоуханье по земле идет.

Помнишь мудрого реченье? Что сказал нам он:
«Кто заснул, добро содеяв, видит добрый сон.

В чьей душе укоренится зло и возрастет,
Тот во зле всю жизнь влачится и во зле умрет.

Тот же, в чьей душе открытой возрастет добро,
Проживет в добре и миру принесет добро.

Бойся алчности и помни: небосвод не спит,—
Сонмы алчных истреблял он и тебя сразит.

Зижди вечное строенье! Мудрости внимли:
Прах могильный все: и слава и дела земли.

Если скажут: «Чистый пламень знания зажжен
Человеком, но из шерсти человек рожден»,—

Молви: «Аромат от розы, роза от земли,
От змеи противоядье в позвонке змеи».

Так не обольщайся миром, обострай свой взор
И перед драконьей пастью свой не ставь шатер.

Не ищи в драконе друга, ибо — час пробьет —
Он, пожравший поколения, и тебя пожрет.

Но зачем бросать собаке вретище святых?
Низкий духом отвернется от даров таких.

Коль друзья отвергнут дружбу верных — я боюсь,—
Со своими же врагами заключат союз.

Как на белый цвет и черный мухи налетят,
Белый — в черный, черный — в белый скоро
превратят.

Сторонись от них, без дружбы подлой их живи,
Смело все четыре цепи на себе порви.

В пору оскуденья веры правду зло гнетет,
Хищным волком стал Иосиф, а отшельник пьет.

Ныне жить двояко можно: совершая зло
Или — с чистою душою — одобряя зло.

И не дай аллах всевышний, чтоб рабы твои
Наложили эти цепи на ноги свои!

Полно в мире божьем пламя ада разжигать,
Полно гаснущее пламя нефтью поливать!

Встань же, растопчи нечестье, смуту потуши
И всевышнего веленье в мире соверши!

Полно бедствовать у вечных, полных злата скринь!
Все сокровищниц засовы смело отодвинь.

На тюльпан взгляни, — как ветер истрепал его,
Из-за трех монет фальшивых ощипал его.

А полынь растет, как прежде; у полыни нет
Ни поддельных, ни червонных золотых монет.

Не венчайся драгоценной золотой чалмой,
Сам на золото, как солнце, наступи ногой.

Чтобы ливень животворный туча излила,
Чтоб земля перед тобою ярко расцвела.

Золото рассыпь на солнце, щедрость возлюби,
И рубины, цвета солнца, камнем раздробь.

Низкий духом ищет злата, — молвил мудрый пир.
Ведь несовершенно зренье видящего мир.

Что есть золото? — Два знака, и нельзя их слить,
Долго ль бедную их россыпь будешь ты хранить?

Не уподобляйся руслу, что прорыл поток
Златоносный; не рассыпся, как речной песок.

Если телом, словно золото, начал ты желтеть,
Время синюю одежду на себя надеть.

Где весы, в чью чашу деньги сыпал казначей?
Тысячей камней побиты в тысяче дверей.

Не проснется сребролюбец, что уснул вчера,
Встанет жив не собиравший в мире серебра.

Тратя золото, ты радость купишь на него,
Но какие муки терпит, кто таит его.

На друзей взгляни вчерашних, на слепых глупцов,
Превратил их камень жалкий в яростных врагов.

О, доколе бремя мира нам нести во мгле?
И доколе прятать груды золота в земле?

Три носильщика смиренных служат у тебя,
Четверо рабов бессменных служат у тебя.

Дом же твой — земля, и ветер, и ночная мгла,—
Без любви земля, холодный, дикий ветер зла.

Если шип с вершины пальмы наземь упадет,
Пусть он повару мешалкой для лапши пойдет.

Ты, чье брюхо несовместно с мыслью и душой,
Ты пленен не лепестками розы, а лапшой.

Помни: кто свое обжорство сможет обуздать,
Снова перлом драгоценным сможет заблистать.

Очищается и крепнет сильный дух в беде,
Гребешок тысячезубый нужен бороде.

Тысячи отрав изведать в мире нужно нам,
Чтоб вкусить животворящий времени бальзам.

Погляди: в обширной этой лавке мясника
Ты добытого без муки не найдешь куска.

Тысячи надежд погибли, многих сгублен век,
Чтоб один обогатился в мире человек.

Сто голов мечом палачьим где-то снесено,
Чтоб седло баранье было избранным дано.

Золото ногами топчет человек один,
Тысячи за грош потеют в муках до седин.

Благо ль, что всего достиг ты и желаний нет?
В неисполненных желаньях свет грядущих лет.

Коль желанного достигнет поздно человек,
Это весть ему, что долгий проживет он век.

Пусть же поздно долговечный цели досягнет.
Кто всего достигнет быстро, рано тот умрет.

Образуется веками лал, живет века,
А тюльпан весенний гибнет и от ветерка.

О, доколе ты свечою будешь на пиру
Красоваться, пламенея на ночном ветру?

Сбрось же с ног своих копыта низменных страстей,
Высунь голову из жбана на простор смелей!

С головы спили под корень этих семь рогов
И освободись от этих четырех подков.

Мимо тайного колодца стороной пройди:
Он — ловушка. Ты в ловушку ту не попади.

Лучше молнией блесни ты и умри смеясь,
Лучше — смерть, чем задыхаться, тучностью кичась.

Помни: ты — мюрид покорный, так войди же в мир
Образцом, чтоб стать для верных самому, как пир.

Стой средь избранных мюридов, вожделей и верь:
Исполнения желаний отомкнется дверь!

Я — развязывавший сотни спутанных узлов,
Бек села, я — вне селенья, небеса — мой кров.

Гость придет, увы! мне гостя нечем угостить,
Нет слуги, чтобы для гостя скатерть расстелить.

Разум знает, что я думал, что я скрыть хотел,
Что я притчей и намеком говорить хотел.

Но не тягостное бремя бедность на земле,
Не бесчестье, пусть я езжу на чужом осле.

В Эфиопии не ценят тюркской красоты,
Не для черных возрастил я лучшие цветы.

И пока в котле вселенной полдник мир варил,
Я подобен недозрелым летним гроздьям был.

Время, жадно обрывая, поедало их,
Мазь готовило глазную из плодов моих.

И созрел я, стал, как спелый сладкий виноград...
Вижу: мякоть ягод сладких жадные едят.

Но не видно винодела. На землю густой
Льется сок, в безлюдье гибнет вертоград пустой.

Я иду путем безвестным, как ведут меня.
Неужель к уснувшим водам зазовут меня?

Прежде я слышал преданье: коль вода заснет,
То становится истоком золота — не вод.

Это — ложь: вода, заснувши, серебром блестит,
Лед блистающий об этом явно говорит.

Серебром теперь в замену золота платить
Принято. Луну от солнца трудно ль отличить?

Ведь в арабском начертанье серебро, заметь,
Если букву «йа» отбросить, означает — «медь».

Я железо слов червонным златом обложил;
Кто же серебро дешевым златом заменил?

А торгующий железом золото берет,
Он за серебро железо ныне продает.

Бойся, золотых дел мастер! Знай: пришла пора —
Золото твое дешевле стало серебра.

И теперь одна лишь дума душу мне томит,
Что не разум, а удача счастьем нас дарит.

Понимание оценщик тонкий потерял,
Жемчуг он теперь от гальки отличать не стал.

«Кисея — ведь это хлопок!» — так он говорит...
Что ж, и неба от веревки он не отличит.

Кладовая тонких тканей у него полна,
Чистым золотом набита у него казна.

Если золото и жемчуг смог он подменить,
Что бояться мне свободы и о чем тужить?

Мне не друг разбойник этот, буду жить один
И не стану прятать солнце от него в кувшин.

Пред уходом гостя громко страж в ночи кричит;
Этот глас для всех однажды грозно прозвучит.

Эту горестную повесть не один слагал
До меня. Но, не закончив свитка, засыпал.

Я, пока не поздно, должен повесть завершить,
Спать не должен я. Успею к сроку, может быть.

В путь заранее готовься. Горы впереди,
Пропасти. Тропой опасной быстро проходи!

В путь готов я. Но осел мой ухом не ведет
И ни с места. И не верю сам я в свой уход.

Видно, я пойму, что отбыл, там — в иной стране,
В день, когда гнездо разрушат, что служило мне.

О, доколь о неизвестном буду вопрошать
И с решением твердым в сердце веки закрывать.

Ты забудь о зримом мире, ибо ты в ночи!
С тайною в уединенье до поры молчи!

Испытай свое познание, — как ты жизнь прошел?
В заблужденье ты иль правду заблуждением счел?

Брось лопату! Бурным селом путь твой залило!
Посмотри — свою лопату небо занесло.

Землю превратить в могилу небосвод спешит,
Но ведь глину и лопата неба не страшит.

Оглянись, проверь свой каждый год, и день, и час —
С чем пришел ты, чем владеешь в мире ты сейчас?

Два слона тебе служили; то, что принесли
В первый день они, ты это унесешь с земли.

Отягчен долгами моря и дарами гор,
Как ты сможешь в дляске с небом улететь в простор?

Должникам отдай скорее все долги, о друг!
Налегке ступай в дорогу, сбрось тяжелый выюк!

Если сбросишь бремя мира, налегке уйдешь, —
Путь себе, какой захочешь, сам ты изберешь.

А пока не сбросят с трона силой твой венец,
Волею своей избавься от него, мудрец.

Будет день — плоды поникнут чистые земли
И — растоптаны — истлеют в прахе и в пыли.

Я оружие сбросил, словно лепестки цветок,
И от зависти язвящей и от зла далек.

Что мне тлеющая зависть? Что мне дым ее? —
Пусть огни ее потушит рубище мое.

Мир — далекий и опасный путь, из мрака в мрак,
И пройти дорогой дивов можно только так, —

В двери древние входящий небу говори:
«Гость я, странник здесь! Ты волю сам свою твори!»

Низами, доколь в оковах этих пребывать?
Не пора ль оковы сбросить, не пора ль восстать?

Встань, не бойся наважденья мира отвести,
Чтобы вечное блаженство в мире обрести!

НАСТАВЛЕНИЕ СВОЕМУ СЫНУ

Сын мой! Мудрым наставленьям знающих внимли!
В твой мектеб они скрижали знаний принесли.

Только знание — друг надежный, охранитель наш,
Разрешитель всех сплетений, неусыпный страж.

Каждый бодрствующий ныне, только час пробьет,
Все оставит и на ложе вечное уйдет.

Говорю тебе сегодня: «Сын мой, берегись!
Мне пора возлечь на ложе, ты теперь проснись!

Сада счастья, сада жизни ты — нетленный цвет,—
Знай — ты носишь не напрасно имя — Мухаммед.

По стеченью звезд ты назван. Мой завет прими:
В бранный барабан Махмуда громче загреми.

Имя доброе на стали славы отчекань.
Верь в свой путь, небес высоких головой достань.

Чтоб, войдя в селенье верных, к вечным небесам,
Был я за твои деянья почитаем там.

С мудрыми ищи союза, чтобы под конец
Доброй славы и величья восприять венец.

Запах мускуса и розы нам из уст живых
И без многих слов дороже многих слов пустых.

Если хоть один порочен среди друзей твоих,
Он один в глазах народа опорочит их.

Если глупая пичуга в сети попадет,
Вслед за ней вся стая будет биться среди тенет.

Если кто во время хаджа деньги утаит,
Нож разбоя всех идущих в хадже поразит.

На стезе своей, как старец ветхий, не дремли,
Полы чистые одежды подбери с земли.

Чтобы в темном и опасном доме бытия
Далека от наваждений жизнь была твоя.

И не обольщайся мнимой ровностью стези,—
Труден будет путь. Над грозной бездной не скользи.

Если даже ты, как сокол, сможешь полететь,
То, как солнце, надо зорко вокруг себя смотреть.

Помни: этот путь далекий — древних путь охот:
Ведай: держит лук и стрелы хищный небосвод.

Пусть твое железо сталью чистой зазвенит.
Знай — дорога камениста, камень тот — магнит.

Если мула ты навьючишь тягостно сейчас,
Ты подумай, чтоб в трясине мул твой не увяз.

Знай, порой в узле мудреном ключ ты обретишь,
Дело трудное порою легким ты найдешь.

Сны тревожные смущают светлый мир души,
Если ж вникнуть — обещанья будут хороши.

Коль порою жало горя поражает в грудь,
В эти дни броню терпенья, сын мой, не забудь.

Будь лишь верен клятве богу, с ним судьбу свяжи,
О привязанностях прочих долго не тужи.

Если не нарушишь данный вечному обет,
То, поверь, мой сын, избегнешь в этом мире бед.

Лучший перл из ожерелья здесь не потеряй,
Низких, подлых по природе зорко избегай.

Лжец, неверный — разве будет верен он тебе?
Зло творит — для зла пришедший, зло — в его судьбе.

Щедро пусть тебя основа злая одарит —
Это ложь! А в ней основа злая говорит.

Ядовит и подл по сути злобный скорпион,
И щадить его постыдно, пусть погибнет он.

Завоюй дары достоинств,— помни, что без них
Ты хоть и откроешь двери — не закроешь их.

Тот, кто учится упорно, тот рукой своей
Из скалы рубин добудет, жемчуг из морей.

Среди знающих — ушами хлопать, как осел,
Будет тот бедняк, кто знаний прочных не обрел.

О, как много дар сгубивших было среди нас —
Из-за лени! Гончарами видим их сейчас.

О, как много нищих сердцем, разумом слепых,
Но усердных видим ныне средь судей земных.

Если дичь твоя собака брать обучена,
Эта дичь и по закону нам разрешена.

Если пса каким-то знаньям можно обучить,
Человек небесным духам должен равным быть.

Ты, как Хызр, свой дух бессмертным знаньем возвелич
Чтобы чистого потока вод живых достичь.

Притча здесь: вода живая — это не вода,
Это, друг, душа и разум, слитые всегда.

Разум и душа, единством истинным дыша,
Побеждают; вечно живы разум и душа.

И они стремятся оба слиться с божеством,
Если ими обладаешь, усомнишься ль в нем?

И когда от этих двух ты к одному придешь,
Ты себя и человеком в день тот назовешь.

И когда одно найдешь ты, этих двух оставь
И стопу на темя мира радостно поставь.

Отрекись от трех, на крыльях их парить нельзя.
Отрекись от двух, двойною верой жить нельзя.

Ты из этих трех канатов ухвати один,
Два отбрось, а три каната преврати в один.

Если же от трех бесстрашно ты не отойдешь,
Сферу чистой веры в небо ты не понесешь.

Отрекись от двух отважно, и найдешь одно,
И тебе блаженство будет высшее дано.

Только в нем для нас — в едином — слава, жизнь и власть.
Все, что вне его, — безумье, низменная страсть.

Молод, свеж ты у начала своего пути, —
Исполненье всех желаний можешь обрести.

Если кипарис, ударом грозовой стрелы
Сломлен, рухнет — не добудешь из него смолы.

Ты, пока сияет утро, сын мой, посмотри
Зорко вдаль и путь отрадный света избери.

Как весенний цвет, одеждой чистой облекись,
На пути служенья богу стань, как кипарис.

Я, увы, утратил свежесть, волос побелел,
Белизна моя поблекла, лик мой пожелтел.

Я утратил драгоценный пояс и венец,
И от немощей устал я тяжело наконец.

Я служил как муж и воин, безупречен был.
Где же власть моей десницы? Где избыток сил?

Скручен временем я, связан. Вяжет, как рабов,
Всех нас — время. Что ж, обычай у него таков.

Я не пал еще, на крыльях раненых взлетел.
Я — паду, и неизвестный ждет меня удел.

Если оспа Ахмадуку исказит черты,
Назовут ли Ахмадука чудом красоты?

Но хоть всюду, угрожая, тень за мной бежит,
Знаю — зонт в руке надежный надо мной раскрыт.

Горе мне! Дряхлеет тело — сохнет водоем,
Что же низменная алчность все не гаснет в нем?

Алчность, словно на монете, знак свой на любом
Ставит сердце, и влачим мы горестный ярем.

Боже! Страждущее сердце исцелить приди,
Разум мой от унижений здесь освободи!

О, доколе длиться мукам? Дай мне чистый свет!
Принеси во тьму светильник, если солнца нет!

Я сомненьем и тревогой ранен глубоко.
Облегчи мой груз, ведь это для тебя легко!

Вот, едва освободил я шею из петли,
Вновь под ношей непосильной гнусь я до земли.

Я доволен был и малым данным мне зерном.
Мал мой дом, как дом улитки, все же — он мой дом.

Быть главой в своем жилище, быть собой самим
Я хотел. Зачем я должен вновь служить другим?

Вольный лев достиг величья и могучим стал
Лишь тогда, когда ошейник он с себя сорвал.

Лучше нищим и голодным хлеб свой подавать,
Чем халву за дастарханом низкого вкушать.

Меч блистающий свой утро устремило ввысь,
О, доколе спать ты будешь? Низами, проснись!

Не боясь труда, с рассветом свой калам бери
И сокровищницы двери людям отвори!

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БАХРАМЕ

Тот, кто стражем сокровенных перлов тайны был,
Россыпь новую сокровищ в жемчугах раскрыл.

На весах небес две чаши есть. И на одной
Чаше — камни равновесья, жемчуг — на другой.

А двухцветный мир то жемчуг получает в дар
Из небесных чаш, то — камня павшего удар.

Таково потомство шахов. Перлом заблестать
Может шахский сын — и камнем тусклым может стать.

Не во всем отцу подобен сын и не всегда.
И жемчужину рождает камень иногда.

Дан такой пример был в прошлом, в поученье нам, —
Ездигирд был грубым камнем, жемчугом — Бахрам.

Тот — карал, казнил, а этот одарял добром, —
Был булыжник рядом с перлом, острый шип с плодом.

Тем, кто в кровь о тот булыжник ноги разбивал,
Сын его для исцеленья свой бальзам давал.

И когда в глазах Бахрама первый луч дневной
Омрачен был этой ночи славою дурной,

Мудрецы и звездочеты вещие страны,
Искушенные в деяньях солнца и луны,

Взвесили созвездья неба, думая, что тут
Лишь дешевый блеск свинцовый вновь они найдут.

Но они чистейшей пробы золото нашли,
Жемчуг в море, драгоценность в камне обрели.

И увидели величье, славный путь побед,
Лучезарный свет в тумане предстоящих лет.

Пламенел тогда в созвездье Рыбы Муштари,
А Зухра горела справа, под лучом зари.

Поднялась в ту ночь к Плеядам месяца глава,
Апогей звезды Бахрама был в созвездье Льва.

Утарид блеснул под утро в знаке Близнецов,
А Кейван от Водолея отогнал врагов.

Встал Денеб против Кейвана, отгоняя тень,
Мирно в знак Овна входило солнце в этот день.

Так сошелся в гороскопе вещий круг светил.
Муштари в созвездье Рыбы счастье возвестил.

Со счастливым гороскопом, что описан вам,
При благоприятных звездах родился Бахрам.

Ездигирд — его родитель, неразумный шах,
Стал раздумывать в прискорбье о своих делах.

Что ни делал он — все тщетно, прахом все ушло,
Ибо семена насилья порождают зло.

Хоть имел детей и раньше этот властелин,
Умирали все, остался лишь Бахрам один.

И к решению звездочеты мудрые пришли,
Что воспитывать Бахрама надобно вдали,

Что его в страну арабов надо отослать,
Что его у мужа чести надо воспитать.

Молвили, что там, быть может, счастье он найдет
И друзей в Арабистане верных обретет.

Вопреки установленьям строгой старины,
Перенести росток решили в сад иной страны.

Ездигирд себялюбивый сына не любил,
Он спокойно на чужбину сына отпустил.

Для него решил в Йемене он поставить трон,
Чтоб от смут земли Аджамы был он удален.

И в страну Йемен к Нуману он послал гонца,
Чтобы царь Нуман Бахраму заменил отца.

Он просил, чтобы Бахрама взял к себе Нуман,
Чтоб в саду Нумана вырос и расцвел тюльпан,

Чтоб его наукам царским обучили там,
Чтоб страну научился управлять Бахрам.

Сам Нуман за ним приехал и увез домой
Сына шаха, — скрыл в чертоге месяц молодой.

Тот родник, чей морем позже разлился поток,
Сохранил и как зеницу ока он сберег.

Минуло четыре года; мальчик подрастал;
Как степной онагр, он резвым и красивым стал.

И тогда Мунзиру — сыну — молвил властелин:
«Он растет, но огорченьем скован я, мой сын.

Климат здесь сухой, весь край наш солнцем раскален,
Он же — с севера, и нежен по натуре он.

Нам возвышенное место надо отыскать,
Нам его в прохладе горной надо содержать,

Где бы северный лелеял тело ветерок,
Где бы отдых был приятен, сон ночной глубок,

Чтобы в климате хорошем рос он, как орел,
Чтобы крылья он и перья крепкие обрел,

Чтобы запятнать природу шаха не могли
Этот зной и сухость праха, дым и пыль земли».

О ПОСТРОЕНИИ ХАВАРНАКА И О ДОСТОИНСТВАХ СТРОИТЕЛЯ СИМНАРА

Ездил шах Нуман с Мунзиром среди гор и скал,
Мест хороших для Бахрама долго он искал,

Где б от солнечного зноя не было вреда,
Где бы ветерок прохладу приносил всегда.

Не могли в стране такого места отыскать,
Где бы вырастить Бахрама им и воспитать.

И решили светлый замок с башней возвести.
Нужно было для постройки зодчего найти.

Много было иноземных зодчих и своих,
А для дела не годился ни один из них.

Но однажды до Нумана долетела весть:
«Шах! Такой, тебе пригодный, мастер в Руме есть.

Слава дел его по странам катится рекой;
Словно воск, податлив камень под его рукой.

Строить быстро и красиво он имеет дар,
Он из рода Сима, имя славному — Симнар.

Красотой его построек всякий изумлен,
В Сирии в горах Ливанских зданья строил он,

И в стране, где Нил лазурный падает с небес,
Каждое его создание — чудо из чудес.

Хоть себя Симнар лишь зодчим скромно называл,—
Он художников славнейших миру воспитал.

Стоя там, где строить зданье он предполагал,
Паутину балок в небе взором он свивал.

Он, как Булинас из Рума, разумом глубок;
Открыватель талисманов, маг и астролог,

Знает он о нападенье яростной луны
И о мести солнца — тайну звездной вышины.

Он для вас дворец, как платье царское, соткет.
На дворце такой высокий купол возведет,

Что созвездья, словно пояс, купол обовьют,
И ему Плеяды сами светоч отдадут».

Сердце вспыхнуло в Нумане, жгли его, как жар,
Эти вести, это имя чудное — Симнар.

Он послал гонца, который бойко говорил
По-румийски. Тот Симнара быстро соблазнил

Бросить Рум. И вот к Нуману зодчий привезен.
Услыхав, чего хотели от него, и он

Воспылал желаньем — дело начинать скорей,
Возвести дворец, достойный отпрыска царей.

Пятилетие трудился над постройкой он.
Был рукою златоперстой дивно возведен

Замок, башенки вздымавший к звездам и луне,
Сновиденьем возникавший в синей вышине.

И второй Каабой в мире этот замок стал.
Был резьбой он весь украшен, золотом блистал,

Горною лазурью, краской, что красней зари.
Наподобье неба сделан купол изнутри;

Опоясывали небо девять сфер вокруг,
Полный образов, что создал Север, создал Юг,—

Купол был тысячеликим, сказочным Лушой.
Созерцая свод, усталый отдыхал душой.

Дивною дарил прохладой он и в летний зной.
А когда горел, как солнце, купол под зарей,

Гурия завязывала очи полотном.
Словно рай, красив, удобен был прекрасный дом.

Будто небо в славе солнца, свод горел огнем.
Бычьей кровью камень с камнем скован в своде том.

Был подобен купол небу, влаге и огню;
Трижды цвет свой и сиянье он менял на дню.

Как невеста, он одежды пышные сменял.
Синим, золотым и снежным светом он сиял.

Пред зарей, когда лазурным небосвод бывал,
Плечи мглою голубую купол одевал.

А когда вставало солнце над земной чертой,
Свод пылал, как солнце утра,— ало-золотой.

Тень от пролетающего облачка падет —
Снежно-белым делается весь дворцовый свод.

Цвета неба — он миражем в воздухе висел,
То румийцем белым был он, то, как зиндж, чернел.

Вот Симнар работу кончил — снял леса со стен,
Красотой своей постройки взял сердца он в плен.

Стен и купола сиянье разгоняло мрак.
Замку новому название дали — «Хаварнак».

И великую награду шах Симнару дал.
Половины той награды он не ожидал.

С золотом и жемчугами длинный караван
Тяжко вьюченных верблюдов дал ему Нуман,

Чтоб и в будущем работал на него Симнар.
Если впору не раздуешь ты в тануре жар,

Злополучное жаркое будешь есть сырьем,
Но сторицей возвратится, что за труд даем.

А когда такую милость зодчий увидал,
Молвил: «Если б ты мне раньше столько обещал,

Я, достойное великой щедрости твоей,
Здание создал бы — красивей, выше и пышней!

Багрецом, лазурью, златом башни б расцветил,
И поток столетий блеска б их не погасил.

Коль желаешь — будет мною здание начато
Завтра ж! Этот замок будет перед ним ничто.

В этом здании — три цвета, в том же будет сто!
Это — каменное; будет яхонтовым то.

Свод единственный — строенья этого краса,
То же будет семисводным — словно небеса!»

Пламенем у падишаха душу обняла
Эта речь и все амбары милости сожгла.

Царь — пожар; и не опасен он своим огнем
Только тем, кто в отдаленье возведет свой дом.

Шах, что розовый кустарник, ливнем жемчугов
Сыплет. Но не тронь — изранит жалами шипов.

Шах лозы обильной гроздь на плечи друзей
Возложив, их оплетает силою ветвей.

И, обвив свою опору, верных слуг своих, —
Из земли, без сожаленья, вырвет корень их.

Шах сказал: «Коль этот зодчий от меня уйдет,
Он царю другому лучший замок возведет».

И велел Нуман жестокий челяди своей
Зодчего схватить и сбросить с башни поскорей.

О, смотри же, как судьбою кровожадной он
Сброшен с купола, который им же возведен!

Столько лет высокий замок он своей рукой
Строил. И с него мгновенно сброшен был судьбой!

Он развел огонь и сам же в тот огонь попал.
Долго восходил на кровлю — вмиг с нее упал.

В высоте ста с лишним гязов замыкая свод,
Он не знал, что, труд закончив, гибель там найдет.

Выше хижины он замка строить бы не стал,
Если бы свою кончину раньше угадал,—

Возводя престол, расчисли ранее всего,
Чтобы не разбиться, если упадешь с него.

И взвилось петлей аркана до рогов луны
Имя грозное Нумана с дивной вышины.

И молва, что он волшебник, с той поры пошла,
И владыкой Хаварнака шаха нарекла.

ОПИСАНИЕ ДВОРЦА ХАВАРНАКА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НУМАНА

Хаварнак, когда он домом для Бахрама стал,
Чудом красоты в подлунном мире заблистал.

И прославленный молвою, окружен хвалой,
Назвался «Кумирней Чина», «Кыблою второй».

Сотни тысяч живописцев, зодчих, мудрецов
Приходили, чтоб увидеть лучший из дворцов.

Тот, кто видел, восхищенья удержать не мог
И вступал с благоговеньем на его порог.

Там — на всех дверях чертога, что вздымался ввысь,
Изречения узором золотым вились.

Над Йеменом засияла вновь Сухейль-звезда
Так светло, как не сияла прежде никогда.

Полн красавиц, как под звездным куполом Йемен,
Стал тот замок, словно полный жемчуга Аден.

И, прославленный молвою, стал известен всем
Хаварнаком озаренный берег, как Ирем.

Как Овен на вешнем небе ярко светит нам,
Хаварнак светил, и рядом с ним светил Бахрам.

Проводил Бахрам на кровле ночи до утра.
В небе чашу поднимала за него Зухра.

Видел стройные чертоги в отсветах зари,
Полная луна — над кровлей, солнце дня — внутри.

В глубине палат сияли факелы в ночи,
С кровли путникам светили, как луна, в ночи.

И всегда отрадный ветер веял меж колонн,
Запахом садов, прохладой моря напоен.

Сам бахрам, лишь постепенно обходя дворец,
Дивное его величье понял наконец.

За одной стеной живую воду нес Евфрат,
Весь в тени деревьев цветущих и резных оград.

А за башней, что, как лотос, высока была,
Молока-и меда речка, скажешь ты, текла.

Впереди была долина, сзади — свежий луг,
Пальмы тихо шелестели и сады вокруг.

Сам Нуман, что здесь Бахраму заменил отца,
Часто с ним сидел на кровле своего дворца.

Над высокой аркой входа он на зелень нив
Любовался с ним часами, светел и счастлив.

Даль пред ними — вся в тюльпанах, как ковер, цвела,
Дичью полная — к ловитве души их звала.

И сказал Нуман Бахраму: «Сын мой, рад ли ты?
Хорошо здесь! Нет подобной в мире красоты».

Рядом был его советник. Чистой веры свет
Мудрому тому вазиру даровал Изед.

И сказал вазир Нуману: «В мире все пройдет,
Только истины познание к жизни приведет.

Если свет познания брезжит в сердце у тебя,
Откажись от блеска мира — правду возлюбя!»

И от жара этой речи, что как пламя жгла,
Содрогнулся дух Нумана, твердый как скала.

С той поры как семь небесных встали крепостей,
Не бывало камнемета этих слов сильней.

Шах Нуман спустился с кровли в час полночной мги,
Молча он, как лев, к пустыне устремил шаги.

Он отрекся от сокровищ, трона и венца.
Прелесть мира несовместна с верою в творца.

От богатств, какими древле Сулейман владел,
Он отрекся; сам изгнания он избрал удел.

Не нашли нигде ни шаха, ни его следов,
Он исчез, ушел от мира, словно Кей-Хосров.

Хоть Мунзир людей на поиск тут же снарядил,
Не нашли, как будто ангел беглеца укрыл.

Горевал Мунзир, потерей удручен своей,
Он провел в глубокой скорби много долгих дней.

Выпустил кормило власти из своей руки...
Стал дворец его высокий черным от тоски.

Но утихло в скорбном сердце горе наконец;
Власть его звала, к правленью призывал венец.

Он искоренил насилие твердою рукой,
Ввел законы, дал народу счастье, мир, покой.

А когда он полновластным властелином стал,
Ездигирд ему признание и дары послал.

А Бахрама, словно сына, шах Мунзир растил.
Был отцом ему. Нет, больше и роднее был.

Сын Нуман был у Мунзира; вырастал, как брат,
Он с Бахрамом. Оба шахский радовали взгляд.

Ровня был Бахрам по крови, одногодок с ним,
Он не разлучался с братом названным своим.

Вместе обучаться стали грамоте они,
За игрой веселой вместе проводили дни,

На охоту выезжали вместе в дни весны,
Никогда, как свет и солнце, не разделены.

Так Бахрам в высоком замке прожил много лет,
Помыслы его премудрый направлял мобед.

К знанью был Бахрама разум с детства устремлен.
Как достойно сыну шаха, был он обучен.

Изучал Бахрам арабский, греческий язык,
Старый маг его наставил тайне древних книг.

Сам Мунзир, многоученый и разумный шах,
Объяснял ему созвездий тайны в небесах.

Ход двенадцати созвездий и семи светил
Ученик его прилежный вскоре изучил.

Геометрию постиг он, вычислял, чертил.
Алмагест и сотни прочих таинств изучил.

Он, ночами наблюдая звездный небосвод,
Стал читать светил движенье и обратный ход.

Ум его величием мира стройным был объят.
Знания перед ним раскрылись, как бесценный клад.

И, увидя в восхищенье, что его Бахрам
Зорек мыслью, в постиженье знания упрям,

Все, что разум человека за века постиг,
Все, чем стал он перед небом и землей велик,—

Все Мунзир законов стройных кругом вместе слил
И, как книгу, пред Бахрамом наконец открыл.

И Бахрам, учась прилежно, стал в конце концов
Искушен во всех науках — даре мудрецов.

Были вняты все таблицы звездные ему,
Сокровенное он видел сквозь ночную тьму.

Астролябией и стержнем юга он владел,
Он узлы деяний неба развязать умел.

И когда наукой книжной был он умудрен,
Боевым владеть оружием стал учиться он.

Он игрою в мяч, искусством верховой езды
Мяч выигрывал у неба и его звезды.

А когда в степи он ветер начал обгонять,
На волков и львов с арканом начал выезжать.

А в степи заря рассвета и лучи ее
Пред копьем его бросали на землю копье.

Вскоре он в стрельбе из лука равного не знал,
Птицу в высоте небесной он стрелой пронзал.

Полный весь колчан порою посылал он в цель,
Каждую своей стрелою попадал он в цель.

Так пускал он стрелы густо, так рубил мечом,
Что никто бы не укрылся от него щитом.

На скаку, в пылу охоты он копье метал,
На скаку в кольцо копьем он метким попадал.

Острием копья колечко с гривы льва срезал
И кольцо с замка сокровищ он мечом снимал.

На ристалище, когда он лук свой брал порой,
В волосок он — за сто гязов попадал стрелой.

Все, что в поле на ловитве взгляд его влекло,
От летящих стрел Бахрама скрыться не могло.

Так в науках и в охоте перед ним всегда
Реяла его удачи яркая звезда.

Доблестью его гордились ближние царя,
С похвалою о Бахrame всюду говоря.

Говорили: «То он в схватку с ярым львом вступил,
То он барса на охоте быстрого сразил».

И такие о Бахrame всюду речи шли,
И его «Звездой Йемена» люди нарекли.

ОХОТА БАХРАМА И КЛЕЙМЕНИЕ ОНАГРОВ

А когда звезда Бахрама, как Сухейль светила,
Йеменского онагра кожу утончила,

Стал Мунзир Бахраму братом. Ведь Нуман-мудрец
Был ему и воспитатель и второй отец.

Шах Мунзир делил с ним радость верховой езды.
И Нуман с Мунзиром юным были им горды.

И Бахрамово величье пышное, как сад,
Расцветало, вырастало, радовало взгляд.

Рос и день за днем в веселье проводил Бахрам;
Днем охоте предавался, вечером — пирам.

Он охоту на онагров без ума любил.
Где бы шах стрелу из лука в зверя ни пустил —

Не случилось, чтобы мигом дичи не убил.
Рыжий конь — проворный, быстрый — у Бахрама был;

Как волна морская, плавно, мягко он ходил
И скакал, не ожидая плетки и удил:

Диск луны и мяч у солнца был им унесен,
И с движеньем небосклона породнился он.

Обгонял на том коне он даже вихрь степей.
Рыжий хвост коня клубился, словно сотни змей.

Ста онаграм он копытом вырыл сто могил.
В прочих конях толку вовсе шах не находил.

И когда Бахрам на ловлю рыжего седлал,
Стать коня табун онагров ржаньем восхвалял.

Конь оленей за собою в беге оставлял,
Дичь бегущую дыханьем жарким опалял.

А когда тигроподобный всадник на коне
Медноцветном в предрассветной мчался тишине,

Скажешь: поле было, словно роспись на стене.
Стадо дичи, клубы пыли, скалы, даль в огне...

И удачная охота каждый день была.
Лань любую настигала меткая стрела.

Были дичью изобильны степи в те года.
Прوماха не знал охотник славный никогда.

Всюду ездил он бесстрашно на своем коне,
По пустыням, по безлюдной горной крутизне.

Тысячи живых онагров шах арканом брал;
Догонял, хватал рукою, на землю бросал.

Но не трогал тех, которым было мало лет.
Жеребят щадил, на жизнь их полагал запрет.

В силу им войти давал он. Шахское тавро
Именное пощаженным ставил на бедро

И, клеймо свое поставя, в поле отпускал.
Кто б клейменного онагра в поле ни поймал,

Шахское тавро увидев, зверю никогда
И никто не делал даже малого вреда;

Поцелует лишь онагра в круглый знак тавра
И отпустит в степь, где веют вольные ветра.

Так Бахрам, охотник славный, дичь хоть и клеймил,
Но клейменных от печали он освободил.

Хоть клеймо султана носим мы — его рабы, —
Надо б нам повеселее гнать коня судьбы.

Но и муравья в гробнице нынче не найдем,
Что насилья не отмечен роковым тавром.

БАХРАМ УБИВАЕТ ЛЬВА И ОНАГРА

Как-то утром, так преданье повествует нам,
Вместе с шахом и со свитой выехал Бахрам.

В день тот у Бахрама неба выиграл он мяч,
Мчался конь его, как ветер, легок и горяч.

Свеж был ветер степи, таял утренний туман.
Был, Мунзир с Бахрамом рядом, а за ним Нуман.

Был красив Бахрам, осанкой радовал он взгляд,
Статен, полон львиной мощи с головы до пят.

Вдруг вдали онагров стадо пронеслось, пыля.
В пыльном облаке сливались небо и земля.

Вслед ему Бахрам гнедого скакуна погнал,
Словно резкий ветер, тучи пыли разогнал.

Льва огромного увидел, что онагра сбил
И в хребет онагру когти мощные вонзил.

Чтобы сбросить льва с онагра, левою рукой
Из узорного колчана взял он лук тугой.

С наконечником надежным он достал стрелу,
Положил на лук звенящий и послал стрелу.

Льву в плечо стрелой охотник метко угодил:
Сразу льва он и онагра той стрелой пронзил.

Льва одною и онагра пронизал стрелой,
Что щиты и что кольчуги для стрелы такой?

И онагр и лев — ты видишь — мертвые легли,
И стрела до оперенья в грудь вошла земли.

Лук еще в руке простертой шах Бахрам держал,
Лук в его руке простертой не оттрепетал,—

Все, что видели Бахрама выстрел издали,
Все его Аджамы шахом истинным сочли.

Спутники его арабы кланялись ему,
Удивлялись и уменью шаха и уму.

«Мощный, словно лев, охотник» — стали звать его,
Начали «Бахрамом-гуром» величать его.

И когда вернулись в город, пронеслась молва,
Как одной стрелой онагра он убил и льва.

Во дворец к себе вернувшись, шах Мунзир велел,
Чтоб охоту живописец ту запечатлел.

И художник в Хаварнаке все изобразил:
Лев степной к земле онагра лапой придавил.

И Бахрам сидит поодаль на своем седле,
Две добычи пригвозждает он стрелой к земле.

Как живой, на той картине шах-охотник был,
Так искусно живописец все изобразил.

И об этом с удивленьем всюду говоря,
Люди славили в Йемене юношу царя.

БАХРАМ УБИВАЕТ ДРАКОНА И НАХОДИТ КЛАД

Раз, когда в садах дышала ранняя весна,
Он погнал корабль веселья по морю вина.

Пил вино Бахрам и свиту шаха угощал,
Вышел прочь и, опьяненный, в степи поскакал.

За онаграми погнался, вихрем пыль всклубил,
Много он арканом резвой дичи повалил.

Дальше стадо убегало, он вослед скакал,
И ловил он, и добычи новой он искал.

Самка легкая онагра перед ним взвилась,
С криком в сторону от стада вихрем понеслась.

Ушки острые вздымая над широким лбом,
Статью легкой и осанкой схожая с конем.

Словно золото, блестела гладкая спина,
Снизу же была, как сахар с молоком, она.

Полосой блистая черной вдоль всего хребта,
В крапинках была от шеи черной до хвоста.

Были пятна, как зуннара пестрое шитье,
А на лбу была, как роза, челка у нее.

Красотой своих соперниц резвых превзошла,
В быстроте у всех онагров первенство взяла.

Вся она была, как пламя, среди трав степных,
Как красавица в одежде избранных святых.

Ноги легкие, как стрелы, тонки и быстры,
Уши — лезвия кинжалов, — как алмаз, остры.

Не было горба и гривы на спине у ней,
Уши охраняли шею, шей других стройней.

Полосы по-аравийски на спине черны,
Обвили, как две дороги, выпуклость спины.

И узоры аравийской кожи на бедре
Прихотливы были, словно чернь на серебре.

На боках ее, как жемчуг, светит белизна,
Кровь ее в широких венах, как рубин, красна.

В полосах на легкой шее пламенеет кровь,
Будто красный шелк, играет и краснеет кровь.

Словно зиндж, жонглирующий связками ремней,
Кровеносные сосуды извилились на ней.

Черный хвост ее взлетает, круп ее дрожит,
Шея гибкая играет с золотом копыт.

От преследованья резво убегал онагр.
Вслед Бахрам — туда, где в далях пропадал онагр.

Был онагр и быстр и молод, мчался — полный сил,
А за ним ловец онагров, словно лев, спешил.

Так с утра и до заката, не преодолев
Расстоянья между ними, гнал онагра лев.

Не хотел Бахрам от этой дичи отставать,
Гнал коня весь день, а дичи все не мог догнать.

Впереди онагр пугливый, а за ним — Гурхан,
Степь кругом. Садилось солнце в заревой туман.

Мчался он пустыней дикой среди голых скал
И увидел пасть пещеры, где онагр пропал.

А приблизившись к пещере, ужаснулся он:
Вход в пещеру ту огромный охранял дракон.

Он клубился, словно черный смоляной поток,
Путь безвестный преграждал он, словно темный рок.

Был, казалось, тяжким серным дымом он объят,
Был огнем, что из утробы извергает ад.

Он, как дерево без листьев, лапы простирает,
Будто сам владыка ада шаху предстоял.

Словно черный зев пещеры, пасть его была,
И душа его добычу новую ждала.

Видно, только что онагра проглотил дракон,
Взгляд свирепый на Бахрама устремил дракон.

Так, погоней увлеченный, шах в беду попал,
Но, увидевши дракона, сам драконом стал.

Он в смятении охоту позабыл свою,
Видел — трудно будет змея победить в бою.

Для какого испытанья тайная звезда
Из степеней его привольных завела сюда?

Он искал кругом глазами, где онагр пропал?
В пасть разъятую дракона, видно, он попал.

Иль на правый суд Бахрама он хотел призвать,
Чтоб насильника железом шахским наказать?

Шах подумал: «Если это для меня дракон,
А не дичь, — то и в могиле буду посрамлен.

Я — возмездье за онагра. Смерти не страшусь,
Будь что будет, справедливый суд свершится пусть!»

Так решив, с единоборством медлить он не стал,
И двужалую хаданга он стрелу достал.

И на лук из ветки туза положил стрелу,
И, в глаза дракона целясь, он пустил стрелу.

И в тот миг, как устремился на него дракон,
Поразил в глаза дракона той стрелою он.

И в глаза дракона оба острия впились,
И дороги Ахримана в мир оборвались,

Полюбуйся, как двужалой шахскою стрелой
Ослеплен был в миг единый тот насильник злой.

И, когда дракону темен мир и тесен стал,
Шах, как хищная акула, на него напал.

Острие копья дракону в горло он вонзил,
Будто лев в хребет онагра лапу запустил.

Он рассек дракону горло острием копья.
Он пресек ему дорогу зла и бытия.

И дракон со страшным ревом обземе головой
Грянулся, как дуб, что с треском рухнул под грозой.

Рухнул наземь он, как глыба с кручи горных скал.
Шах, на миг отпрянув, снова на него напал.

Он булатом Ахриману голову отсек, —
Враг да будет обезглавлен, истреблен навек.

Он мечом своим дракону брюхо распорол
И онагра у дракона в животе нашел.

Видно, тот онагр дракону отомстить хотел,
Бог Бахраму за онагра отомстить велел.

И склонил, шепча молитву, голову Гурхан,
Понял, что ему победу сам послал Яздан.

И, утешась, сесть хотел он на коня опять
И охоту на онагров в поле продолжать.

Увидал онагр — к ловитве снова рвется лев,
Прискакал и перед шахом вполз в пещерный зев.

По камням вослед онагру шах пошел пешком,
И, согнувшись, в ту пещеру он вошел с трудом.

Увидал во тьме, как будто светочи дрожат.
И нашел он в той пещере драгоценный клад.

Там кувшины были полны слитков золотых,
Лалы, скрытые, как пери, от очей людских.

Приведя Гурхана к кладу, голову склонил
Тот онагр и мигом скрылся, — след его простыл.

Шах, сокровища нежданно под землей найдя,
От дракона клад бесценный тот освободя,

Вышел из пещеры тесной, стал пути искать,
Спутников своих он начал громко выкликать.

С час у входа той пещеры он стоял, пока
Прибыли к нему на голос слуги и войска.

Радовались все, что снова шаха обрели,
Что живым его в безлюдном месте том нашли.

С ними радуясь душою, приказал Бахрам
Всем своим могучим слугам и богатырям,

Чтобы вход они прорыли в глубину земли,
Чтоб сокровища наружу поскорей несли.

Триста молодых верблюдов на своих горбах
Понесли тот клад богатый в кожаных тюках.

Если сильный за онагра вольного отмстит
И насильника-дракона сталью поразит,

Небеса его за это отблагодарят
Благодеянием и счастьем и откроют клад.

Вновь Бахрам к пирам, к веселью сердце обратил,
Он на празднества сокровищ много расточил.

Поначалу Ездигирду старому в Иран
Десять с золотом верблюдов отослал Гурхан

И Мунзира, что Бахраму ближе брата был.
Он сокровищами клада щедро одарил.

Людам и себе на счастье клад он расточал.
Ни писцов, ни казначеев клада он не знал.

Несколько еще он кладов вскоре отыскал,—
Брал их, радуясь, с открытым сердцем раздавал.

Царь Йемена живописца пригласить велел,
Чтобы подвиги Бахрама он запечатлел.

И художник вновь явился, кисти, краски взял,
На большой стене картину боя написал.

И потом, какой бы подвиг шах ни совершал,
Живописец в Хаварнаке все изображал.

БАХРАМ НАХОДИТ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕМИ КРАСАВИЦ

В Хаварнак однажды прибыл из степей Бахрам,
Предался отдохновенью, лени и пирам.

По бесчисленным покоем как-то он блуждал,
Дверь закрытую в проходе узком увидал.

Он ее дотоль не видел и не знал о ней;
Не входил в ту дверь ни ключник и не казначей.

Тут не медля шах от двери ключ у слуг спросил.
Ключник тотчас появился, ключ ему вручил.

Шах открыл и стал на месте — сильно изумлен;
Будто бы сокровищницу там увидел он,

Дивной живописью взоры привлекал покой.
Сам Симнар его украсил вещью рукой.

Как живые, семь красавиц смотрят со стены.
Как зовут, под каждой надписью, из какой страны.

Вот Фурак, дочь магараджи, чьи глаза черны,
Словно мрак, и лик прекрасней солнца и луны.

Вот китайского хакана дочь — Ягманаз, —
Зависть лучших дев Китая и твоих, Тараз.

Назпери — ее родитель хорезмийский шах.
Шаг ее, как куропатки горной, легкий шаг.

В одеянии румийском, прелести полна,
Насринуш идет за нею — русская княжна.

Вот магрибского владыки дочь Азариюн,
Словно утреннее солнце девы облик юн.

Дочь царей румийских — диво сердца и ума.
Счастье льет, сама счастлива, имя ей — Хума.

Дочь из рода Кей-Кавуса, ясная душой
Дурасти — нежна, как пальма, и павлин красой.

Этих семерых красавиц сам изобразил
Маг Симнар и всех в едином круге заключил.

А посередине круга — будто окружен
Скорлупой орех — красивый был изображен

Юный витязь. Он в жемчужном поясе, в венце.
И усы черны, как мускус, на его лице.

Словно кипарис, он строен, с гордой головой.
Взгляд горит величием духа, ясный и живой.

Семь кумиров устремили взгляды на него,
Словно дань ему платили сердца своего.

Он же ласковой улыбкой отвечает им,
Каждою и всеми вместе без ума любим.

А над ним Бахрама имя мастер начертал.
И Бахрам, себя узнавши, надпись прочитал.

Это было предсказанье, речь семи светил:
«В год, когда воспрянет в славе витязь, полный сил, —

Он добудет семь царевен из семи краев,
Семь бесценных, несравненных, чистых жемчугов.

Я не сеял этих зерен, в руки их не брал;
Что мне звезды рассказали, то и написал».

И любовь к семи прекрасным девам день за днем
Понемногу овладела молодым царем.

Кобылицы в пору течки, буйный жеребец —
Семь невест и льву подобный юный удалец.

Как же страстному желанью тут не возрастать,
Как же требованьям страсти тут противостать?

Рад Бахрам был предсказанью звездному тому,
Хоть оно пересекало в жизни путь ему.

Но зато определяло жизнь и вдаль вело,
Исполнением желаний дух его влекло.

Все, что нас надеждой крепкой в жизни одарит,
Силу духа в человеке удесатерит.

Вышел прочь Бахрам, и слугам дал такой наказ:
«Если в эту дверь заглянет кто-нибудь из вас,

Света солнечного больше не видать тому:
С плеч ему я без пощады голову сниму».

Стражи, слуги, и вельможи, и никто другой
Даже заглянуть не смели в тайный тот покой.

Только ночь прольет прохладу людям и зверям,
Взяв ключи, Бахрам к заветным подходил дверям,

Отпирал благоговейно и, как в рай, вступал:
Молча семь изображений дивных созерцал.

Словно жаждущий, смотрелся в чистый водоем.
И, желаньем утомленный, забывался сном.

Вне дворца ловитвой вольной шах был увлечен,
Во дворце же утешался живописью он.

БАХРАМ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Лживые в предел Аджама вестники текли,
Ездигирду о Бахраме сплетни понесли.

Говорили: «Исполином сын твой ярым стал,
Молод он, а львом могучим, волком старым стал.

От него, как пес, трусливо убегает лев.
Он дракона убивает, приходя во гнев.

Он арканом сыромятным дива в плен берет,
По горам, преград не зная, правит он полет.

В шелк алмазы превращает он мечом своим,
Скалы в гневе рассекает он мечом своим».

Услыхал отец о силе сына своего,
Мыслит: «Смерть моя таится в юности его!»

Подозрительный и злобный, опасался он
Льва, хоть лев ему был сыном, им был порожден.

А Бахрам душой беспечной этого не знал,
Днем охотился с друзьями, ночью — пировал.

Пусть они неправы, нужно ль их казнить мечом?
Ведь они мои же овцы на лугу моем!

Пусть теперь в своей овчине там они храпят,
На моих они угодьях и отгонах спят.

Пусть они нарушат клятву, я вернусь в свой дом,—
Знаю я — им будет стыдно предо мной потом.

Ведь предательства стыдится честный муж всегда,
Он в раскаянии горьком никнет от стыда.

Сам себя унизит тяжело, кто несправедлив,
Кто вернется в лоно правды — тот уже счастлив.

Обезумели иранцы? Что ж,— я к ним приду,
Разум им верну и к вере прежней приведу.

Коль охотник в нетерпенье выстрелить спешит,
То стрела его от цели в сторону летит».

БАХРАМ ПРИВОДИТ ВОЙСКО В ИРАН

Не пора ли стать собою, слова чародей?
Утомляет повторенье слышанных речей.

Нет, из горла ты дыханье розы источи,
Словно амбру, мысли в ларчик слова заключи!

Дал сначала обещанье я тому, кто сам
В исполненье обещаний помогает нам.

В наши дни, когда вино мы пьем, а он почил —
Тот, кто царственную книгу миру подарил,—

Не могу его творенье я назвать своим,
Ибо не к лицу ходить мне по путям чужим.

И пока воображенье молодо мое,
Стыдно будет мне чужое зашивать старье.

Хоть в нанизыванье перлов я и не привык
Пересказу сказанного подчинять язык,

Но к сокровищницам слова нет путей других.
Хоть и две стрелы, но все же цель одна у них.

Но поскольку пересказа я не избегу,
Вместо древнего паласа шелковый сотку.

Два алхимика над словом стали колдовать
И заставили монеты старые блистать.

В серебро один когда-то переплавил медь,
Серебро другой заставил золотом звенеть.

Если серебром запело медное литье,
Не дивись, что станет златом серебро твое.

НАЧАЛО ИЗЛОЖЕНИЯ

Ювелир, что самоцветы эти оправлял,
Меж собой в таком порядке их располагал:

В день, когда Бахрам услышал вести от гонцов,
Что чужак похитил дерзко трон его отцов,

То — во имя славы Кеев и величья их —
Шах Бахрам оружие поднял на врагов своих.

Чтобы в мире утвердил он древний свой оплот,
С ним Мунзир послал Нумана спутником в поход.

Он открыл перед Бахрамом царскую казну,
Дал людей, коней, оружие, чтоб вести войну.

Был стремителен воитель, месть в нем ожила,
На Аджам рука Бахрама войско повела.

От Йемена до Адена всадники пришли,
Клятву верности сто тысяч шаху принесли,

Лучшие в стальных доспехах воины степей,
Брать обученные с бою стены крепостей.

Каждый по своей природе с тигром схож и львом,
Каждый — шахская опора со своим мечом.

Двинулись войска Бахрама по стезе войны,
Конский пот и пыль затмили светлый лик луны.

Загремели барабаны, и из края в край,
Оглашая даль степную, заревел карнай.

От раската барабанов, грянувших кругом,
Желчь бы в печени иссякла, онемел бы гром.

И волнами до небесных нижних плоскостей
Подымались шум и ржанье множества коней.

Многочисленной летящей в небе саранчи
Войско двигалось, и сечи жаждали мечи.

Цвет воинственный Йемена двинулся в Аджам,
Чтобы сел на троне Кеев доблестный Бахрам.

Заступивший Ездигирда старец был смущен,
Услыхав, что устремился на него дракон;

Что спуститься пожелали наземь небеса,
Что Сухейль, Йемена светоч, гневно поднялся;

Что над ним, как над онагром, лапу лев занес,
Что ему сулит могилу сочетанье звезд;

Что идет Бахрам в Аджам смуту усмирить,
Взять венец и трон, порядок стройный водворить.

В день, когда в Аджам такие слухи донеслись,
Полководцы и мобеды к шаху собрались.

Говорили: «Нам Бахрама незачем пускать,
Здесь потомку Ездигирда нечего искать».

Совещание мобедов кончилось на том,
Что Бахрама надо мудрым вразумить письмом.

Написали, как высокий разум им велел,
Семена писец посеял с примесью плевел.

Он писал велеречиво в духе старины;
Словеса неясны были, мысли в них темны.

Написав, свернули свиток, выбрали гонцов —
Опытных в посольском деле старых мудрецов.

Те приехали к Бахраму и сошли с коней,
Но была звезда Бахрама воли их сильней.

Благосклонные хаджибы, доброе творя,
Выслушали, разрешили увидеть царя.

Полон светлого величья, встретил их Бахрам:
«Подойдите ближе, старцы!» — молвил он послам.

Те с великим опасеньем ближе подошли,
Пали ниц и восхваленье шаху принесли.

Тут старейший из посольства к трону подступил,
Над челом посланье поднял и царю вручил.

И дабир царя на свитке преломил печать,
Развернул письмо и начал вслух его читать.

ПИСЬМО ПАДИШАХА ИРАНА БАХРАМ-ГУРУ

«Именем того, кто правит небом и землей,
Кто заблудшим указывает к благу путь прямой,

Именем творца вселенной, волею своей
Направляющего звезды и судьбу людей;

Ибо все, что населяет сей земной простор,
Море, воздух — от зенита до тяжелых гор —

Все в кумирне несказанной славы и щедрот,
Им изваянные формы восприяв, живет;

Ибо им живет любое в мире существо,
И желанья наши движет промысел его.

Мы узлов его не можем сами развязать,
И его восходит утро солнце прославлять.

В нём живут земля и время, им владыка — он,
И ему земля и время отдают поклон».

Так был во главе посланья восхвален творец.
А закончив славословье, продолжал писец, —

Воздал славу Ездигирду он и шахзаде:
«О, вознесшийся подобно утренней звезде,

Наделенный фарром, отпрыск истинных царей,
Человечный, справедливый шах богатырей.

Сам я родом от Хосрова, предком я горжусь,
И противника любого я не уstraшусь.

Доблестями наделенный, я — мобедов пир,
Знаю жизнь; к моим седидам благосклонен мир.

Горячо судьба за доблесть мне благоволит,
Недостойного всевышний тронем не дарит.

Я короною увенчан, тронем вознесен,
Никогда никем не будет мой унижен трон.

Но хоть на земле в Аджаме власть крепка моя,
Знай, что дивами и пери управляю я.

Но суровые заботы разум мой томят,
Тяжесть царской власти к меду примешала яд.

Сколько силы, сколько мощи было у меня,
Как светло горел мой светоч вечного огня!

Хорошо, когда б ты старцу внял, мой юный шах! —
У подножья трона пропасть, и враги, и страх.

Знай, что долго не хотел я восходить на трон,
Уступить горячим просьбам был я принужден.

Весь Иран меня заставил падишахом стать
И в чужом венце сияньем чуждым заблистать.

Я поклялся от вторжений землю защищать,
Долг мой не блистать величьем, долг мой — охранять.

Притчу старую напомнить я хочу тебе:
Власти жаждущий над миром — враг своей судьбе.

Но безумной жаждой власти ты не опален,
По-иному ты душою к миру устремлен.

Для тебя кебаб, что в поле на углях поспел,
Лучше тысячи тревожных, трудных царских дел.

И глоток вина и лютня — отдых без забот —
Это лучшее, что дать нам может небосвод.

Лучше пировать беспечно, дичь в полях стрелять,
Чем на плечи бремя власти царской принимать.

Счастья хочешь ты и мира — ты владеешь им,
И довольно! А заботы предоставь другим.

Днем охотишься, пируешь ночью за столом,
Пьешь ты сладко, ешь ты пряно, спишь ты крепким
сном.

Я не так: живу, лишенный радостей земных,
Сна не ведаю, страдаю из-за дел людских.

С той поры как стал я шахом, мой удел суров,
То из-за друзей скорблю я, то из-за врагов.

Наименьшая забота для меня — свой меч
Обнажить, чтобы к престолу путь тебе пресечь.

Пусть тебе прожить приятно жизнь поможет бог,
Чтоб не знать тебе подобных тягостных тревог.

О мой шах, когда бы мог я, жил бы я, как ты,
К радостям бы обратился, сбросив груз тщеты.

Ни единой бы заботой дух не утруждал,
Песнею, вином, охотой сердце б улаждал.

Не скажу, что недостойн вовсе ты венца,
Нет, величьем привлекаешь ты к себе сердца.

По обычаям, идущим к нам от старины, —
Мы не спорим — ты наследник истинный страны.

Но из-за злодейств безумных твоего отца
Ты у нас навек лишился Кеева венца.

С подданными не сдружился грозный твой отец,
На него теперь пред небом весь Иран истец.

Преступлениями шаха мир был потрясен,
И за это «Ездигирдом грешным» прозван он.

Сколько он творил насилий страшных и обид,
Что о жертвах Ездигирда весь Аджам скорбит.

Восхвалять никто не станет ваш проклятый род,
Не засеет эту пашню больше здесь народ.

Ты признания в Иране добывать не тщишь,
Сам от сана кеянидов миром отрекись.

Если ты вскипишь, то пламя вспыхнет вокруг тебя,
Домогательством напрасно сгубишь сам себя.

Из сокровищ скрытых столько золота я дам,
Сколько шаху подобает, сколько спросишь сам.

Для любых затрат в течение жизни всей твоей
Я пожертвую охотно всей казной моей;

Чтоб ни в чем ты не нуждался, все у нас бери,
И живи в богатстве, в мире, как живут цари.

Если хочешь, наречешься ты у нас царем,
И наместником лишь в царстве буду я твоим.

Если же народ наш будет недоволен мной,
Без меча ты овладеешь тронem и страной».

А когда вазир посланье это дочитал,
Пламя вспыхнуло в Бахrame, гнев заклокотал.

Но хоть возрастом и молод, мудр он сердцем был,
Он усилием рассудка гнев свой укротил.

Весь горел, но торопиться все ж не стал Бахрам,
Он подумал и спокойно отвечал послам:

«Здесь внимательно я слушал, что читали мне,
Что правители Аджама написали мне.

Не скажу, что очень ясен строй и смысл письма,
Все ж советы — испытанье сердца и ума.

Все, что сказано разумно и на чем печать
Светлой мудрости, — все это следует принять.

Для меня равны по сути прах и серебро,
Я ценить приучен в мире лишь одно добро.

Все же царство, что осталось от отцов моих,
Не могу отдать, как ветошь, я во власть других.

Требовал обожествленья мой родитель шах,
Я же — к разуму привержен, я — пред богом прах.

Бог во мне иной основы нити заложил,
Правду я люблю. Отец мой — только власть любил.

В несвершенных преступленьях обвинять нельзя,
И грехом отцовским сына упрекать нельзя.

Был одно — отец мой грозный, — я не сходен с ним,
В скалах врезан ход рудничный к лалам дорогим.

Ночь уходит и рождает утро в некий час.
Порождается из камня грубого алмаз.

Неуместно после смерти порицать отца,
От него народ избавлен волею творца.

Хоть и много зла свершил он, но почил добром,
Умер он, зачем же дурно говорить о нем?

Говорящему дурное внемлет только тот,
В ком дурное над хорошим верх всегда берет.

Движимые лишь природой низкою своей
Говорят дурное. Слушать их — еще дурней.

На душе отца оставим то, что он свершал,
Мы оставим то, о чем я вовсе не слыхал.

Я, когда меня не тронет наговор и сглаз,
За грехи отца прощенья здесь прошу у вас.

Я во сне неведения долго пребывал,
Но от праздности отрекся я и с ложа встал.

Тот, кому судьба счастливый жребий свой дарит,
До поры своих деяний безмятежно спит.

Не противься сну! — присловье мудрых учит нас, —
Мирно спи, но встань, как только твой наступит час!

Хоть и долго продолжался сон глубокий мой,
Но, как видно, не дремало счастье надо мной.

Мне недремлющее счастье, видно, помогло:
Сон от вежд моих угнало, с ложа подняло.

Вас отныне я заботой доброй осеню,
Тень бесчестия от сердца ныне отгоню.

Своей правью суровый положу предел
И пособником я буду лишь разумных дел.

И не нанесу я людям никаких обид,
Будет слух мой для советов разума открыт.

Коль простить проступок можно — я его прощу,
Я имущества и крови вашей не взыщу.

И не буду весть грехам я прошлым перечет.
Удовольствуясь, что время правду принесет.

С вами буду я по правде мудро поступать,
Лишнее в казну не буду ни с кого взимать.

Не пробью и малой бреши я ни в чьей казне,
А казною только сердце вражье будет мне.

Благомыслящих приближу, властью осеню,
Злое мыслящих низвергну, зло искореню.

Я возьму себя примером мудрецов седых,
Праведных. Смотреть не буду на людей дурных.

Так, чтоб не стыдиться после перед богом мне,
Буду править вами; смуты утишу в стране.

Как у стада под охраной зоркой пастуха,
Ваша жизнь при мне спокойна будет и тиха.

Силой я у земледельца хлеб не отниму,
Я еще прибавлю хлеба своего ему.

По пути добра направлю своего коня,
Див нечестия не сможет совратить меня.

То, чего бы не одобрил жизнь дающий нам,
Не явлю под этим сводом я ничьим глазам».

Речь свою Бахрам закончил. И ему в ответ
Молвил, поклонясь, старейший среди послов мобед.

Он сказал: «Теперь мы видим, истинно ты шах,
Мудрость восторжествовала, царь, в твоих речах.

В блеске разума пред нами ныне ты предстал,
Речь твою на гемме сердца разум начертал.

Ты достоин быть над всеми, ты велик во всем,
Сможешь быть ты в этом стаде главным пастухом.

Ты достоин по природе трона и венца,
Ты рожден для шахской власти волею творца.

Кто в Иране «Зенд» Гуштаспа без тебя прочтет?
Кто, когда не ты, продолжит Кеев древний род?

Ты по крови — ветвь Бахмана, предок твой Дара,
Истины в тебе светильник и посев добра.

Ты на древе Сиямака порожденный плод,
Ардашира Бабакана дух в тебе живет.

Ты уж при своем рожденье был наш властелин,
По законам — венценосец только ты один.

Все мобеды, все, кто правит нашею страной,
Как один, согласно примут сказанное мной.

Но — не вольны мы, хоть зримых нет на нас цепей,
Ибо связаны мы клятвой крепкою своей.

Перед тем, кого мы сами в шахи возвели,
Крепкую мы, в дни смятенья, клятву принесли.

Поклялись мы, что другого не хотим венца,
Что душой не отворатимся от его дворца.

И теперь, ты понимаешь, как мы смущены,—
Нам для нарушенья клятвы поводы нужны.

Чтоб перед людьми и небом это оправдать
И за клятвопреступление вечно не страдать».

Молча выслушал мобеда мудрый шах Бахрам
И, размысливши, достойный дал ответ послам.

Он сказал: «Законов древних нарушать нельзя.
Людям разума от клятвы отступить нельзя.

Мой противник, что Аджамма захватил венец,
Для меня — дитя, хоть старый муж он и мудрец.

Так я у него корону с головы сниму,
Что ни на волос не будет убыли ему.

Хоть не за мое смиренье будет возвращен
Мне завещанный от предков мой законный трон.

Я — идущий от Джамшида шах, — так суждено!
В белом, в черном, — здесь уделом царство мне дано.

Что престол и что корона, если царства нет?
Должен царь уметь за царство сам давать ответ!

У того же, кто по праву царство приобрел,
Вечно небосвод — корона, а земля — престол.

Где Джамшид? Где Фаридуна блеск — царя царей?
Все ушли, и не был вечен ни единый Кей.

Тот, кто истинною мощью духа обладал,
Возносил венец свой к небу, трон свой утверждал.

Путь я знаю к овладенью троном и венцом, —
У меня есть меч, дорогу проложу мечом.

На престол отца изменник без меня взошел,—
Как паук в пустой пещере паутину сплел.

Но явился в ту пещеру исполин дракон,
Неужель тенет паучьих побоится он?

Разве тля от Джабраила в мире рождена?
И в бою комар противник разве для слона?

Доблестью своей гордится и онагр степной,
Но покамест не затрубит лев перед войной.

И о ста свечах светильня яркая темна
Перед солнцем, проходящим через знак Овна.

Сирота — под чуждой кровлей я нашел приют,—
А в отцовском доме воры наглые живут.

Воры пожирают сахар из моих ларей,—
Я питаюсь кровью сердца, печенью своей.

Обнажить мне меч, я вижу, срок теперь настал,
Будет меч на вражьей шее, а в груди кинжал!

Весь Аджам — мое владенье. Что же я ищу
На чужбине? У арабов весь свой век гощу?

То Мунзир мне посылает пищу и питье,
То Нуман, как брат, мне дарит все добро свое.

Те, на чьем я вырос хлебе, мною дорожат,
Ну, а те, кого кормлю я, мне в лицо дерзят.

Я пришел занять владенье прежнее мое,
Разве лев лесной оставит логово свое?

Я природный кей. Кто сможет кея отстранить?
Разве будут самозванцу подати платить?

Место кеев подобает кеям лишь одним,
На вершину их престола нет путей другим.

Мы издревле миродержцы, вы у нас рабы,
Мы — всегда полны, вы — пусты,— это знак судьбы.

Шах природный и на троне и в боях велик,
Разве воин — этот вами выбранный старик?

Если старый маг не сможет наливать вино,
Заместить его лишь магу истому дано.

Вы же ведайте, что вам я зла не сотворю,
Это все во имя правды вам я говорю.

Я не по гордыне царской буду поступать.
Но чтобы святыню клятвы вам не нарушать,

Так я сделаю, что правы будете и вы,
Ибо подданных довольство — радость для главы.

Знаю я, что повод нужен; повод я найду,
Нарушения присяги грех я отведу.

Завтра — кто из нас могучих будет львов смелей,
Тот и правь страной! И трон и венцом владей!

Поутру — из-за решетки и из-под замков —
Выведем мы, до кормежки, двух свирепых львов.

Двух голодных, что от гнева яростно ревут,
Львов свирепых, кровожадных в поле приведут.

Пусть там выстроится войско. И при всех войсках
Этих львов к столбам привяжут на стальных цепях.

Пусть корону древних Кеев, что носил Хосров,
Принесут и там положат между этих львов.

Кто из нас двоих, не зная, что такое страх,
Кто у львов возьмет корону, тот и будет шах!»

Кротко он, хоть и с намеком, те слова сказал,
Так на речь обманной лести он им отвечал.

Те условия велел он тут же записать,
И поставил на посланье он свою печать.

И посланникам Аджамы свиток свой вручил,
И обратно к старцу-шаху он их отпустил.

А послы, печать на свитке царскую узнав
И любезные от шаха речи услышав,

Воротились, предстоящим делом смущены,
Образом и речью шаха нового полны.

Каждый обликом Бахрама очарован был,
Каждого из них он блеском царственным пленил.

Меж собою говорили: «Да! Вот это шах!
Царь по крови, по природе, а не жалкий прах!

Да ему и невозможно противостоять,
Как нельзя восходу солнца утром помешать.

Полный силы и величья лев нам предстоит,
Он отважен, он драконов стрелами разит.

Худо будет, если грозный разъярится лев,
Плохо нам придется, если он впадет во гнев.

Силой трон возьмет, не будет медлить он ни дня,
Нас он бросит под копыта своего коня.

Что он требует, не лучше ль волею отдать?
Нужно ли напрасно брани пламя разжигать?

А условие со львами нужно ли ему?
Смысл условия понятен острому уму.

Эти львы — разумный довод; трудно ли понять,
Что нельзя лисой лукавой волка заменять».

Все они с дороги прямо во дворец пошли,
Об условии Бахрама шаху донесли.

Прочитав ему посланье, изложили все,
Не убавивши ни слова, сообщили все.

Этот старец, полюбивший царство и престол,
Тут же снял с себя корону, с трона прочь сошел.

Он сказал им: «Надоели мне венец и трон!
Из-за них я пасть от лапы львиной обречен.

Лучше я живой с престола ныне сам сойду,
Чем от львов себе такую накликать беду.

Тот, кому не надоели жизнь и голова,
Не дерзнет, конечно, пищу отнимать у льва.

Пусть Бахрам займет по праву трон наследный свой,
По мечу он и по чаше — царь для нас прямой.

Он наследник древних Кеев — и ему венец,
Молод он — я стар, раздорам пусть придет конец».

Но вельможи и мобеды молвили ему:
«Ты глава у нас по знаньям, славе и уму.

Мы, когда тебя решили шахом посадить,
Ставили тебе условие — мягкосердым быть.

Ты — наш царь, по нашей воле. Ты для нас
хорош,
Только лишь по нашей воле с трона ты сойдешь.

Не забава у голодных львов венец отнять, —
Мы подумаем. До завтра надо подождать.

Выполним его условие мы без лишних слов, —
На землю венец положим, двух привяжем львов.

Если львов он устрашится, будет твой венец,
А растерзан будет, — тоже за тобой венец.

Ну, а если победит он и венец возьмет
И от тягостных поборов облегчит народ,

То престола он достоин, — это скажет всяк, —
Но не дай, всевышний боже, чтоб случилось так!»

И решили: будь что будет — надо подождать.
От условия нельзя им было отступить.

Ждать решили, что им завтра утро принесет,
Как Бахрам у львов свирепых свой венец возьмет.

БАХРАМ БЕРЕТ ВЕНЕЦ

Только в золотой короне утро над землей
На подножии рассвета трон воздвигло свой,

Полководцы и вельможи шахов поднялись
И с войсками на майдане ратном собрались.

Все войска Арабистана ожидали там,
Против них войска Аджама тоже стали там.

Стражи царского зверинца из глубоких рвов
Вывели двух разъяренных людоедов-львов.

Приковали львов цепями рядом к двум столбам,
Чтоб меж ними невредимо не прошел Бахрам.

Тут зверинца главный сторож, богатырь-храбрец,
Под охрану львов могучих положил венец.

Золотой венец меж черных этих львов лежал,
Словно между двух драконов месяц заблистал.

Но не таза гром драконов черных испугал,
Таз судьбы и меч Бахрама тьму с небес прогнал.

По земле хвостами били, яростью горя,
Эти львы, они рычали, будто говоря:

«Кто посмеет подойти к нам и корону взять?
Кто посмеет у дракона клад его отнять?»

Но рожден с железным сердцем славный был Бахрам,
Много львов убил, дракона победил Бахрам.

На цепях те львы ходили, растерзать грозя,
На полет стрелы к ним было подойти нельзя.

По условию мобедов, должен был Бахрам
Первым выйти за короной к двум огромным львам.

Если, мол, возьмет корону — будет шахом он,
Примет чашу золотую и взойдет на трон.

Если ж не возьмет — от трона отречется пусть
И туда, откуда прибыл, вновь вернется пусть.

То условие без спора принял шах Бахрам,
Он спокойно с края поля подошел ко львам.

Он охотником в Йемене самым первым слыл,
Он за жизнь свою до сотни львов степных убил.

И арканом львов ловил он, и стрелой стрелял,
И копьем своим, и сталью острой убивал.

Разве сотню львов убивший побоится двух?
Он, как сталь, в охоте львиной закалил свой дух.

Он своей кольчуги полы за кушак заткнул,
Подошел, как вихрь палящий, прямо к львам шагнул.

Сам на львов, как лев пустыни, грозно зарычал
И венец рукою левой между ними взял.

Эти львы, увидя доблесть львиную его,
И бесстрашие и отваги львиной торжество,

Ринулись, как исполины, на него. Скажи:
Острые мечи в их пасти, в лапах их — ножи.

Захотели шахской кровью свой украсить пир,
Захотели миродержцу тесным сделать мир.

Но Бахрам зверей свирепых грозно проучил,
Кровью этих львов свой острый меч он омочил.

Обезглавил их и злобе положил конец.
Он живым ушел с майдана и унес венец.

Возложил его на темя и воссел на трон,
Так судьбой своей счастливой был он одарен.

Тем, что он неустрашимо взял венец у львов,
Сверг Бахрам лису с престола древнего отцов.

БАХРАМ ВОСХОДИТ НА ПРЕСТОЛ ОТЦА

Гороскоп, что о рожденье шаха возвестил,
Исполнялся благосклонной волею светил.

И по звездам, хоть не видя шаха самого,
Звездочеты наблюдали путь судьбы его.

Видели, что трон Бахрама был в созвездье Льва,
Совершались предсказанья давнего слова.

В сочетанье с Утаридом, солнце в апогей
Поднималось — обещаньем долгих, славных дней.

В знак Овна Зухра входила, Муштари вставал
Со Стрельцом. И дом Бахрама раем расцветал.

Месяц был в десятом знаке, а Бахрам в шестом
Знаке неба. С чашей — месяц, а Бахрам — с мечом.

А рука Кейвана стала чашею весов,
Чашею сокровищ мира и его даров.

С добрым предзнаменованьем, счастьем одарен,
Добронравный шах Ирана поднялся на трон.

То не трон, корабль удачи морем перлов плыл.
Столько подданным своим он перлов раздарил,

Столько вынести он сокровищ слугам приказал,
Так он сам великодушьем царственным блистал,

Что сидевший на престоле шахом до него,
Одеяние носивший и венец его,

Увидав великолепье нового царя,
Слыша, как он мудро судит, милостью даря,

Первый подошел и молвил: «Славься, государь!
Истинный ты шах вселенной и над нами царь!»

И мобеда: «Шах великий» — нарекли его,
Венценосные — «владыкой» нарекли его.

И Бахрама всяк, по мере разума и сил,
Всюду — тайно или явно — славил и хвалил.

Так Бахрам венцом высоким в мире заблистал,
Так он шахом горизонтов и владыкой стал.

И, прославивши молитвой небо и судьбу,
Справедливости своей он прочитал хутбу.

ТРОННАЯ РЕЧЬ
БАХРАМА-ГУРА О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Он сказал: «На отчий трон я возведен судьбой,
Бог мне даровал победу и никто другой.

Я хвалу и благодарность небу воздаю.
Тот, кто верит в бога, милость обретет мою.

Я о милости не должен вечного молить,
Бога я могу за милость лишь благодарить.

Я у львов корону отнял. Меч ли мне помог?
В этом подвиге помог мне всемогущий бог.

И когда обрел венец я и высокий трон,
Должен быть я справедливым, чтоб одобрил он.

Если даст он, так во всем я буду поступать,
Чтоб никто не мог в обиде на меня пенять.

Вы друзья мои, вельможи моего дворца,
Пусть дороги ваши будут прямы до конца.

Знайте, кто из вас от кривды низкой отойдет,
В справедливости спасенье верное найдет.

Если кто не будет ухо правое держать,
У того придется уху левому страдать.

Я для всех, как подобает истому царю,
Правосудья и защиты двери отворю.

Мы теперь во имя правды в руки власть берем,
Злом за зло платить мы будем, за добро — добром.

И пока стоит на месте синий небосвод,
Слава тем, кто в край блаженный с миром отойдет.

А живущим всем мы будем как надежный щит,
Одарим добром, надеждой, не творя обид.

Где вину простить возможно, лучше там простить.
Зла не делай там, где можно милость допустить».

Так намеренья благие обнаружил он,
И ему вельможи низкий отдали поклон.

С приближенными беседу час иль два он вел,
А потом, сойдя с престола, отдыхать пошел.

Правил он страной мудро, правый суд вершил,
И народ был благодарен, бог доволен был.

Для совета звал он светлых разумом мужей,
Не было в стране раздоров, смут и мятежей.

О ТОМ, КАК ПРАВИЛ БАХРАМ-ГУР

Счастливо на трон Ирана шах Бахрам взошел,
Совершенством и величьем озарил престол.

На семи золотых подножьях трон его стоял,
Поясом с семью значками стан он повязал.

Был венец двухцветный Чина на кудрях его,
Из парчи кафтан румийский на плечах его.

Он добром с пределов Рума подати взимал,
Благом он с хакана Чина обложение брал.

Он законы правосудья учредил в стране,
Злобу покарал, а правду наградил вдвойне.

Справедливых и гонимых сам он ограждал,
Угнетателей унизил, алчных покарал.

И ключом к замку печалей стал его дворец,
Благоденствие настало в царстве наконец.

Государство процветало, обрета покой,
И при нем дышать свободно стал народ простой.

Овцы множились, богатый расплодился скот,
На полях лилось живое изобилие вод.

Всякий плод пошел обильно на деревьях зреть,
Чистым золотом монеты начали звенеть.

Шах Бахрам вникал повсюду сам во все дела;
Если видел зло, искал он тайный корень зла.

И последовали шаху все князья земли,
И окраины Ирана также расцвели.

Все, что гложло в запустенье в дни его отца,
Расцвело и разрешилось у его дворца.

Стражи кладов и владельцы замков крепостных
Крепости ему вручили и ключи от них.

Дневники приказов свыше каждый обновлял,
Каждый жизнь свою на службу шаху отдавал...

Шах делами государства окружал себя,
Подданным добра желая, утруждал себя.

Разоренные хозяйства вновь обогатил,
Беглецов в родное лоно лаской возвратил.

Он овец своих от волка злого защитил,
Сокола своею властью с голубем сдружил.

Обольщенья старой смуты он изгнал навек,
Хищничество, лихоимство всякое пресек.

Сокрушил, разбил опоры он врагов своих.
Поддержал друзей надежных он в делах мирских.

Человечность он законом для себя избрал.
«Лучше благо, чем обида», — людям он сказал.

«Оскорбленье унижает. Лучше убивать
Ненавистников, но душу их не оскорблять.

Лучше смерть, чем оскорбление. Коль нельзя простить
Нераскаянных злодеев, лучше уж казнить.

И бичи и унижение — гибели лютей».
Справедливостью своею он привлек людей.

Был он щедр. И по величью духа своего
Не оставил без вниманья в царстве никого.

Видел он: лишь пыль печали, скорби и забот
Древняя обитель праха мудрому несет.

Но душой своей в печали не поник Бахрам,
Предался веселью, неге, ласкам и пирам.

Да, в непрочности вселенной убедился он,
И душою в наслажденья погрузился он.

Он лишь день один в неделю отдавал делам.
Шесть же дней — любви и неге отдавал Бахрам.

Без любви теперь не мог он даже дня дышать,
В ворота любви стучал он. Как же не стучать?

Есть ли смертный, что любовью не был бы пленен?
Кто лишен любви, ты скажешь, жизни тот лишен.

И любви провозгласил он в мире торжество,
И четы влюбленных стали свитою его.

От зенита он наполнил славой по надир
Эту землю. — И Бахраму стал подвластен мир.

Жизнь беспечно принимал он — с чистою душой,
Правосудье совершал он — с чистою душой.

При Бахrame не в почете были плеть и меч.
А в казну богатство стало отовсюду течь.

Стал Аджам как плодоносный сад в цвету ветвей,
А Бахрам, как солнце, лаской одарял людей.

То, что явно властелину, не понять рабу,
Уповал завистник алчный все же на судьбу.

Но погибнет тот, кто бога вечного забыл,
Тот, кто в сердце сострадание к людям истребил.

И всегда, когда нечестье низкие творят
И за свой достаток бога не благодарят,

То в конце концов богатство их скудеть начнет,
Будут их пытать железо, пламя, кровь и пот.

ЗАСУХА И МИЛОСЕРДИЕ БАХРАМА

Были в некий год жарою спалены поля,
И зерна не уродила щедрая земля.

Был такой во всем Иране страшный недород,
Что голодный пахарь начал есть траву, как скот.

Мир от голода в унынье голову склонил,
Хлеб у скупщиков богатых страшно дорог был.

Весть о бедствии народном шаху принесли,
Молвили: «Простерся голод по лицу земли.

Смерть, страдания, людоедство на земле царят;
Словно волки, люди падаль и людей едят».

И Бахрам решил немедля бедствие избыть.
Двери всех своих амбаров он велел открыть.

А правителям окраин отдал он приказ,
Чтобы людям царских житниц роздали запас.

Написал: «Во всех селеньях пусть и в городах
Люди хлеб берут бесплатно в наших закромах.

У богатого за деньги забирайте хлеб,
Голодающим бесплатно раздавайте хлеб.

А когда не будет ведать голода страна,
Птицам высыпьте остатки вашего зерна.

Чтоб никто в моих владеньях голода не знал,
Чтоб никто от недостатка нищи не страдал!»

А когда голодных толпы к житницам пришли
И домой мешки с пшеницей царской унесли,

Шах зерно в чужих владеньях закупить велел
И закупленное снова раздавать велел.

Он усердствовал, сокровищ древних не щадя,
Милости он сыпал гуще вешнего дождя.

Хоть подряд четыре года землю недород
Посещал, зерно от шаха получал народ.

Так в беде он истым кеем стал в своих делах,
И о нем судили люди: «Подлинный он шах!»

Так избыл народ Ирана горе злых годин;
Все ж голодной смертью умер человек один.

Из-за этого бедняги шах Бахрам скорбел,
Как поток, зимой замерзший, дух в нем онемел,

И, подняв лицо, Яздана стал он призывать,
И о милости Яздана стал он умолять:

«Пищу ты даруешь твари всяческой земной!
Разве я могу сравняться щедростью с тобой?»

Ты своей рукой величье малому даешь,
Ты величью истребленье и паденье шлешь.

Как бы я ни тщился, хлеба в житницах моих
Недостанет, чтоб газелей накормить степных,

Только ты — победоносной волею своей —
Кормишь всех тобой хранимых — тварей и людей.

Коль голодной смертью умер человек один,
То поверь, я неповинен в этом, властелин!

Я не ведал, что бедняга жил в такой нужде,
А теперь узнал, но поздно, не помочь беде».

Так молил Бахрам Яздана, чтобы грех простил,
И Бахраму некий тайный голос возвестил:

«За твое великодушье небом ты прощен,
И в стране твоей отныне голод прекращен.

Да! Подряд четыре года хлеб ваш погибал,
Ты ж свои запасы людям щедро раздавал,

Но четыре года счастья будет вам теперь,
Ни нужда, ни смерть не будут к вам стучаться в дверь!»

И четыре круглых года, как сказал Яздан,
Благоденствовал и смерти не видал Иран.

Счастлив шах, что добротой край свой одарил
И от хижин смерть и голод лютый удалил.

Люди новые рождались. Множился народ.
Скажешь: не было расхода, был один доход.

Умножалось население. Радостно, когда
Строятся дома; обильны, людны города.

Дом за домом в эту пору всюду возникал,
Кровлею к соседней кровле плотно примыкал.

Если б в Исфахан из Рея двинулся слепец,
Сам по кровлям он пришел бы к целям наконец.

Если это непонятно будет в наши дни,
Ты, читатель, летописца — не меня — вини.

Народился люд, явилось много новых ртов,
Пропитанья было больше все ж, чем едоков.

На горах, в долинах люди обрели покой,
Радость и веселье снова потекли рекой.

На пирах, фарсанга на два выстроившись в ряд,
Пели чанги и рубабы и звучал барбат.

Что ни день — то, будто праздник, улица шумна.
Возле каждого арыка был бассейн вина.

Каждый пил и веселился, брань и меч забыл,
И, кольчугу сняв, одежды шелковые шил.

Ратный шум, бряцанье брани невзлюбили все,
О мечях, пращах и стрелах позабыли все.

Всякий, у кого достаток самый малый был,
Радовался, услаждался и в веселье жил.

Ну, а самым бедным деньги шах давать велел
На потехи. Всех он видеть в радости хотел.

Каждого сумел приставить к делу он в стране.
Чтобы жизнь была народу радостна вдвойне,

На две части приказал он будний день разбить,
Чтоб сперва трудиться, после — пировать и пить.

На семь лет со всей страны он подати сложил,
Ствол семидесятилетней скорби подрубил.

Тысяч шесть созвать велел он разных мастеров:
Кукольников, музыкантов, плясунов, певцов.

Он велел их за умение щедро наградить
И по городам, по селам им велел ходить,—

Чтоб они везде ходили с песнею своей,
Чтобы сами веселились, веселя людей.

Меж Тельцом и Близнецами та была пора,—
Рядом шла с Альдебараном на небе Зухра.

Разве скорбь приличествует людям той порой,
Как Телец владычествует на небе с Зухрой?

БАХРАМ И РАБЫНЯ

Поохотиться, порыскать захотел Бахрам
По долинам травянистым, по глухим горам.

В степь рассветною порою он коня погнал
И, пустив стрелу, в онагра быстрого попал.

Вровень с Муштари звездой в небе плыл Стрелец,—
Муштари достал стрелою царственный стрелец.

А загонщики из поля дальнего того
Стадо легкое онагров гнали на него.

И охотник, нетерпением радостным томим,
Сдерживал коня на месте, что играл под ним.

Вот пускать он начал стрелы с тетивы тугой.
В воздухе стрела свистела следом за стрелой.

Промаха не знал охотник, прямо в цель он бил,
Пробегающих онагров много подстрелил.

Если есть онагр убитый и кувшин вина —
Полная огня жаровня алчущим нужна.

Дичь степную настигали за стрелой стрела
И без промаха пронзали, словно вертела.

Даже самых быстроногих шах не пропускал,
Настигал, и мигом им он ноги подсекал.

Шах имел рабу, красою равную луне;
Ты такой красоты не видел даже и во сне.

Вся — соблазн, ей имя — Смута, иначе — Фитна,
Весела, очарованьем истинным полна.

Петь начнет ли, на струнах ли золотых играть —
Птицы вольные слетались пению внимать.

На пиру, после охоты и дневных забот,
Шах Бахрам любил послушать, как она поет.

Стрелы — шахово оружие. Струны — стрелы дев.
Как стрела, пронзает сердце сладостный напев.

Стадо испугнутых онагров показалось там,
Где земля сливалась с небом. Поскакал Бахрам.

По долине в золотистый утренний туман,
Сняв с крутой луки седельной свой витой аркан,

На кольцо он пусковое положил стрелу,
Щелкнул звонкой тетивой и пустил стрелу.

В бок онагру мчащемуся та стрела вошла,
И, целуя прах, добыча на землю легла.

За короткий срок он много дичи подстрелил;
А не стало стрел — арканом прочих изловил.

А рабыня, отвернувшись, поодаль сидела,—
От похвал воздерживалась — даже не глядела.

Огорчился шах, однако слова не сказал.
Вдруг еще онагр далеко в поле проскакал.

«Узкоглазая тюрчанка! — шах промолвил ей,—
Что не смотришь, что не ценишь меткости моей?

Почему не хвалишь силу лука моего?
Иль не видит глаз твой узкий больше ничего?

Вот — онагр, он быстр на диво, как поймать его?
От крестца могу до гривы пронизать его!»

А рабыня прихотливой женщиной была,
Своенравна и упряма и в речах смела.

Молвила: «Чтоб я дивилась меткости твоей,
Ты копытце у онагра с тонким ухом сшей».

Шах, ее насмешки слыша, гневом пламенел,
Он потребовал подобный ветру самострел.

И на тетиву свинцовый шарик положил.
В ухо шариком свинцовым зверю угодил.

С ревом поднял зверь копытце к уху, на бегу,
Вывать он хотел из уха жгучую серьгу.

Молнией, все осветившей, выстрел шаха был.
Он копыто зверя к уху выстрелом пришил.

Обратясь к рабыне: «Видишь?» — он спросил ее.
Та ответила: «Ты дело выполнил свое!

Ремесло тому не трудно, кто постиг его.
Тут нужна одна сноровка — только и всего.

В том, что ты сейчас копыто зверя с ухом сшил,—
Лишь уменьье и привычка — не избыток сил!»

Шаха оскорбил, озлобил девушки ответ,
Гнев его блеснул секирой тем словам вослед.

Яростно ожесточилось сердце у него,
Правда злобою затмилась в сердце у него.

Властелин, помедли в гневѣ друга убивать,
Прежде чем ты вновь не сможешь справедливым стать.

«Дерзкую в живых оставлю — не найду покоя.
А убить — женоубийство дело не мужское.

Лишь себя я опозорю», — думал гневно шах.
Был у шаха полководец, опытный в боях.

Шах сказал: «Покончи с нею взмахом топора —
Женщина позором стала моего двора.

Нам не дозволяет разум кровью смыть позор».
Девушку повез вельможа в область ближних гор.

Чтобы, как нагар со свечки, голову ее
С тела снять, привез рабыню он в свое жилье.

Дева, слезы проливая, молвила ему:
«Если ты не хочешь горя дому своему,

Ты беды непоправимой, мудрый, не твори,
На себя моей невинной крови не бери.

Избранный и задушевный я Бахрамов друг,
Всех рабынь ему милее я и всех супруг.

Я Бахрама услаждала на пирах досуг,
Я вернейших разделяла приближенных круг.

Див толкнул меня на шалость — дерзок и упрям...
Сгоряча, забыв про жалость, приказал Бахрам

Верную убить подругу... Ты же два-три дня
Подожди еще! Сегодня не казни меня.

Доложи царю обманно, что раба мертва.
Коль обрадуют владыку страшные слова,—

О, убей Фитну тогда же! Жизнь ей не нужна!
Если же душа Бахрама будет стеснена

Сожаленьем, то бесследно отойдет беда.
Ты избегнешь угрызений совести тогда.

Кипарис судьбы напрасно в прах не упадет.
Хоть Фитна теперь ничтожна, но — пора придет —

За добро добром тебе я возьму сполна!»
Ожерелье дорогое тут сняла она,

Полководцу семь рубинов лучших отдала.
А цена тому подарку велика была,

Дань с Омана за два лета — полцены ему.
Полководец внял совету мудрому тому.

И не сделал ни на волос он вреда Фитне.
Молвил: «Будешь в этом доме ты служанкой мне.

Ни при ком Бахрама имя не упоминай.
«Наняли меня в служанки», — всюду повторяй.

Данную тебе работу честно выполняй.
О тебе я позабочусь — не забуду, знай!»

Тайный договор скрепили, жизнью поклялись;
Он от зла, она от ранней гибели спаслись.

Пред царем предстал вельможа через восемь дней,
Стал Бахрам у полководца спрашивать о ней.

Полководец молвил: «Змею я луну вручил
И за кровь ее рыданьем выкуп заплатил».

Затуманились слезами шаховы глаза,
И от сердца полководца отошла гроза.

Он имел одно поместье средь земель своих —
Сельский замок, удаленный от очей мирских.

Стройной башни над холмами высился отвес,
Омываемый волнами голубых небес.

Шестьдесят ступеней было в башенной стене,
Кровля башни поднималась к звездам и луне.

С сожаленьями своими там — всегда одна —
Постоянно находилась бедная Фитна.

В том селении корова родила телка,
Ласкового и живого принесла телка.

А Фитна телка на шею каждый день брала;
За ноги держа, на башню на себе несла.

Солнце в мир несет весну — и несет Тельца.
А видал ли ты луну, что несет тельца?

Женщина же молодая, хоть и с малой силой,
Каждый день тельца на кровлю на себе вносила,

За шесть лет не покидала дела. Наконец
Стал быком шестигодовым маленький телец.

Но красавица, чье тело легче лепестка,
Каждый день наверх вносила грузного быка.

Шею нежную, как видно, груз не тяготил,
Бык жирел, и у рабыни прибывало сил.

С полководцем тем сидела вечером одна
Узкоглазая с душою смутною Фитна.

И четыре крупных лала — красных, как весна,
Из ушных своих подвесков вынула она.

Молвила: «Ты самоцветы ценные продай
И, когда получишь плату, мне не возвращай;

Накупи баранов, амбры, розовой воды,
Вин, сластей, свечей, чтоб ярко осветить сады.

Из жарких и вин тончайших амбры и сластей
Пиршественный стол воздвигни в замке для гостей.

Как приедет к нам властитель, ты встречать поди,
На колени стань пред шахом, на землю пади;

Под уздцы коня Бахрама хоть на миг возьми!
Душу распластай пред шахом — позови, прими!

Нрав хороший у Бахрама — ласковый, простой.
Коль приедет он, довольны будем мы с тобой.

Здесь, на башне, достающей кровлей облаков,
Пир устроим мы, прекрасней царственных пиров.

Если замысел удастся, то, клянусь тебе:
Ожидает нас великий поворот в судьбе».

Полководец самоцветов брать не захотел,
Ибо тысячей таких же ценностей владел.

Из казны своей он денег, сколько надо, взял.
Царственный припас для пира скоро он достал.

Все там было, чем богаты Фарс и Индостан:
Птица, рыба, дичь, корица, перец и шафран,

И рейхан, и вин кувшины, и гора сластей,
Чтоб суфра благоухала амброй для гостей.

Все хозяин изготовил. И остался там
Ожидать, когда на ловлю выедет Бахрам.

В дни ближайшие делами утомленный шах
Поохотиться, порыскать захотел в горах.

Но пред тем как он в ущельях дичи настрелял,
Дичи собственной добычей сам неожиданно стал.

Поутру он меж холмами ехал налегке
И увидел зелень, воды, замок вдалеке.

Густолиственный тенистый он увидел сад,
Словно край обетованный мира и услад.

На ветру листва играет, утешая взгляд.
Шах воскликнул: «Чье все это? Кто же так богат?»

Чуть селения властитель это услышал,—
Он у стремени Бахрама в этот миг стоял,—

На колени пал и землю он облобызал.
«Ласковый к рабам владыка!— шаху он сказал,—

Здесь моя земля. Тобою мне она дана.
Пала капля из фиала твоего вина

В дом раба, и благом стала для него она.
Коль тебе пришлось по сердцу тень и тишина

Моего угла простого — тем возвышен я!
Ты с простыми — прост. Природа счастлива твоя.

Я молю: войди в калитку сада моего!
Старому слуге не надо больше ничего.

От твоих щедрот великих раб твой стал богат.
И построил здесь я замок с башней до Плеяд.

Башня свежими садами вся окружена.
Если шах на башне выпьет моего вина,

Звезды прах у входа в башню будут целовать,
Ветер амброй вдоль покоев будет провевать.

Муха принесет мне меду, буйвол — молока!»
Понял шах: чистосердечны речи старика.

«Быть по-твоему! — сказал он.— Нынче же приду
Отдохнуть после охоты у тебя в саду».

И Бахрам со свитой дальше в поле ускакал.
Приказал хозяин слугам чистить медь зеркал.

Все проверил, был порядок всюду наведен.
Словно рай, коврами кровлю изукрасил он;

Из диковинок индийских — лучшие достал,
Из китайских и румийских — лучшие достал,

И — ковер к коврику — на землю прямо разостлал,
Как песок по ним рассыпал адамант и лал.

Вот, ловитвой насладившись, подскакал Бахрам,
И скакун хутгальский шаха прыгал по коврам.

Шах на верхнюю ступеньку лестницы встает.
Видит — купола над башней несказанный взлет.

Свод высок, — от Хаварнака он свой род ведет,
Пышностью он попирает звездный небосвод.

А суфра благоухает розовой водой,
Амброй, винами и манит сладостной едой.

И когда Бахрам свой голод сладко утолил,
Начал пир и вкруговую винный ковш пустил.

А когда он пить окончил гроздий алый сок,
Капельки росы покрыли лба его цветок.

Молвил он: «О, как радушен ты, хозяин мой!
Чудно здесь! Твой дом обилен, как ничей иной.

И настолько эта башня дивно высока,
Что арканом ей обвили шею облака.

Но на шестьдесят ступеней этой высоты
В шестьдесят годов — как станешь подыматься ты?»

Тот ответил: «Шах да будет вечен! И при нем
Кравчим гурия да будет, а Замзам — вином!

Я мужчина, я привычен к горной крутизне,
И по лестнице не диво подыматься мне.

А вот есть красавица — обликом луна,
Словно горностаи султана, словно шелк, нежна:

Но она быка, который двух быков грузнее,
Каждый день на башню вносит на девичьей шее,

Шестьдесят ступеней может с ношею пройти
И ни разу не присядет дух перевести.

Этот бык — не бык, а диво; то не бык, а слон,
Жи́ра своего громаду еле тащит он;

В мире из мужчин сильнейших нет ни одного,
Кто бы мог хоть на полпяди приподнять его;

Но быка того на плечи женщина берет
И на кровлю башни вносит — под высокий свод».

Шах Бахрам от удивленья палец прикусил.
«Где ты взял такое диво? — старца он спросил. —

Это ложь! А если правда — это колдовство!
И покуда не увижу чуда твоего,

Не поверю я!» И тут же привести велел
Эту женщину; мгновенья ждать не захотел.

Вниз по лестнице хозяин быстро побежал,
Женщине, быка носящей, все пересказал.

Сребротелая все раньше знала и ждала,
И она готова с шахом встретиться была;

Одеяньями Китая стан свой облекла,
И своих нарциссов томность розе придала,

Обольщения сурьюмою очи подвела,
Тайный чар огнями взоры томные зажгла.

Плечи, как венцом, одела амброю кудрей;
Локоны черны, как негры, на щеках у ней,

Родинка у ней индуса темного темней, —
Рвутся в бой индус и негры — воинов грозней.

Маковка в венце жемчужин южной глубины,
Покрывало словно Млечный Путь вокруг луны,

А в ушах они рубинов и камней зеленых
Превратили в буйный рынок скопище влюбленных.

Применила семь она снадобий сполна
И как двухнедельная поднялась луна.

Вот она к быку походкой легкой подошла,
Голову склонив, на шею чудище взяла,

Подняла! Ты видишь — блещет самоцвет такой
Под быком! При этом блеске, словно бык морской,

Он бы мог на дне пучины по ночам пастись.
И — ступенька за ступенькой — побежала ввысь

Женщина и вмиг на кровлю круглую вбежала,
У подножия престола шахского предстала

И, смеясь, с быком на шее перед ним стояла.
Шах вскочил, от изумленья ничего сначала

Не поняв. Воскликнул: «Это — наваждение сна!»
С шеи на пол опустила тут быка Фитна,

И, лукаво подмигнувши, молвила она:
«Кто снести способен наземь то, что я одна

Вверх благодаря чудесной силе подняла?»
Шах Бахрам ответил: «Это сделать ты могла

Потому, что обучалась долгие года,
А когда привыкла, стала делать без труда;

Шею принаравливала к грузу день за днем.
Тут — лишь выучка одна, сила — ни при чем!»

А рабыня поклонилась шаху до земли
И сказала: «Терпеливо истине внемли!

Ты за долг великой платой должен мне воздать.
Дичь без выучки убита? А быка поднять —

Выучка нужна? Вот — подвиг совершила я!
В нем не сила, в нем видна лишь выучка моя?

Что же ты, когда онагра подстрелить умел,
Ты о выучке и слова слышать не хотел?»

Милую по тем упрекам вмиг Бахрам узнал;
В нетерпенье покрывало он с луны сорвал,

Ливнем слез ланиты милой жарко оросил,
Обнимал ее, рыдая, и простить просил.

Выгнал прочь и злых и добрых, двери притворил.
Молвил: «Хоть тебе темницей этот замок был,

Я, послав тебя на гибель, убивал себя.
Ты цела,— а я разлукой истерзал себя».

Села дева перед шахом, как сидела встарь,
И сказала: «О смиривший смуту государь!

О разлукою убивший бедную Фитну!
О свиданьем ожививший бедную Фитну!

Пыл моей любви меня же чуть не задушил.
Шах когда с копытом ухо у онагра сшил

Не пернатою стрелою — шариком свинца,
Небеса поцеловали руку у стрельца.

Я же, если в сдержанности доброй пребыла,
От любимого дурное око отвела;

А всему, что столь прекрасно кажется для нас,
Нанести ущерб великий может вредный глаз.

Я ль виновна, что небесный прилетел дракон
И любовь затмил враждебным подозреньем он?»

Взяли за сердца Бахрама милые слова,
Он воскликнул: «О, как верно! О, как ты права!

Был бы этот перл навеки камнем раздроблен,
Если б он слугою честным не был сбережен».

И призвавши полководца, наградил его,
И рукой, как ожерельем, шах обвил его.

Как никто теперь не дарит из земных царей,—
Одарил его и отдал целый город Рей.

Ехал шах домой, весною реял над страной,
Сахар на пиру рассыпал. В брак вступил с Луной.

И пока не завершили долгий круг года,
В наслажденье, в ласке с нею пребывал всегда.

ХАКАН ЧИНА ВТОРГАЕТСЯ В ИРАН

В дни, когда Бахрама слава ярко расцвела
И от Рыбы, мир несущей, до Луны дошла,

Вкруг него мужей великих доблесть поднялась,
В доброй славе и надежде сердцем укрепясь.

А преступные смутьяны, из его земли
Отойдя, бесследно в воду черную ушли.

Жил Нарси в ту пору, старец. Друг, отец и брат
Был Бахраму он, высоким разумом богат.

Крепок мыслью, светоч знания, истинный мудрец —
Всех деяний он начало видел и конец.

Был он родом от Гуштаспа шаха и Дары.
Принося Бахраму знаний щедрые дары,

Мудро помыслами шаха он руководил,
И Бахрам его, как брата старшего, любил.

У Нарси три добрых сына было. Каждый сын —
Украшение и слава отческих седин.

Старший сын был муж познания — в тайны углублен
Чистым сердцем. Заравадом был он наречен.

Круг великих испытаний им сто раз пройден,
И главою всех мобедов был поставлен он.

Прозорлив и дальновиден, знал он все пути,
Как по жизни в благочестье истинном пройти.

Сын другой доходы ведал и расход страны,
Были у него все счета и ключи казны.

Мужа этого, за честность в денежных делах,
Управителем Аджама сделал падишах.

Третий сын — Нарси — войсками царства управлял,
И всегда у трона шаха справа он стоял.

Все дела Бахрам вазирам поручал троим,
Царством правили вазирьы, он же верил им.

Трое преданных и верных целый день в трудах.
И с душою беззаботной веселился шах.

Он, как мельницей, строною отчей управлял,
Раздавал рукою щедрой все, что собирал.

Враг же стал точить секиру, слыша эту речь,
Чтобы ствол удач Бахрама у корней подсесть.

Говорили: «Шах Ирана счастьем опьянен,
Меч — за чашу, за динары веру отдал он.

Он в кругу друзей веселых днем и ночью пьет,
Он прокутит государство, ветер обретет...»

И тогда хотелось многим счастья попытать.
И за ратью рать — соседи стали собирать.

Из Турана и из Чина двинулся хакан,
Чтобы силою оружия захватить Иран.

Триста тысяч из Турана войска вывел он,
Каждый — лучник искушенный и в бою дракон.

Он наместников Бахрама сокрушить решил,
Весь Мавераннахр богатый захватить решил.

Перешел Джейхун он быстро, вторгся в Хорасан,
И урон войскам Бахрама там нанес хакан.

О грабительском вторжение том проведаль шах,
Разуверился внезапно он в своих войсках.

Видел он, что обленились воины вконец,
От седла отвык наездник, от копья — боец.

Видел он, что полководцы предають его
И что преданности прежней нет ни у кого.

Управители окраин из своих дворцов
Тайно с письмами хакану выслали гонцов.

Каждый шаха ненавидел; каждый — свой удел,
Отколовшись, в государство превратить хотел.

Так писали хану Чина: «Мы — твои рабы...
Выступай! И не споткнется конь твоей судьбы!

Ты царем вселенной будешь. Весь твоим войскам
Мир открыт. Бахрам на царстве не годится нам.

Если хочешь, мы покончим живо с ним мечом,
Если нет — его мы свяжем, в стан твой привезем».

Но о письмах тех успели шаху рассказать, —
Тайны нет такой, что явной не могла бы стать.

Этот их обман злодейский шаха огорчил.
Он наместникам кормило власти поручил,

Сам же скрылся; что, мол, делать, — надо уходить:
Обленилось войско, хана мне не победить...

Слух прошел, что шах вселенной, убоясь войны,
Бросил трон, и власть, и войско — скрылся из страны.

«Разве он хакану ровня? — каждый толковал. —
Знать, поэтому все бросил он и убежал».

С вестью радостной к хакану прискакал гонец:
«Шах Бахрам сошел с престола, снял с себя венец.

Твой Иран! Теперь, владыка, встань и поспеши,
Наступи ногой и корень Кеев сокруши!»

Так хакан, что Междуречье взял и Хорасан,
Услыхал, что беззащитен и открыт Иран.

Но, пресытившись добычей легкой, он и сам
Предался отдохновенью, лени и пирам.

Меч вложил в ножны, не думал о враге своем
И внимал беспечно песням, сидя за вином.

То, что прежде он в Бахrame страшно порицал,
Сам воспринял, и для многих сам смешным он стал.

А Бахрам меж тем в засаде затаился близ,
А лазутчики Бахрама делом занялись.

Сведенья о войске Чина стали собирать,
Велика ль, крепка ли духом вражеская рать.

Донесли: «Хакан беспечно ест, и пьет, и спит.
И — видать, опять Бахраму счастье предстоит».

Уходя, Бахрам из войска выбрал своего
Триста всадников надежных, больше никого.

Каждый был испытан в долгом боевом труде,
Каждый был — дракон на суше, крокодил — в воде.

Как в гранате триста зерен, были все при нем —
Верны, преданны. Единый породил их дом.

Шах вовлек врага обманно в видимость игры,
Стал поигрывать човганом, скрыв свои шары.

Пламя вражеское влажным дымом он одел,
К средоточью сил хакана вырваться успел.

И стрелою прямо в сердце вражье целил шах,
Ибо все он прежде сведал о его делах.

Он внезапно в ночь на ставку ханскую напал;
Скажешь: до седьмого неба облак пыли встал.

Темной ночью, тучей черной к небу взвился прах,
Ужаса дракон клубился у врага в глазах.

Степь и горы были, словно вороны, черны.
Ни созвездья в темном небе, ни лучей луны.

Заметался стан хакана. Всем казалось — шли
Сотни тысяч пьяных негров в мраке и в пыли.

Налетели эти негры, прах и смерть неся,
В темноте туранцев сонных яростно кося.

Небосвод, под черным шелком скрывший блеск светил,
Как кувшин, смолою черной запечатан был.

В полночь цвета влажной амбры, словно вихрь Бахрам,
Как Маррих-Бахрам, сражение вражьи дал войскам.

Он над войском Чина грянул, как небесный гром,
Поражал мечом булатным и колол копьем.

И без промаха из лука стрелы он пускал,
Чинских воинов навывлет он стрелой пронзал.

Ведь хаданговой стрелою он пронзал гранит,
Пробивал броню стальную и воловий щит.

Хоть смертельны были раны, но не видно стрел,
Стан туранский за оружие взяться не успел.

И в смятении кричали: «Смерть летит из мглы!
Это ад! Стрела без раны, рана без стрелы!»

На фарсанг разя стрелою меткою вокруг,
Шах Бахрам в бою не ведал утомленья рук.

Он, как вихрь, над войском Чина мчался в море тьмы.
И из вражьи тел в долине поднялись холмы.

Гнал он вражью рать, телами степи устеля,
И от крови размягчилась твердая земля.

И кого б своей стрелою он ни настигал,
Скорбный дух того со стоном тело покидал.

Из-за гор лучом блеснуло солнце. Поднялась
Красная заря, как будто полный кровью таз.

Где же меч и таз без крови? В мире так идет:
Если меч и таз найдутся, там и кровь течет.

По долине реки крови пролитой текли,
Весь дымился обагренный кровью лик земли.

Битва в поле не стихала, хоть и день настал,
Он не свет, а желчь и пламя в гневе изрыгал.

Пели стрелы, вслед бегущим тучею летя,
Словно змеи, что на жертву прыгают свистя.

Сам Бахрам неутомимо вел жестокий бой,
Издалека он алмазной поражал стрелой.

Если всадника по шлему ударял мечом,
Он его до поясницы рассекал мечом.

Как орел, мужей туранских сам он настигал
И до седел закаленной сталью рассекал.

Перед натиском жестоким уstraшилcя враг,
И, охвачен страхом, в бегство устремился враг.

Им казалось, что не триста всадников ночных,
А напало триста тысяч воинов на них.

Всяк, оружие бросая, ударялся в бег,
Меч Турана иступился, ускорился бег.

И в бою, когда Бахрама затвердела сталь,
Тюркская, прославленная ослабела сталь.

Шах Бахрам победы верный признак увидал,
Но преследовать туранцев все же продолжал.

Разметал он их в пустыне средь нагих песков,
Будто ветер на рассвете клочья облаков.

И сказал своим он храбрым воинам тремстам:
«Вот, друзья, рассвет победы! Вот добыча вам!

Отдыхать нам рано. Надо поразить князей,
Силы главные хакана разгромить скорей!»

И вперед рванулись триста выросших в боях.
Кони — львы у них, драконы хищные в руках.

И бесчисленная Чина отступила рать,
В бегство ринулась бесславно, в бегстве умирать.

Правое крыло бежало, левое ушло,
Средоточье за холмами в поле залегло.

Шах коня победоносно в битву устремил,
Он защиту хана ханов крепкую разбил.

Ты сказал бы, что стальные лапы черных львов
В гневе выбили оружие из руки врагов.

Стрелы змеями Заххака в высоту рвались,
Кони раненые с ржаньем по степи неслись.

Скажешь — будто оживала сказочная быль,—
За Джейхун бежали турки, подымая пыль.

Столько забранных сокровищ шаху принесли,
Что дабири сосчитать их за день не могли.

Был Мавераннахр очищен, и вздохнул Аджам.
Вновь явил благоволение подданным Бахрам.

Воротился он с победой в отчую страну,
Будто вновь принес народу радость и весну.

Вновь ему хвалу хулитель бывший воздавал,
Бородою вновь пред шахом землю подметал.

И под чанг Бахраму пели славные певцы —
Пехлевийских старых песен лучшие творцы.

И пред шахом за арабом выходил араб —
Всяк его в стихах прекрасных славил под рубаб.

Знаем мы — стихи поэтов царь ценить умел,
Он творцов прекрасных песен наградить велел.

Щедро, в ознаменованье радостного дня,
Жертву он принес Яздану в капищах огня.

Перлы сыпал он подолом, золото — щитом,
Одарил жрецов, служивших в храмах пред огнем.

Столько золота народу шахская рука
Раздала, что не осталось в мире бедняка.

БАХРАМ ПОРИЦАЕТ НАЧАЛЬНИКОВ ВОЙСКА

В некий день благословенный на престол воссел
Шах Бахрам. И полководцев он созвать велел.

В каждом государстве мира, где есть шах иль царь,
Жив обычай награждений, заведенный встарь.

Перед тронем падишаха, озарявшим мир,
Встали войск вожди, как звезды, и средь них эмир.

Острому мечу подобно, шах уста раскрыл:
«О эмир и полководцы! — он заговорил. —

Ради битв и ради мира рать стране нужна.
Без нее, как глыба камня, мертвенна страна.

Кто из вас в боях недавних подвиг совершил?
Кто из вас, как муж и воин, жизни не щадил?

Я избрал и возвеличил — не обидел вас,
Но скажите: я в сраженьях разве видел вас?

Кто из вас принять достоин от меня венец?
И о ком скажу я: вот он — доблестный храбрец?

Пред собою в дни сражений не видал я вас,
Неужели вы от смерти скрылись в грозный час?

Кто из вас отпор суровый недругу давал?
Кто утерянную землю вновь отвоевал?

Вы же хвалитесь: «Ирадж, мол, тоже предок наш!
Мы, мол, доблестны, как древле доблестный Араш!»

Тот кричит: «Потомок Гива пахлавана я!»
Этот вторит: «Внук Рустама Тахамтана я!»

Тиграми себя и львами величали вы,
А куда во время битвы все пропали вы?

Как рабы, тайком шептались в темных вы углах:
Мол, увь! У нас беспечен, неразумен шах.

Предается он веселью, пьянству и пирам...
Столь беспечный повелитель не годится нам! —

Пировал я, веселился и вино я пил,
Но за чашею заботы царской не забыл.

Пусть из рук прекрасных выпью я бассейн вина,
Не застанет усыпленным все ж меня война.

Я, как молния,— подобен туче грозовой,—
Лью вино рукой, сжимаю молнию — другой.

Да, я пью вино и песней украшаю пир,
Но мечом я защищаю ваш покой и мир.

Видимостью был обманный мой беспечный сон,
Я весельем и пирами не был усыплен.

Нет, князья, я не смеялся, не был опьянен!
Знайте: смех мой — лев свирепый, опьяненье — слон.

Жертву лев, смеясь, терзает, кровью опьянен,
Толпы в бегство обращает опьяненный слон.

Свой рассудок забывает, опьянев, глупец,
Но с достоинством — иначе — пьет вино мудрец.

Тот, чей разум не ущербен, хоть и пьет вино,
Твердо знает: в нем сознания не убьет оно.

Если только захочу я кубок выпить свой,
Я и на венец кейсара наступлю ногой.

Дух вином я возвышаю, но не пью до дна,—
Я врагу в лицо остаток выплесну вина.

И когда я в ночь с друзьями сяду за вином,
Я сокровища вселенной сыплю рукавом.

За пределы кругозора зорко я гляжу,
И сердца врагов на вертел, как кебаб, нижу.

Пусть теперь доброжелатель не боится мой,
Что небесные светила дремлют надо мной.

Пусть я хмелен и беспечен, но ведь пикогда
Не заснет моей удачи яркая звезда.

Пусть порой я сном беспечным мирно засыпал,
Но взгляни, как сон хакана я околдовал.

Я своей ошибкой мнимой обмануть сумел
Вора дерзкого и судьбы повернуть сумел.

Стал он немощной собакой. Вот он — мной избит —
Прячется в своих пустынях, по ночам не спит.

Пусть дракон в пещере дремлет, даже и тогда
Лев — самец неустранимый, не войдет туда».

Шах потряс собрание речью мудрою своей,
От стыда, как розы, рдели лица у князей.

Пали ниц, поклон покорно отдали ему
И смиренно отвечали шаху своему:

«Слову шахскому внимает слух его рабов!
Шах премудростью превысил древних мудрецов.

Шах своею мудрой речью душу нам сберег,
И ее к ушам привесим мы взамен серег.

На тебя вознес корону бог своей рукой,
А тщета людских стараний — ветер, вздох пустой.

До тебя искали люди первенства и здесь,
Спорили с тобой, хотели на престол твой сесть.

Но, вепцом не овладевши, всяк из них поник,
И ушел, и впал в безвестность, цели не достиг.

Мы в тебе такие видим доблести, о шах,
Что тебе подобных, мнится, нет и в двух мирах!

Наш владыка сжег драконов, дивов победил,
Бил стрелою носорогов и слонов разил.

Вольного орла и грифа он стреляет влет,
Льва хватает он за гриву, в плен его берет.

Где еще ему подобный есть ловец такой,
Что онагру может шею обхватить рукой?

В пятнышко на шкуре барса попадает он,
Зубы нильских крокодилов выбивает он.

То индийского владыку повергает в страх,
То Туран мечом индийским разбивает в прах.

Он с надменного фагфура получает дань,
У румийского кейсара он взимает дань.

Хоть и много было прежде пахлаванов-львов,
Побеждавших, изгонявших полчища врагов,

Но лишь он, ведя три сотни верховых бойцов,
В бой пошел и триста тысяч разгромил врагов.

Слава Кеев, мы читаем в древних письменах,
В щедрости их проявилась, в битвах и пирах.

Кей-Кубад свое прославил имя на войне,
Искендер-Руми был славен в ратях и вине.

Но с такою горсткой малой, против стольких сил,
Столь неслыханной победы он не совершил.

Если будем здесь мы шахов древних вспоминать,
Одного Бахрама можно с тысячей сравнять.

Этот шах любил походы, тот — веселый пир,
А в величии Бахрама заключен весь мир.

Ведь, когда над шлемом вражьем он мечом взмахнет,
Словно двери, на две створки шлем он распахнет.

Если он стрелой алмазной попадет в гранит,
На песчинки он гранита стену раздробит.

Чешуя змеи на древке шахского копья,
Под пятой царя неверный вьется, как змея.

Пред судьбой его железо плавится, как воск,
Он у львов степных из пасти исторгает мозг.

Пахнет гибелью и кровью черная судьба
Восстающего на шаха дерзкого раба.

В опьяненье он разумней наших мудрецов!
Сон его — да разве это сон в конце концов?

Это бдительность! Беспечно на своих пирах
Пьет вино наш царь великий, а пьянеет враг.

Средь премудрых самый мудрый — царь наш на земле,
Самый знающий и зоркий он в добре и зле.

Только при его правленье расцвела страна,
И ему в правленье помощь наша не нужна.

И покуда над землею светит небосвод,
Пусть над нами воля шаха мудрая живет.

Землю всю его высокий осеняет трон,
Сам же он одним высоким небом осенен!»

Так они, слова покорства шаху говоря,
Вслед рубину нанизали нитку янтаря.

Друг Бахрама, сын Мунзира, встал Нуман затем
И сказал такое слово пред собраньем тем:

«Здесь, повсюду, до окраин дальних сей страны.
Справедливый шах наш поднял Рыбу до Луны.

Да и кто о шахских может рассуждать делах
И по праву ли корону носит падишах?

Царь мой, на тебя корону возложил Яздан,
И теперь весь мир твоею славой сиян.

Мы — рабы в твоём чертоге. Радостны сердца
Тех, кто тени недостоин твоего венца.

Все, что есть у нас, — величьем нам дано твоим,
Властен ты над черным, белым, влажным и сухим.

От Аджамы до Йемена, государь, и впредь
За тебя мы, коль прикажешь, рады умереть.

Я от твоего престола, шах, не отхожу,
Много лет тебе я верно, доблестно служу.

И за верность пред тобою, шах, я отличен,
Возвеличен, и прославлен, и обогащен.

Может быть, ты соизволишь, повелитель мой,
Отпустить меня? Вернуться мне пора домой.

Отдохну под отчей кровлей, силы наберусь:
Позовешь — к тебе на службу снова устремлюсь.

Если же меня не хочет шах мой отпустить,
То, покамест жив, как прежде буду я служить».

Шах великий казначея тут позвать велел,
Другу юности богатство в дар он дать велел.

Начали носить подарки, чем богат Иран,
Чем красуется Египет, славится Оман.

Живо побежали слуги, как велел им шах,
Драгоценности тащили в кожаных мешках.

Меры золота, мешочки мускуса пустынь;
Привели толпу красавиц, молодых рабынь.

Драгоценных одеяний, тех, что надевать
Впору шаху, — невозможно было сосчитать.

В золотых уборах — гордость и красу земли —
Дорогих коней арабских ко дворцу вели.

Тысячи мечей индийских кованных навек,
Переправил к Арарату щедрости ковчег.

Перлы, яхонты, алмазы всех иных ценней
Отобрали для Нумана знатоки камней.

И венец с себя в бесценных блещущих камнях,
И румийские одежды другу отдал шах.

Он ему Йемен с Аденом выделил в удел,
И от счастья лик Нумана солнцем посветлел.

С богатейшими дарами к отчей стороне
Двинулся Нуман в дорогу, как Зухра к Луне.

БАХРАМ ЖЕНИТСЯ НА ДОЧЕРЯХ ПАДИШАХОВ СЕМИ СТРАН

Всей душою в наслажденья погрузился шах,
Ибо он устал в походных пребывать трудах.

Судьбы подданных устроил сам сперва Бахрам,
А уж после приступил он и к своим делам.

Он поправ врагов Ирана твердою пятой
И предался неге мира с чистою душой.

И пристрастие бывшее стал он вспоминать,
Что в трудах — за недосугом начал забывать.

Как Аржанг, семи блиставший мира поясам,—
Хаварнак и семь портретов вспоминал Бахрам.

И в душе Бахрама-Гура разгорелась вновь
К этим гуриеподобным девушкам любовь.

Семь волшебных эликсиров в мире он открыл
И семью огнями пламя страсти погасил.

Первая была — царевна Кеева дворца,
Но у ней в живых в ту пору не было отца.

Он засватал перл бесценный рода своего
И за тысячи сокровищ получил его.

А потом к хакану Чина он послал гонцов
И письмо с угрозой, скрытой средь любезных слов.

Дочь просил он у хакана и казну с венцом
И вдобавок дань двойную на году седьмом.

Отдал дочь хакан Бахраму и послал дары:
Груз динаров и сокровищ, чаши и ковры.

Вслед затем Бахрам кейсару вдруг нанес удар,—
Вторгся с войском в Рум. Немалый там зажег пожар.

Спорить с ним не стал объятый ужасом кейсар,
Выдал дочь свою и с нею дал богатый дар.

И людей в Магриб к султану шах послал потом
С чистым золотом в подарок, с троном и венцом.

Что ж! Магрибскую царевну получил Бахрам.
Посмотри, как в той женитьбе ловок был Бахрам.

А когда был кипарис им стройный увезен,
В край индийский за невестой устремился он.

Разумом раджу индусов так пленил Бахрам,
Что и дочь индийца в жены получил Бахрам.

И когда в Хорезм направил шах Бахрам посла,
Хорезм-шаха дочь женою в дом к нему вошла.

Он царя саклабов даром дорогим почтил,
Дочь его — алмаз чистейший — в жены попросил.

Так вот — от семи иклимов — у семи царей
Взял он в жены семь прекрасных перлов-дочерей;

И привез к себе, и с ними в счастье утопал,
Юности и наслажденью полностью воздал.

ЗИМНИЕ ПИРЫ БАХРАМА И ПОСТРОЕНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

В некий день, едва лишь солнце на небо взошло,
Небосвод в сребристом блеске обнажил чело.

Радостен и лучезарен, ярко озарен
Был тот день. Да не затмится он в чреде времен!

В это утро шах собрание мудрецов созвал.
Как лицо прекрасной девы, дом его блистал.

Не в саду садились гости, а входили в дом,
Ибо день тот был отрадный первым зимним днем.

Все убранство в дом из сада унесли. И сад
Опустел, погасло пламя множества лампад.

شیرین کا درخت زان
کلیسکه درستانهای
دست تکیه سیرام
امام

Смолкли соловьи на голых, мокрых деревьях.
Крик ворон: «Держите вора!» — слышится в садах.

От индийца родом ворон, говорят, идет —
Диво ль, что индеец вором стал и сам крадет.

Вместо соловьев вороны царствуют в садах,
Вместо роз шипы остались на нагих кустах.

Ветер утренний — художник, что снует везде,
Он серебряные звенья пишет на воде.

Холод у огня похитил мощь, — и посмотри:
Из воды мечи кует он под лучом зари.

И с копьем блестящим вьюга всадником летит,
Над затихшей речкой острым снегом шелестит.

Молоко в кувшинах мерзнет, превращаясь в сыр.
Стынет в жилах кровь живая, воздух мглист и сыр.

Горы в горностай оделись, доли — в белый пух,
Небосвод в косматой шубе дремлет, хмур и глух.

Хищник зябкий травоядных стал тропу следить,
Чтоб содрать с барана шкуру, чтобы шубу сшить.

Голова растений сонно на землю легла,
Сила их произрастанья в глубь земли ушла.

Мир-алхимик на деревьях лист позолотил
И рубин огня живого в сердце камня скрыл.

В благовонья тот алхимик розы превратил
И в кувшине под печатью крепкой заключил.

Словно ртуть, вода густая стынет на ветру
И серебряной пластиной скрыта поутру.

Теплый шахский дом, блистая стеклами окон,
Совмещал зимою свойства четырех времен.

Золотым углем жаровен и живым огнем
Леденящий зимний воздух нагревался в нем.

А плоды и вина сладко усыпляли мозг,
Дух и сердце умягчали, словно мягкий воск.

На углях горел алоэ, жарко тлел сандал;
Как индийцы на молитве, дым вокруг вставал.

Для поклонников Зардушта рдел живой огонь,
Был источником веселья золотой огонь.

В устье каменном, в жаровнях ярко рдел огонь,
Словно шелк золотоцветный, пламенел огонь.

Пламя — ягода грудная — угли разожгло,
Киноварью сердцевины угля налило.

Яблоком без сердцевины красный уголь рдел,
В сердцевине он гранатом спелым пламенел.

Россынью он тлел янтарной, окроплен смолой,
Жарко искрился, подернут пеплом и золой.

Чернотой раскаленной пламенел сандал,
Как тюльпаны в косах гурий, кровянел сандал.

Тюрком — по румийской крови — яркий был огонь,
Чтил народ наш от Зардушта и любил огонь.

Пламя жизни — свет Юнуса, купина Мусы.
Сад чудесный Ибрагима, пиршество Исы.

Черным мускусом ложились грани на углях,
Словно пятна на старинных медных зеркалах.

И пылал огонь рубином в тусклой черноте;
Скажешь: так рубин в пещерной блещет темноте.

Пламя обостряло зренье, словно самоцвет,
Открывая взгляду желтый, красный, синий цвет.

Был живой огонь невесты юной веселей,
В блеске искр и в ожерелье мускусных углей.

В золоте, в дыму алоэ брачный был чертог
Пиршественный, как гранатный розовел цветок.

Ярко убран был шелками пировой покой,
Ќуропатка с перепелкой в нем — рука с рукой —

Над огнем вертелись. Вместе с ними, чередой,
Оперенье сняв, кружился вяхирь молодой.

Желтый пламень дров горящих, дымом окружен,
Кладом золотым казался, дым на нем — дракон.

Адом был огонь и раем. В суть огня вникай:
Ад он — жаром пепелящим, ярким светом — рай.

Обитателям кумирен он — горящий ад.
Сад он райский для прошедших узкий мост — Сират.

Древний Зенд Зардушта гимны пламени поет,
Маг, как мотылек крылатый, вокруг огня снует.

Лед сверкающий водою делается в нем;
Жалко мне! Зачем назвали мы огонь — огнем?

Над дворцом, как кипарисы, кровли поднялись;
Вина, словно кровь фазана, красные лились.

Цвета перьев голубиных, рея, облака
С неба вяхирей бросали вниз для шашлыка.

Старое вино в кувшине глиняном тогда
Было влажно, словно пламя, сухо, как вода.

И слепцы в ту пору пили — полглотка хотя б,
И хребтовый из онагра жарили кебаб.

В славный зимний день с друзьями пировал Бахрам.
Пил вино, как подобает пить вино царям.

Вина сладкие, жаркое, музыка, друзья, —
Это зимнею порою одобряю я.

Как улыбка уст румяных, в чаше блеск вина,
Коль вином горячим в стужу чаша та полна.

Музыкой разгорячен был у застольцев мозг,
Сердце в теплоте отрадной таяло, как воск.

Мудрецы путем веселья за вином пошли.
Искрящийся остроумьем разговор вели.

Каждый радостно, открыто шаху говорил
То, что в сердце благородном ото всех таил.

Словно звенья золотые, потекли слова,
Полилась рекой живою общая молва:

«Государь, престол твой в мире подлинно велик,
Славы, прежде небывалой, ныне ты достиг.

И законов столь разумных не было и нет,
В царствах нынешних и в царствах отошедших лет.

Фарром над твоей главою озарил ты нас,
Счастьем, доброю судьбою одарил ты нас.

Стал у каждого наполнен изобильем дом;
Отстоял ты нас, возвысил царство над врагом.

Все дано нам: безопасность, изобилье, честь.
Остальное — все пустое, коль основа есть.

Если есть достаток в доме, мир и благодать,
Ни рубинов нам, ни перлов незачем искать.

Если есть у нас великий, щедрый шах такой,
Все имеем мы для счастья — мир, добро, покой.

Молим мы, чтоб нас небесный гнев не посетил,
Чтоб от глаза нас дурного вечный защитил.

Обращаемся с молитвой к светлым небесам,
Чтоб вовеки благосклонны звезды были к нам,

Чтобы счастье и в грядущем осеняло нас,
Чтобы радостью и миром озаряло нас.

Чтоб вовек из дома шаха, волей мудрых звезд,
Урожая наслаждений ветер не унес.

Да живет наш царь! Веселье да пребудет с ним!
За него и жизнью наших мы не пощадим!»

Так на том пиру гласила общая молва.
Каждый из гостей одобрил сердцем те слова.

Собеседованье мудрых радостно текло,
Всем казалось — дом согрело этих слов тепло.

Некий славный иноземец среди них сидел,
Князь по крови, благородством духа он владел.

Светлый ликом, словно солнце, звался он Шида;
Живописец — чувств исполнен, вдохновлен всегда,

Геометр и математик, врач и астроном,
Был он в зодчестве прославлен дивным мастерством.

Словно воск, податлив камень был в его руках,
Яркий блеск его мозаик не погас в веках.

Он узорною резьбою зданья украшал,
И по извести картины красками писал.

На дворцы, что он построил, сведущий, взгляни! —
Восхитил бы он Фархада сердце и Мани.

Разума ему Язданом дан был дивный дар,
Обучал его искусству прежде сам Симнар.

Он расписывать Симнару стены помогал
В дни, когда Симнар Нуману замок воздвигал.

Тот Шида Бахрама сразу полюбил душой,
Он увидел в шахе разум, чувства блеск живой.

Поднялся он из застолья, перед шахом встал,
Поклонился, сел на место вновь и так сказал:

«Если будет мне согласие шаха и указ —
Устраню я от Ирана наговор и сглаз.

Я ученый и астролог. До высоких звезд
Мною знания тайн небесных перекинут мост.

Был провидения дан мне при рожденье дар,
Зодчеству меня премудрый научил Симнар.

Зрел я тайное, па звездный глядя небосвод,
Что планет стечение шаху зла не принесет.

И пока в кумире праха жить он обречен,
Пусть светил небесных гнева не страшится он.

Тело шаха будет цело, как его душа,
На земле он будет, словно на небе Луна.

Предначертано мне было, чтобы я пришел
И для шаха семь высоких здесь дворцов возвел.

Чтобы семь цветов небесных радуги я взял,
Чтобы дом семи чертогов семицветным стал.

Семь прекрасных жен Бахраму судьбами даны,
Семь красавиц; каждой свойствен цвет ее страны.

Надо, чтоб дворец у каждой ей по цвету был,
Чтобы с цветом сочетался цвет семи светил.

В соответствии с движеньем неба и планет,
За семь дней своих неделя изменяет цвет.

И в согласии с движеньем вечных звезд и дней
Каждый день пускай приходит шах к жене своей.

И в то время как пирует шах с одной из жен,
Пусть он будет в цвет планеты этой облачен.

Если шах душой высокой примет мой совет,
Озарит его поступки немрачимый свет.

И деяния он будет царские свершать,
И от жизни безмятежно радости вкушать».

Шах ответил: «Я согласен. Эти семь дворцов
Златоверхих ты построишь среди моих садов.

Но и мне в свой срок придется к богу отойти,
Так зачем же здесь заботы лишние нести?

Говоришь, что семь чертогов мне построишь ты,
Что внутри, подобно раю, их устроишь ты?

В тех чертогах поселится только страсть моя,
Ну, а где же буду бога славословить я?

Коль в семи чертогах славить буду божество,
Где же будет храм? Где бога встречу моего?»

Но подумал про себя он: «Заблуждаюсь я,
МалOVER, во всюду сущем сомневаюсь я.

Тот, кто землю наполняет и небесный свод,
Видя все, везде молитве искренней вонмет».

И с Шидой, премудрым зодчим, спорить шах не стал,
Неким новым вожденьем дух его пылал.

То, что в росписях Симнара прежде видел он,
Где он был семью земными пери окружен,

То свершилось; он исполнил данный им обет,
Семь красавиц взял он в жены, словно семь планет.

Он слова Шиды глубоко в сердце заключил,
Ибо тот в деяньях мира тайных сведущ был.

Он с ответом торопиться в этот день не стал,
Ничего Шиде на это он не отвечал.

Но, душою покорившись звездам и судьбе,
Зодчего через неделю вызвал он к себе.

Чертежи семи строений сам он рассмотрел,
Все, что нужно для постройки, дать он повелел.

Выдал деньги для постройки, отрядил людей
И велел Шиде постройку начинать скорей.

Выбор для закладки зданья все же был не прост,
Выждал зодчий сочетанья благосклонных звезд.

Гороскоп сперва составив, зодчий-звездочет
Выбрал наконец счастливый первый день работ.

Вознеся сперва молитву пред лицом творца,
Заложил Шида основу первого дворца.

Семь чертогов он два целых года возводил,
Ежедневно на рассвете на леса всходил.

Да! Поистине — ты скажешь — зодчий был велик!
Семь невиданно прекрасных он дворцов воздвиг.

Был у каждого свой тайный гороскоп, свой цвет.
С честью выполнил строитель данный им обет.

Шах Бахрам, придя, увидел средь своих садов
Семь дворцов, как семь небесных светлых куполов.

Знал он, что достигли слухи отдаленных стран,
Как безжалостно с Симнаром поступил Нуман.

Был Нуман за то сурово всюду осужден,
Что премудрого Симнара смерти предал он.

Чтоб Шида был им доволен, счастлив был весь век,
Шах ему богатый город подарил — Бабек.

Он сказал: «Нуман ошибку тяжкую свершил,
Я судить его не волен, — знал он, что творил».

Не по скупости Нуманом был Симнар убит,
Не по щедрости так щедро и Бахрам дарит.

Таково предначертанье в жизни сей земной, —
Здесь всегда один в убытке, с прибылью — другой.

Этот жаждою томится, гибнет тот в воде,
И награду за Симнара воздают Шиде.

Мудрый ведает: грядущий день от нас закрыт.
Поражен своей судьбою — человек молчит.

ОПИСАНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

В дни, когда — в венце Кубада — шах после войны
Фарр сияния хосрова поднял до луны,

Под усилиями упорных мастерских резцов,
Семь — подобных Бисутунам — поднялось дворцов.

Встало семь дворцов — до неба — в пышных куполах,
Каждый купол был воздвигнут на семи столбах.

Окружил дворцы стеною зодчий. И Бахрам
Поднялся на эту стену, словно к небесам.

Семь дворцов Бахрам увидел, словно семь планет.
В соответствии планетам у дворцов был цвет.

И во всем Шида премудрый дал отличья им
В соответствии великим поясам земным.

Первый купол, что Кейвану зодчий посвятил,
Камнем черным, словно мускус, облицован был.

Тот, который был отмечен знаком Муштари,
Весь сандаловым снаружи был и изнутри.

А дворец, что был Бахрамом красным озарен,
Розовел порфиром, красен был в основе он.

Тот, в котором зодчий знаки солнца усмотрел,
Ярко-желтым был, как солнце, золотом горел.

Ну, а купол, чьим уделом был венец Зухры,
Мрамором лучился белым, как венец Зухры.

Тот же, чьею был защитой в небе Утарид,
Бирюзой горел, как в небе Утарид горит.

А построенный под знаком молодой Луны,
Зелен был, как счастье шаха, как наряд весны.

Так воздвиг Шида для шаха славных семь дворцов,
Семь цветных, как семь планетных в мире поясов.

Цвет свой семь пределов мира шаху принесли.
Как хозяйки семь царевен в семь дворцов вошли.

Каждая царица замок выбрала себе
По ее происхожденью, цвету и судьбе.

Внутреннее все убранство в каждом из дворцов
Свойственных ему оттенков было и цветов,

В те дворцы по дням недели шах Бахрам входил
И с одною из красавиц время проводил.

Он в субботу, в день Кейвана, в черный шел дворец,
Как ему по гороскопу предсказал мудрец.

В воскресенье — желтый замок посещал Бахрам,
И по очереди в каждом пировал Бахрам.

И в каком дворце за чашей ни садился он,
В цвет дворца и цвет планеты был он облачен.

И полна очарованья, блеска и ума,
Госпожа дворца садилась близ него сама.

Каждая хотела сердце шахское пленить,
Привязать его, халвою шаха накормить.

И они ему, за пиром тайным без гостей,
Рассказали семь волшебных старых повестей.

Хоть воздвиг Бахрам когда-то дивных семь дворцов,
Но не спасся все ж от смерти он в конце концов.

Низами! От сада жизни отведи свой взгляд!
В нем шипами стали розы, и шипы язвят.

Вспомни: в ад поверг Бахрама рай его страстей
В этом царстве двух обманных, мимолетных дней.

ИНДИЙСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

Суббота

Образы семи красавиц сердцем возлюбя,
Шах Бахрам в неволю страсти отдал сам себя.

В башню черную, как мускус, в день субботний он
Устремил стопы к индийской пери на поклон.

И в покое благовонном до ночной поры
Предавался он утехам сладостной игры.

А когда на лучезарный белый шелк дневной
Ночь разбрызгала по-царски мускус черный свой,

Шах у той весны Кашмира сказки попросил —
Ароматной, словно ветер, что им приносил

Пыль росы и сладкий запах от ночных садов,—
Попросил связать преданье из цветущих слов,

Из чудесных приключений, что уста слюной
Наполняют, приклоняют к ложу головой.

Вот на мускусном мешочке узел распустила
Та газель с глазами серны и заговорила:

«Пусть литавры шаха будут в небесах слышны
Выше четырех подпорок золотой луны!

И пока сияет небо, пусть мой шах живет,
Пусть к его ногам покорно каждый припадет.

Пусть не будет праздно счастье шахское сидеть,
Пусть он все возьмет, чем хочет в мире овладеть!»

Восхваленье кончив, пери — роз кашмирских куст —
Начала бальзам алоэ источать из уст.

Рассказала, взор потупя в землю от стыда,
То, о чем никто не слышал в мире никогда.

СКАЗКА

Мне поведал это родич царственный один,
Величавый старец, в снежной белизне седин:

«Некогда сияла в сонме райского дворца
Гурия с печальным складом нежного лица.

Каждый месяц приходила в замок наш она,
И была ее одежда каждый раз черна.

Мы ее расспрашивали: «Почему, скажи,
В черном ты всегда приходишь? Молим: удружи

И открой, о чем горюешь, слиток серебра?
Черноту твоей печали выбелить пора!

Ты ведь к нам благоволеньем истинным полна;
Молви, почему ты в черном? Почему грустна?»

От расспросов наших долгих получился толк.
Вот что гостья рассказала: «Этот черный шелк

Смысл таит, имеет повесть чудную свою,
Вы узнать ее хотите? Что ж, не утаю,

А от вас расспросов многих я сама ждала...
Я невольницею царской некогда была.

Этот царь был многовластен, справедлив, умен;
В памяти моей живет он — хоть и умер он.

Скорби многие при жизни он преодолел
И одежду в знак печали черную надел.

«Падишах в одежде черной» — в жизни наречен,
Волей вечных звезд на горе был он обречен.

Весел в юности — печальным стал он под конец.
Смолоду он наряжался в золото, в багрец;

И за ласку и радушье всюду восхвален,
Людам утреннею розой улыбался он.

Замок царский подымался до Плеяд челом.
Это был гостеприимный, всем открытый дом.

Стол всегда готов для пира — постланы ковры.
Гостю поздней или ранней не было поры.

Знатен гость или не знатен, беден иль богат —
Всех равно в покоях царских щедро угостят.

Царь расспрашивал пришельца о его путях,
Где бывал и что изведal он в чужих краях.

Гость рассказывал. И слушал царь его рассказ,
До восхода солнца часто не смыкая глаз.

Так спокойно, год за годом мирно протекал.
От закона гостелюбья царь не отступал.

Но однажды повелитель, как Симург, пропал.
Время шло. Никто о шахе ничего не знал.

Горевали мы; в печали влекся день за днем,—
Вести, как о птице Анка, не было о нем.

Но внезапно нам судьбою царь был возвращен;
Словно и не отлучался, снова сел на трон.

Молчалив он был и в черном — с головы до пят.
Были черными — рубаха, шапка и халат.

После этого он правил многие года,
Только в черное зачем-то облачен всегда,

Без несчастья — одеяньем скорби омрачен,
Как вода живая, в вечном мраке заключен.

С ним была я, и светили мне его лучи...
И однажды — с глазу на глаз — горестно в ночи

Он мне голосом печальным жаловаться стал:
«Посмотри, как свод небесный на меня напал,

Из страны Ирема силой он меня увлек
И навеки в этот черный погрузил поток.

И никто меня не спросит: «Царь мой, где ты был?
Почему седины черной ты чалмой покрыл?»

И, ответ обдумывая и словам его
Молча внемля, прижималась я к ногам его.

Молвила: «О покровитель вдов и горемык...
О властитель справедливый, лучший из владык!

Искушать тебя — что небо топором рубить,—
Кто дерзнет? Один ты волен тайное открыть».

Что достойна я доверья, понял властелин —
Мускусный открыл мешочек, просверлил рубин

И сказал: «Когда я в мире сделался царем,
Возлюбил гостеприимство, всем открыл свой дом.

И у всех, кого я видел, — добрых и дурных, —
Спрашивал о приключениях, что постигли их.

И пришел однажды ночью некий гость в мой дом,
Были плащ, чалма и туфли — черные на нем.

По обычаю, велел я угостить его.
Угостивши, захотел я расспросить его.

Начал: «Мне, не знающему повести твоей,
Молви, — почему ты в платье — полночи темней?»

Он ответил мне: «Об этом спрашивать забудь.
Никогда к гнезду Симурга не отыщешь путь».

Я сказал: «Не уклоняйся, друг, поведай мне,
Что за чудеса ты видел и в какой стране?»

Отвечал мой гость: «Ты должен, царь, меня простить,
Мне ответа рокового в слово не вместить.

Не поймут, не разгадают люди тайны той,
Кроме смертных, облаченных вечной чернотой».

Умолял его я долго правду рассказать,
Моего томленья, видно, он не мог понять.

Всем мольбам моим как будто он и не внимал.
Предо мной завесы тайны он не подымал.

Но, увидев, как встревожен я, как угнетен,
Своего молчанья словно устыдился он.

Вот что он поведал: «Город есть в горах Китая.
Красотой, благоустройством — он подобье рая,

А зовется «Град Смятенных» и «Скорбей Обитель».
В нем лишь черные одежды носит каждый житель.

Люди там красивы; каждый ликом, что луна,
Но, как ночь без звезд, одежда каждого черна.

Всякого, кто выпьет в этом городе вина,
В черное навек оденет чуждая страна.

Что же значит одеяний погребальный цвет,—
Не расскажешь, но чудесней дел на свете нет.

И хотя бы ты велел мне голову снести,
Больше не могу ни слова я произнести».

Молвил это и пожитки на осла взвалил,
Двери моего желанья наглухо закрыл.

Был мой дух его рассказом странным омрачен.
Я вернуть велел пришельца. Но уж скрылся он.

Свет погас. Рассказ прервался. Наступила тьма...
Стало страшно мне. Боялся я сойти с ума.

Продолжение рассказа начал я искать,
Пешку мысли так и этак начал подвигать.

Но, чтоб стать ферзем, у пешки не нашлось дорог,
Я взобраться по канату на стену не мог.

Обмануть себя терпеньем я хотел тогда.
Ум еще терпел, а сердцу горшая беда.

Проходила предо мною странников чреда.
Всех я спрашивал. Никто мне не открыл следа...

И решил я бросить царство,— хоть бы навсегда!
Родичу вручил кормило власти и суда,

Взял запас одежд и денег я в своей казне,
Чтоб нужда в пути далеком не мешала мне.

И пришел в Китай. И многих встречных вопрошал
О дороге — и увидел то, чего искал.

Город, убранный садами, как Ирема дом.
Носит черные одежды каждый житель в нем.

Молока белее тело каждого из них.
Но как бы смола одела каждого из них.

Дом я снял, расположился отдохнуть с пути
И присматривался к людям целый год почти.

Но не встретил я доверья доброго ни в ком,
Губы горожан как будто были под замком.

Наконец сошелся с неким мужем-мясником.
Был он скромн, благородн и красив лицом.

Чистый помыслами, добрый, смлада он привык
От хулы и злого слова сдерживать язык.

Дружбы с ним ища, за ним я следовал, как тень.
И встречаться с новым другом стал я каждый день.

А как с ним сумел я узы дружбы завязать,
Я решил обманом тайну у него узнать.

Часто я ему подарки ценные дарил,
Языком монет о дружбе звонко говорил.

С каждым днем число подарков щедро умножал,
Золотом — весов железных чашки нагружал,

День за днем свои богатства другу отдавал,
Исподволь и осторожно им завладевал.

И мясник, под непрерывным золотым дождем,
Стал к закланию готовым жертвенным тельцом.

Так подарками моими был он отягчен,
Что под грузом их душою истомился он.

Наконец меня однажды он в свой дом привел.
Был там сказочно богатый приготовлен стол.

Всех даров земных была там — скажешь — благодать.
Хорошо умел хозяин гостю угождать.

А когда мы, пир окончив, речи повели,—
Множество подарков ценных слуги принесли.

Счесть нельзя богатств, какие мне он расточил.
Все мои — к своим подаркам присоединил.

Отдав мне дары с поклоном, сел и так сказал:
«Столько, сколько ты сокровищ мне передавал,

Ни одна сокровищница в мире не вмещала!
Я доволен и своею прибылью немалой.

Друг, зачем же нужно было столько мне дарить?
Чем могу за несказанный дар я отплатить?

Стану, как ты пожелаешь, я тебе служить.
Жизнь одна во мне, но если смог бы положить

Десять жизней я на чашку тяжкую весов,—
Я не смог бы перевесить данных мне даров!»

«Разве душу перевесит этот жалкий хлам?» —
Молвил я и сделал бровью знак моим рабам,

Чтоб они в мое жилище быстро побежали,
Чтоб еще в подвале тайном золота достали.

Золотых монет, в которых чистый был металл,
Дал ему я много больше, чем дотоль давал.

Он же, не угадывая, что хитрю я с ним,
Мне сказал смущенно: «Был я должником твоим,—

Отдарить тебя, я думал, мне пришла пора...
Ну — а ты в ответ все больше даришь мне добра...

Устыжен я. И не знаю, как теперь мне быть.
Не затем, чтобы обратно в дом твой воротить,

Все твои дары сегодня я тебе поднес,
А затем, что в нашем скромном доме не нашлось

Ничего, чем за щедроты мог бы я воздать.
Но к богатству ты богатство даришь мне опять.

Слушай же — отныне буду я твоим рабом,
Иль свои дары обратно унеси в свой дом».

И когда я убедился в дружбе мясника,
Увидал, что бескорыстна дружба и крепка,—

Я ему свою поведал горестную повесть,
Ничего не скрыв, поведал, как велела совесть.

Рассказал ему, что бросил трон и царство я
И тайком ушел в чужие дальние края,

Чтоб узнать, зачем в богатом городе таком
С радостями ни единый житель не знаком.

Почему, не зная горя, горю преданы
Горожане здесь — и черным все облачены...

А когда мясник почтенный выслушал меня,
Стал овцой. Овцой от волка, волком от огня —

Он шарахнулся, и, словно сердце потерял,
Словно чем-то пораженный, долго он молчал.

И промолвил: «Не о добром ты спросил сейчас.
Но ответ на все должник твой нынче ж ночью даст».

Только амброй оросилась к ночи камфара
И к покою обратились люди до утра,

Мой хозяин молвил: «Встанем, милый гость, пора,
Чтоб увидеть все, что видеть ты хотел вчера.

Встань! Неволей в этот день я послужу тебе,
Небывалое виденье покажу тебе!»

Молвил так, со мною вышел из дому мясник,
Вел меня средь сонных улиц, словно проводник.

Шел он, я же — чужестранец — позади него.
Двое было нас. Из смертных с нами — никого.

Вел меня он, как безмолвный некий властелин.
За город привел в пределы сумрачных руин.

Ввел в пролом меня, где тени, как смола, черны,
Словно пери, скрылись оба мы в тени стены.

Там увидел я корзину. И привязан был
К ней канат. Мясник корзину эту притащил

И сказал: «На миг единый сядь в нее смелей,
Между небом и землею будешь поднят в ней.

Сам узнаешь и увидишь: почему, в молчанье
Погруженные, мы носим ночи одеянья.

Несказанная корзине этой власть дана,
Сокровенное откроет лишь она одна».

Веря: искренностью дружбы речь его полна,
Сел в корзину я. О — чудо! Чуть ногами дна

Я коснулся — словно птица поднялась она,
Понеслась корзина, словно вихрем взметена,

И в вертящееся небо повлекла меня.
Чары обвили корзину поясом огня.

До луны вздымавшаяся башня там была.
Сила чар меня на кровлю башни подняла.

В узел, черною змеею, свился мой канат.
Брошен другом, там стоял я, ужасом объят.

Я стонал, об избавленье господя моля.
Сверху небо — и во мраке подо мной земля.

Высоко на кровле башни, в страхе чуть дыша,
Я сидел. От этой казни в пуп ушла душа.

Было страшно мне на небо близкое взглянуть,
А глядеть на землю с неба как я мог дерзнуть?

И от ужаса невольно я глаза закрыл,
И покорно темным силам жизнь свою вручил,

И раскаивался горько я в своей вине.
Горевал я об отцовском доме и родне...

Не было от покаянья радостнее мне.
Полный горьких сожалений, я горел в огне.

Надо мною проплывало время, как во сне,
Вдруг примчалась птица с неба, села на стене,

Где один я плакал в горе. Села, как гора,
Велика, страшна, громадна,— черного пера.

Хвост и крылья, как чинары — густы и тенисты.
Лапы, как стволы деревьев — толсты и когтисты.

Как колонна Бисутуна — клюв ее велик,
Как дракон в пещере — в клюве выгнулся язык.

И чесалась эта птица, перья отряхала,
Расправляла хвост и шумно крыльями махала.

И когда она подкрылье черное чесала,—
Раковину с перлом алым на землю бросала,

Пыли мускусной вздымала облако до звезд
Каждый раз, как расправляла крылья или хвост.

Вскоре птица погрузилась надо мною в сон,
И в ее пуху дремучем был я схоронен.

Думал: «Коль за птичью ногу крепко ухвачусь,
С помощью ужасной птицы наземь я спущусь,

Пусть внизу беду любую для себя найду...
Силой же своей отсюда вовсе не сойду.

Злобный человек со мною подло поступил,
Предал мукам, клятву дружбы низко преступил.

Или он моим богатством завладеть желал —
И затем меня на гибель верную послал?..»

Так томился я, покамест не зардела высь.
Смутно голоса земные снизу донеслись.

Сердце птицы застучало бурно надо мной.
Птица крыльями всплескала бурно надо мной.

Крылья шире корабельных поднятых ветрил.
Встал я, лапу страшной птицы крепко обхватил.

А она поджала лапы, крылья развела
И, как буря, сына праха к солнцу понесла.

И меня с утра до полдня птица та носила.
Солнце гневно жгло. От зноя я лишился силы.

Вдруг — увидел: небо стало надо мной вращаться;
То — огромными кругами начала спускаться

Птица на землю. Земная тень ее влекла:
И когда копы не выше высота была,

Возблагодарил я птицу: «Ну, спасибо, друг» —
И ее кривую лапу выпустил из рук.

Словно молния, упал я на цветущий луг, —
Весь в росе благоуханной он блестел вокруг.

Добрый час, смежив зеницы, я в траве лежал.
Где я, что со мною дальше будет, я не знал.

В сердце у меня тревога улеглась не вдруг,
Наконец открыл я веки, поглядел вокруг.

Бирюзы небес лазурней почва там была.
Пыль земная на густую зелень не легла.

Сотня тысяч разнообразных там цветов цвела.
Зелень листьев бодрствовала, а вода спала.

Тысячами ярких красок взоры луг пленял.
Ветер, полный благовоний, чувства опьянял.

Гиацинт петлей аркана брал гвоздику в плен.
Юной розы рот багряный прикусил ясен.

И язык у аргавана отняла земля,
Амброю благоуханной там была земля.

Был там золотом песок, камни — бирюзой,
В ложе яшмовом поток — розовой водой.

У его кристально-светлых и холодных вод
Блеск и цвет, как подаянье, кланчил небосвод.

Как во ртути, в струях рыбы ярче серебра,
Берега, как два огромных сказочных ковра.

Изумрудные предгорья в полукруг сошлись.
Лес в предгорьях — дуб индийский, кедр и кипарис.

Там утесы были чистым яхонтом, опалом.
Дерева горели цветом золотым и алым.

Сквозь кустарники алоэ, смешанных с сандалом,
Ветер веял по долине и окрестным скалам.

Верпо — сонм небесных гурий создавал ее
И от засухи и бури укрывал ее.

Небосвод «сапфирной чашей» называл ее.
А Ирем «усладой нашей» называл ее.

Ничего нигде я краше в мире не видал.
Ликовал я и дивился, словно клад считал.

Вдоль и вширь прошел долину, все я оглядел.
И хвалу творцу над нею, радостный, пропел.

Чашей шел и, чуя голод, рвал плоды и ел.
Отдохнуть под кипарисом свежим захотел.

Лег, уснул, тревог не зная и докучных дел,
Небеса благословляя за такой удел.

Только полночь погрузила землю в синь и тьму
И, убрав багрец, на тучи нанесла сурьму,

Мне в лицо пахнул отрадно с горной вышины
Легковейный и прохладный ветерок весны.

Пронеслась гроза, апрельской свежестью полна,
Быстрым дождиком долину взбрызнула она.

Напоился дол широкий свежестью ночной
И наполнился красавиц молодых толпой,

Прелестью была любая гурии равна,
Шли они передо мною, как виденья сна.

Будто чудом породила ночи глубина
Мир красавиц светозарных, свежих, как весна,

Мир пьяней и чародейней рдяного вина.
Тела белизна у каждой хной оттенена,

Уст рубин алей тюльпана,— кровь не так красна;
Выкуп, взятый с Хузистана, тем устам цена.

Золотых запястий змеи на руках у них.
Перлы звучные на шее и в серьгах у них.

А в руках красавиц свечи яркие горят;
Хоть нагара не снимают,— свечи не коптят.

Стана гибкостью любая в плен брала мой взгляд,
Обещая и скрывая тысячи услад.

И ковер и трон, звездой блещущий вдали,
Эти гурии-кумиры на плечах несли.

На траву ковер постлали, водрузили трон.
Ждал я, что же будет дале,— словно видел сон.

Только время миновало малое с тех пор,
Нечто ярко засияло, ослепляя взор.

Будто бы луна спустилась наземь с высоты,
Легким шагом приминая травы и цветы.

То владычица красавиц — не луна была.
Эти пери лугом были, а она была

Кипарисом среди луга, и над их толпой,
Словно роза, возвышалась гордой головой.

Вот воссела, как невеста, госпожа на трон,
Спал весь мир, а только села — мир был пробужден.

Еле складки покрывала совлекла с лица —
Некий падишах, казалось, вышел из дворца,

Белое румийцев войско впереди него,
Черное индийцев войско позади него.

А когда одно мгновенье, два ли, миновало,
Девушке, вблизи стоявшей, госпожа сказала:

«Я присутствие чужое ощущаю здесь.
Чую — существо земное между нами есть.

Встань скорее и долину нашу обойди
И, кого ни повстречаешь, — всех ко мне води».

Та, рожденная от пери, мигом поднялась,
Словно пери над долиной темной понеслась.

Изумясь, остановилась, лишь меня нашла,
За руку меня с улыбкой ласково взяла

И сказала: «Встань скорее, полетим, как дым!»
Ждал я этих слов, ни слова не прибавил к ним.

Как ворона за павлином я за ней летел,
Перед троном на колени встать я захотел.

Стал я в самом нижнем круге средь подруг ее.
Молвила она: «Ты место занял не свое.

Не к лицу тебе, я вижу, выглядеть рабом;
Место гостя — не в скорлупке, а в зерне самом.

Подымись на возвышенье, рядом сядь со мной.
Ведь приятно и Плеядам плыть перед луной».

Я ответил: «О царица из страны зари,
Своему рабу подобных притч не говори!

Трон Балкис ему не место, это знает он.
Только Сулейман достоин занимать твой трон».

Молвила: «Здесь ты хозяин. Подойди и сядь.
Станешь ты у нас отныне всем повелевать.

Буду властна над тобою только я одна.
Сокровенное открою только я одна.

Ты мой гость, а мой обычай — почитать гостей».
Понял я, что мне осталось покориться ей,

Чувствовал, что я лишаюсь воли... И на трон
За руку служанкой юной был я возведен.

И с прекрасной девой рядом на престоле том,
Речью ласковой утешен, сел я. А потом

Стол для пира повелела госпожа принести.
Принесли нам стол служанки,— яств на нем не счесть.

Чаши были — цельный яхонт, стол же — бирюза.
Вызывал он вожделенье, радовал глаза.

А когда я сладкой нищей голод утолил
И напитком благовошным сердца жар залил,—

Появились музыканты, кравчие ушли.
И неведомое бедным жителям земли

Счастье, думал я, доступно, близко стало мне...
Нежно песня дев хвалою зазвучала мне.

Струны руда зазвенели, бубен забряцал.
Вихрь веселой многоцветной пляски засверкал.

Не касаясь луга, неся легкий круг подруг.
Будто ввысь их поднимали крылья быстрых рук.

А потом — поодаль сели девы пировать.
Кравчие не успевали чаши наполнять.

От вина и сильной страсти обезумел я.
Мне казалось — закипала в жилах кровь моя.

К госпоже сахарноустой руки я простер,
И у ней живым согласьем засветился взор.

Подкосила ноги эта дивная краса.
Я упал к ногам желанной, как ее коса.

Начал я у девы милой ноги целовать,
Возразит — я с большей силой стану целовать.

Уж надежды птица пела мне из тьмы ветвей,
Если б двести душ имел я,— все бы отдал ей.

«О скажи, услада сердца,— я молил ее,—
Кто ты, сладостная? Имя назови свое!»

چون خردی ای شکر
 قافله شاد و چرخ
 که برین کز بر کشید جدا
 با نیک ملکین در دهان
 و کج برام شد شاد و پست
 روز شنبه زیر شادمان

عشق که پستی و ان
 شاد و بخواهی و بگر
 جان بزرگوار و بگر
 میزد و در سواد و بگر

باغی و در پیش
 کشی و شادمانی
 و بگر و بگر
 سوزی و بگر و بگر

بلور و بگر و بگر
 که کدکرم شادمانی
 که کدکرم شادمانی
 و بگر و بگر و بگر

چون خردی ای شکر
 قافله شاد و چرخ
 که برین کز بر کشید جدا
 با نیک ملکین در دهان
 و کج برام شد شاد و پست
 روز شنبه زیر شادمان

آب آفتاب و بگر

عروس و بگر

چون بگر و بگر

بر بگر و بگر

«Я тюрчанка с нежным телом, — молвила она, —
Нежною Тюркназ за это в мире названа».

Молвил я: «Как дивно сходны наши имена!..
Звуком имени со мною ты породнена.

Ты — Тюркназ, что значит — Нежность. Я —
Набег — Тюрктаз.
Я молю тебя: немедля нападем сейчас

На несметных дивов горя — их огнем сожжем,
Утолим сердец томленье колдовским вином!

Все забудем... Обратимся к радости любви..
И душою погрузимся в радости любви!»

Я прочел в ее улыбке и в игре очей:
«Видишь — счастье судьбою занялось твоей!..

Видишь, час благоприятен... Нет вокруг людей...
Снисходительна подруга — так целуй смелей!»

Предо мною дверь лобзаний дева отперла —
Тысячу мне поцелуев огненных дала.

Вспыхнул я от поцелуев, словно от вина.
Шум моей кипящей крови слышала луна.

«Нынче — только поцелуй, — молвила она, —
Взявши в руку эту чашу, пей не вдруг до дна.

И пока еще ты можешь сдерживать желанье —
Кудри гладь, кусай мне губы, похищай лобзанье.

Но когда твой ум затмится страстью до того,
Что узды уже не будет слушать естество, —

Из толпы прислужниц, — в коей каждая девица,
Словно над любовной ночью вставшая денница, —

Ты какую бы ни выбрал, я освобожу,
И служить твоим желаньям я ей прикажу,

Чтоб она в укромном месте другу моему
Предалась, была невестой и слугой ему;

Чтобы притушила ярость твоего огня,
Но — чтобы в ручье осталась влага для меня.

Каждый вечер, только с неба сгонит мрак зарю,
Я тебе один из этих перлов подарю».

Молвив так, толпу прислужниц взором обвела.
Ту, которую для ласки годною сочла,

Мановеньем чуть заметным к трону позвала
И ее, с улыбкой нежной, мне передала.

И луна, подаренная мне, меня взяла
За руку и в сумрачную чащу увела.

Был пленен я родинкою, стал рабом кудрей.
Под навесом листьев шел я, как во сне, за ней.

И меня в шатер укрomный привела она.
Я поладил с ней, как с нижней верхняя струна.

Там постель была роскошно раньше постлана,
Легким шелком и коврами ярко убрана.

И затылками подушки ложа смяли мы.
Целовались и друг друга обнимали мы.

Отыскал я роз охапку между ивняков.
Потонул в охапке белых, алых лепестков.

Перл бесценный, сокровенный в раковине был,
Снял с жемчужницы печать я, створки отворил.

Я ласкал свою подругу до дневной поры,
В ложе, амброю дышавшем, полном камфоры.

Встал я из ее объятий при сиянье дня.
Приготовила проворно дева для меня

Водоем златой, сиявший яхонтовым дном.
И водой благоуханной я омылся в нем.

Знойный полдень был, когда я вышел из шатра.
Гурии, что пировали на лугу вчера,

Все исчезли. Я остался там у родника
Одинокий — наподобье желтого цветка,

Утомленный и с похмельем тяжким в голове,
Влажным лбом своим склонился я к сухой траве.

От полудня до заката подремал я там.
Счастье бодрствует, покамест спит счастливец сам.

Только мускусный мешочек ночь-газель раскрыла
И на небо мускус черный с амброй положила,

Из носилок сна я поднял голову тогда.
Встал я, как побег кленовый, где журчит вода.

Как минувшей ночью, туча с ветром пронеслась,
И жемчужным над долиной ливнем пролилась.

Ветер подметал долину, ливень поливал.
Ветер сеял розы, ливень лилии сажал.

А когда в долине встала амбровая мгла,
Розовая — в сто потоков — влага потекла.

Это вновь минувшей ночи гурии пришли,
Трон с покровом драгоценным снова принесли.

На лугу опять поставлен трон был золотой,
Занавешенный шелками, дорогой парчой.

Вновь пошел у них веселый, беззаботный пир.
Смехом, пеньем и волненьем был разбужен мир.

Встали девушки в сиянье факелов ночных.
Села грабящая сердце госпожа среди них.

Девушкам она велела, чтоб меня нашли,
Чтобы снова к ней с почетом гостя привели.

Я на зов пришел охотно. И на трон меня
По обычаю бывшего усадили дня.

Бирюзовый стол для пира принесли они,
Яства подали и вина и зажгли огни.

Был утешен голод, жажда мной утолена,
Сладко, стройно сговорила со струной струна,

Голову вино вскружило, жилы обожгло.
И опять вино с любовью дружбу завело.

И моя Тюркназ явила милость мне опять,
Своего раба решила снова обласкать.

И дала она подругам знак движеньем глаз,
Чтоб они ушли, оставив с глазу на глаз нас.

Тут огонь любви из сердца бросился мне в мозг.
Сразу мозг мой растопился, словно мягкий воск.

В нетерпенье я рукою стан ее обвил,
Деву взял на грудь к себе я и себя забыл.

Но владычица сказала мне, как и вчера:
«Эта ночь — не мне с тобою. Нынче — не пора.

Если можешь быть доволен леденцами ты,—
В эту ночь со мной сливайся лишь устами ты.

Знай: кто требует немного — много тот возьмет.
А страстей своих невольник — в нищету впадет».

Я воскликнул: «Пусть же средство госпожа найдет,
Ибо скрыт я с головою глубиною вод.

Как смола, черны и цепки змеи кос твоих,
Я же стал умалишенным, я достоин их.

Посади меня ты на цепь, чтоб не бушевал,
Чтоб невольник исступленный пути не порвал.

Видишь: ночь проходит, брезжит за горой заря,
Я конца речам не вижу, ночь проговоря!

Иль убей меня... Не жаль мне жизни для тебя,
Вот мой меч, под ним склоняю голову, любя.

Нет, я знаю: от рожденья ты мне не чужда,
Если ты ручей гремучий, я — в ручье вода.

Жажду я, не дашь мне влаги — я тогда умру.
Станет жизнь моя летучим прахом на ветру.

Помоги... я погибаю... О, спаси меня!
Воду я искал, а воды унесли меня.

Мукой долгих ожиданий не томи меня,
Хоть глотком блаженной влаги напои меня!

Пусть игла скорей вонзится в шелковые ткани,
Иль золы горячей брошу я в глаза желаний...

Не упал еще осел мой, цел бурдюк на нем.
Птица в ночь на ветку села, но умчится днем».

«Нынче будь покорен! — дева отвечала мне. —
Пусть Шабдизова подкова полежит в огне.

Если к цели вожденной нынче не придешь,
Яркий свет свечи бессмертья завтра обретишь,

Так не продавай за каплю весь источник вод.
Все, что нынче яд, то завтра превратится в мед.

Нынче ты свои желанья на замок замкни,
И за это счастлив будешь в будущие дни.

Ты целуй меня сегодня, локоны мне гладь,
В нарды же с моей рабою будешь ты играть.

Сад есть у тебя — зачем же сада избегать?
Птица есть — зачем же птичье молоко искать?

И хоть я тебя покину скоро, — знай — я тоже
И сама тебе достанусь, но достанусь позже.

Если в сеть поймашь рыбу в глубине пруда,
То луну поймать рукою можно не всегда».

Как увидел я, что медлит в той игре она,
Осторожен стал, сговорчив; чашами вина

Стал перемежать лобзанья, и, смирясь в беде,
Пост блюсти решил я, жарясь на сковороде.

Но от огненных лобзаний и огня вина
Стала вновь душа Меджнуна пламенем полна.

И опять моя тюрчанка, в сердце у меня
Увидавши исступленье ярого огня,

Из своих прислужниц юных мне одну дала,
Чтоб опять ее служанка жар мой уняла.

Я в шатер пошел с другою девою, как вчера,
И опять гасил желанья сердца до утра.

На коврах водил до света с пери хоровод,
А когда одежды неба выстирал восход

И разбила ночь-красильщик с краскою кувшин,
Очутился я сидящим на лугу — один;

И в груди моей желанье было лишь одно:
Чтобы ночь пришла скорее, чтобы пить вино

Мне с кумирами Китая, пери обнимать,
И ласкающую сердце — к сердцу прижимать.

Ночь вернулась с полной чашею услад.
Снова трон мой был превыше блещущих плеяд...

Так за ночью ночь летели, полные весельем,
Пеньем, хмелем поцелуев, сладостным похмельем.

С вечера — огни и песни, радости вина,
А к рассвету — гостю в жены гурия дана.

Днем мне свежий сад — жилище, а ночной порой —
Рай, где мускусная почва, дом же — золотой.

В нем, как царь страны блаженства, я владел луной.
Все, чего хотел, являлось мигом предо мной.

Ну а я — неблагодарный — хмурился, вздыхал
И, блаженством обладая, большего искал.

Время шло... И вот тридцатый вечер настает,
Кроя мускусною тенью синий небосвод.

Амброю — кудрявый облак — вея в вышину,
За косы к себе с любовью притянул луну.

И гроза с благоуханным ветром пронеслась.
Освежающим в долину ливнем пролилась.

Шум раздался, звон запястий, слышный до небес.
Факелами озарился дол и влажный лес.

Вновь поставили рабыни трон на свежий луг,
И певичы и плясуньи трон обстали вокруг.

Солнцеликая явилась между них луна,
Мускусом кудрей прикрыла грудь свою она.

И свирели зазвенели, зазвучал напев.
Рдяное вино разлили руки кравчих-дев.

И царица гурий свите молвила своей:
«Разыщите, приведите друга поскорей...»

У ручья меня служанки на лугу нашли
И меня к своей царице снова привели.

Поклонился ей и сел я справа от нее,
Ожило во мне желанье прежнее мое.

С опьяненьем вспыхнул в сердце и любовный пыл.
Я рукою черный локон, как канат, схватил.

Дивы похоти с каната снова сорвались,
Бесноватого канатом связывать взялись.

В паутине кос тяжелых мухой я застрял,
В эту ночь канатоходцем я невольно стал.

Бесновался, как осел я, видящий ячмень,
Или — словно одержимый в новолунья день.

И, как вор сребролюбивый пред чужим добром,
Весь дрожа, я потянулся вновь за серебром.

Обнял стан ее. Ослаб я. Так мне тяжело было.
Руку на руку тогда мне дева положила.

Руку эта зависть гурий мне поцеловала,
Чтоб убрал от клада руку я. И так сказала:

«Не тянись к запретной двери, ибо коротка,
Чтоб ее достигнуть, даже длинная рука.

Вход в рудник закрыт печатью, и печать крепка,
И нельзя сорвать печати с двери рудника.

Пальмою ты обладаешь — так терпи, крепись,
Фиников незрелых с пальмы рвать не торопись.

Пей вино и знай: жаркое скоро вслед придет.
На зарю гляди, за нею солнца свет придет».

Я ответил ей: «О солнце сада моего,
Свет очей моих, услада взгляда моего!

Словно роза вертограда — щек твоих заря,
Я умру с тобою рядом, пламенем горя.

Жаждущему показала чистый ты ручей,
А потом ему сказала: «Рот замкни, не пей».

Жизнь моя тобою снова брошена в огонь,
Вновь заветная подкова брошена в огонь.

Как луны набег свирепый отразить могу?
Как пылинкой малой солнце я закрыть могу?

Отведу ли руку — если ты в моих руках?
И пойду ль на муку — если ты в моих руках?

У меня душа, ты видишь, подошла к губам,
Жарче поцелуй!.. Не надо слов холодных нам.

Как мне быть, коль выюк с верблюда моего упал?
Помоги, избавь от муки, ибо час настал.

Скоро волк свирепых высей — хищный небосвод —
И по-волчьи и по-лисьи нападать начнет.

Словно лев голодный, прынет прямо на меня.
И повергнет ниц, как пардус пламенный, меня.

Если дверь не отпнешь мне нынче, знай, к утру
От томления и муки жгучей я умру.

Как цари и падишахи к гостю снизошли б,
Снизойди к моим молениям, ибо я погиб!..

Изнемог я... И терпенья у меня не стало!»
«Руку удержи... Все будет... — госпожа сказала, —

Увенчать твое желанье — в том моя судьба.
Ибо ты — мой повелитель, я — твоя раба.

Бедный дар такому гостю будет ли хорош?
Все же — то, что ищешь ныне, позже обретешь.

У меня бери сегодня все, что сердцу любо:
Щеки, грудь и губы, — кроме одного, что грубо.

Кроме перла одного лишь — всей моей владей
Кладовой. И помни: ждет нас тысяча ночей,

Полных счастья. Но коль сердце пышет от вина,
Дам тебе служанку, словно полная луна,

Но чтоб нынче ты подол мой выпустил из рук».
Я, не разумея смысла, слышал только звук

Сладкой речи. Сам себе я говорил: «Не тронь!»
Но железо было остро и горяч огонь.

Молвил я: «Ты, струны тронув, их лишила лада,
Тысячи погибли с горя, не нашедши клада.

Но когда ногой наткнулся я на самый клад,
Удержу ли руку, видя даже сто преград?

Как свечу на этом троне, ты зажги меня,
Или четырьмя гвоздями пригвозди меня.

Или на ковре улады предо мной пляши,
Иль на кожаной подстилке головы лиши.

Ты моя душа и сердце, зренье и сознание,
Без тебя мрачнее смерти мне существование.

Коль желаемого мною нынче я добьюсь,
Даром получу, — хоть жизнью даже расплачусь.

Ты зажги меня сегодня ночью, как свечу.
В горе я. И, лишь сгорая, горе излечу.

Слышишь? Кровь во мне бушует... Так поторопись
С казнью, чтоб палач скорее оборвал мне жизнь!»

Тут — как мне кипенье крови и безумья пыл
Повелели — на цветок я натиск совершил.

Страсть мою, что пламенела, не утолена,
Страсть мою меня молила удержать она.

И она клялась мне: «Это будет все твое.
Завтра ночью ты желанье утолишь свое.

Потерпи одни лишь сутки. Завтра, — говорю, —
Дверь к сокровищу сама я завтра отворю.

Ночь одну лишь дай мне сроку! Быстро ночь пройдет.
Ведь одна лишь ночь — подумай: только ночь, не год!»

Так она мне говорила. Я же, как слепой
Иль как бешеный, вцепился в пояс ей рукой,

И во мне от просьб желанной девы возросло
Во сто раз желаний пламя. До того дошло,

Что рванул я и ослабил пояс у нее.
А царица, нетерпенье увидав мое,

Мне сказала: «На мгновенье ты глаза закрой.
Отомкну сейчас сама я двери кладовой.

Отомкнув перед тобою дверь, скажу: «Открой...»
И тогда, что пожелаешь, делай ты со мной!»

Я на сладкую уловку эту пойман был,
Выпустил из рук царицу и глаза прикрыл.

И — доверчиво — ей сроку дал я миг, другой.
И когда услышал слово тихое: «Открой...» —

Я, с надеждою на деву бросив быстрый взгляд,
Увидал: пустырь, корзину и над ней канат.

Ни подруги близ, ни друга не увидел я.
Вздых горячий да холодный ветер — мне друзья.

Как отставшая от солнца тень в закатный час,—
Тень-Тюркназ отстал от солнца своего — Тюркназ...

А перед моей корзиной друг мясник предстал.
Заключил меня в объятья, извиняться стал.

«Если бы сто лет твердил я,— мне мясник сказал,—
Ты бы не поверил, если б сам не испытал.

Тайное ты нынче видел,— что нельзя узнать
Иначе. Кому ж об этом можно рассказать?»

И, палимый сожаленьем горьким, я вскипел,
В знак тоски и утеснения черное надел.

Я сказал: «О угнетенный горем, как и я,
Бедный друг мой! Мне по нраву стала мысль твоя,—

Пребывающим в печали черной и в молчанье —
Черное лишь подобает это одеянье».

Шелк на голову набросив черный, словно ночь,
Я из града вечной скорби ночью вышел прочь.

С черным сердцем появился я в родном дому.
Царь я — в черном. Тучей черной плачу потому!

И скорблю, что из-за грубой похоти навек
Потерял я все, чем смутно грезит человек!»

И когда мой шах мне повесть эту рассказал,—
Я — его раба — избрала то, что он избрал.

В мрак ушла я с Искендером за живой водой!..
Ярче месяц — осененный неба чернотой.

И над царским троном черный должен быть покров...
Черный цвет прекрасен. Это лучший из цветов.

Рыбья кость бела, но скрыта. Спины рыб черны.
Кудри черные и брови юности даны.

Чернотой прекрасны очи и осветлены.
Мускус — чем черней, тем большей стоит он цены.

Коль шелка небесной ночи не были б черны,—
Их бы разве постилали в колыбель луны?

Каждый из семи престолов свой имеет цвет,
Но средь них сильнейший — черный. Выше цвета нет».

Так индийская царица в предрассветный час
Пред царем Бахрамом дивный кончила рассказ.

Похвалил красу Кашмира шах за сказку-диво,
Обнял стан ее и рядом с ней заснул счастливый.

ТУРКЕСТАНСКАЯ ЦАРИЦА

ПОВЕСТЬ ВТОРАЯ

Воскресенье

В час, когда нагорий ворот и пола степей
Позлатились ярким блеском солнечных лучей,

В воскресенье, словно солнце поутру, Бахрам
В золотое одеянье облачился сам.

И подобен солнцу утра красотой лица,
Он вошел под свод высокий желтого дворца.

Сердце в радости беспечной там он утопил,
Внемя пенью, из фиала золотого пил.

А когда померк лучистый тот воскресный день
И в покое брачном шаха воцарилась тень,

Шах светильнику Китая нежному сказал,
Чтоб она с прекрасным словом свой сдружила лал.

Попросил кумир Турана повесть рассказать
Сказочную,— дню, светилу и дворцу под стать.

Просьбу высказав, он просьбы исполнения ждал,
Извинений и уверток шах не принимал.

И сказала дочь хакана Чина — Ягманаз:
«О мой шах, тебе подвластны Рум, Туран, Тараз.

Ты владык земли встречаешь пред дворцом твоим,
И цари хвалу возносят пред лицом твоим.

Кто тебе не подчинится дерзостной душой,
Под ноги слону да будет брошен головой».

И рассказ царевны Чина зазвучал пред ним;
Он струился, как кадильниц благовонный дым.

СКАЗКА

В некоем городе иракском, я слыхала, встарь
Жил и правил добрый сердцем, справедливый царь.

Словно солнце, благодатен был и ясен он,
Как весна порой новруза, был прекрасен он.

Всякой доблестью в избытке был он наделен,
Светлым разумом и знаньем был он одарен.

Хоть, казалось, от рожденья он счастливым был,
В одиночестве печальном жизнь он проводил.

В гороскопе, что составил для него мобед,
Он прочел: «Тебе от женщин угрожает вред».

Потому и не женился он, чтоб не попасть
В бедствие, чтоб не постигла жизнь его напасть.

Так вот, женщин избегая, этот властелин
Во дворце и дни и ночи проводил один.

Но владыке жизнь такая стала докучать,
По неведомой подруге начал он скучать.

Несколько красавиц юных он решил купить.
Только не могли рабыни шаху угодить.

Он одну, другую, третью удалить велел,
Ибо все переходили данный им предел.

Каждая хотела зваться — «госпожа», «хатун»,
Жаждала богатств, какими лишь владел Карун.

В доме у царя горбунья старая жила,
Жадной, хитрой, словно ведьма, бабка та была.

Стоило царю рабыню новую купить,
Как старуха той рабыне начинала лстить.

Начинала «госпожою Рума» называть,
Принималась о подачке низко умолять.

И была любая лестью той обольщена,
И владыке неприятна делалась она.

А ведь в мире этом речи лстивые друзей
Многим голову кружили лживостью своей.

Лживый друг такой — в осаде, не в прямом бою,
Как баллиста, дом разрушит и семью твою.

Шах иракский, хоть и много разных он купил
Женщин, но средь них достойной все не находил.

На которую свой перстень он ни надевал,
Видя: снова недостойна, — снова продавал.

С огорченьем удаляя с глаз своих рабынь,
Шах прославился продажей молодых рабынь.

Хоть кругом не уставали шаха осуждать,
Не могли его загадки люди разгадать.

Но в покупке и продаже царь, от мук своих
Утомившись, утоленья страсти не достиг.

Он, по воле звезд, супругу в дом ввести не мог,
И рабыню, как подругу, в дом ввести не мог.

Провинившихся хоть в малом прочь он отсылал,
Добродетельной рабыни, скромной он искал.

В этом городе в ту пору торг богатый был,
И один работорговец шаху сообщил:

«От кумирен древних Чина прибыл к нам купец
С тысячей прекрасных гурий, с тысячей сердец.

Перешел он через горы и пески пустынь,
Вывез тысячу тюрчанок — девственных рабынь.

Каждая из них улыбкой день затмит, смеясь,
Каждая любовь дарует, зажигает страсть.

Есть одна средь них... И, если землю обойти,
Ей, пожалуй, в целом мире равных не найти.

С жемчугом в ушах; как жемчуг, не просверлена.
Продавец сказал: «Дороже мне души она!»

Губы, как коралл. Но вкраплен жемчуг в тот коралл.
На ответ горька, но сладок смех ее бывал.

Необычная дана ей небом красота.
Белый сахар рассыпают нежные уста.

Хоть ее уста и сахар сладостью дарят,
Видящие этот сахар люди лишь скорбят.

Я рабынями торгую, к делу приучен,
Но такую красотою сам я поражен.

С веткой миндаля цветущей схожая — она
Верная тебе рабыня будет и жена!»

«Покажи мне всех, пожалуй, — шах повеселел. —
Чтобы я сегодня утром сам их посмотрел!»

Тот пошел, рабынь привел он. Шах при этом был,
Осмотрел рабынь, с торговцем долго говорил.

И, хоть каждая прекрасна, как луна, была,
Но из тысячи — прекрасней всех одна была.

Хороша. Земных красавиц солнце и венец, —
Лучше, чем ее бывалый описал купец.

Шах сказал торговцу: «Ладно! Я сойдусь с тобой!
Но скажи мне — у рабыни этой нрав какой?

Знай, купец, когда по праву будет мне она,
И тебе двойная будет выдана цена...»

Отвечал купец китайский шаху: «Видишь сам —
Хороша она, разумна, речь ее — бальзам.

Но у ней — дурная, нет ли — есть черта одна:
Домогательств не выносит никаких она.

Видишь ты: тюрчанка эта дивпо хороша,
Истинно она, скажу я, во плоти душа.

Но откроюсь я: доньне, кто б ни брал ее,
Вскоре — неприкосновенной — возвращал ее.

Кто б ее ни домогался, шах мой, до сих пор,
Непреклонная, давала всем она отпор.

Коль ее к любви хотели силою склонить,
На себя она грозила руки наложить.

Нрав несносный у рабыни, прямо я скажу,
Да и сам, о шах, придирчив ты, как я гляжу.

Если так ты непокладист правом, то навряд
С ней дела пойдут, о шах мой, у тебя на лад.

Если ты ее и купишь и к себе возьмешь,
То, поверь, ко мне обратно завтра отошлешь.

Прямо говорю — ты эту лучше не бери,
Из моих рабынь другую лучше присмотри.

Если выберешь согласно праву своему,
То с тебя я за покупку денег не возьму».

Шах всю тысячу красавиц вновь пересмотрел,
Ни одной из них по сердцу выбрать не сумел.

Вновь он к первой возвратился. В сердце шаха к ней
С каждым взглядом страсть живая делалась сильней.

Полюбил ее, решил он в дом рабыню взять,
Хоть не знал еще, как в нарды будет с ней играть.

Раз увидев, не хотел он расставаться с ней.
Ласково, решил он, мягко обращаться с ней.

Он свою предосторожность в сердце усыпил,
В нем любовь возобладала, деву он купил.

И велел он казначею заплатить скорей
Серебром за ту, чьи ноги серебра белей.

Чтоб убить змею желанья, взял рабыню он,
Но ему разлуки с нею угрожал дракон.

Периликая, в гареме шахском поселясь,
Как цветок на новой почве в доме прижилась.

Как бутон, она раскрылась — в ярких лепестках,
Но ни в чем ее влюбленный не неволил шах.

И в домашние заботы вся погружена,
Исполнительной хозяйкой сделалась она.

Все она в своих покоях двери заперла,
Только дверь одна — для шаха — отперта была.

Хоть вознес ее высоко шах, как кипарис,
Но она, как тень, клонилась головою вниз.

И явилась та горбунья и взялась ей льстить,
Чтоб согнуть тростник высокий и ее сгубить.

Что ж рабыня? Волю гневу тут дала она;
Разбранив в сердцах, старуху прогнала она.

«Я невольница простая, не царица я,
Быть не госпожой, служанкой доля здесь моя!»

Падишах, когда все это дело разобрал,
Понял все он и старуху из дому прогнал.

А к невольнице такая страсть горела в нем,
Что своей рабыни вскоре сам он стал рабом.

И, прекрасную тюрчанку сильно любя,
Он любви не домогался, сдерживал себя.

Хоть в ту пору, несомненно, и сама она
Уж была, должно быть, втайне в шаха влюблена.

С нею был в опочивальне как-то ночью шах,
Завернувшись в шелк китайский, кутаясь в мехах.

Окружил ее — как крепость, скажешь, ров с водой,
Страстью изнывал влюбленный рядом молодой.

И не менее, чем в шахе, страсть пылала в ней.
И, открыв уста, с любовью так сказал он ей:

«О трепещущая пальма в шелесте ветвей,
О живое око сердца и душа очей!

Кипарис перед тобою крив, — так ты стройна!
Как отверстие кувшина пред тобой луна!

Знаешь ты сама — тобою я одной дышу...
На вопрос мой дать правдивый я ответ прошу.

Если от тебя услышу только правду я,
То, как стан твой, распрямится и судьба моя».

Чтоб ее расположение разбудить верней,
Розы свежие и сахар стал он сыпать ей.

И такую рассказал он притчу: «Как-то раз
О Балкис и Сулеймане слышал я рассказ.

Радостью их и печалью сын прелестный был,
Только не владел руками он и не ходил.

Молвила Балкис однажды: «О любимый мой,
Посмотри — здоровы телом оба мы с тобой.

Почему же сын наш болен? Силы рук и ног
Он лишен! За что так горько покарал нас бог?

Надо средство исцеленья для него открыть.
Ты премудр, и ты сумеешь сына исцелить.

И, когда придет от бога Джабраил к тебе,
Расскажи ему о пашей бедственной судьбе.

А когда от нас на небо вновь он улетит,
Пусть в скрижаль запоминанья там он поглядит:

Есть ли средство исцеленья сына твоего?
Пусть он скажет: что за средство? Где достать его?

Может быть, наш сын любимый будет исцелен,
Может — жар мосй печали будет утолен!»

Сулейман с ней согласился и поклялся ей
Все исполнить. Джабраила ждал он много дней.

И когда к нему спустился с неба Джабраил,
Он его об исцеленье сына попросил.

Скрылся ангел и вернулся вскоре в дом его,
От кого же? Да от бога прямо самого.

Джабраил сказал: «Два средства исцеленья есть —
Редкие, но под рукою оба средства здесь, —

Это — чтобы, сидя рядом со своей женой,
Был ты с ней во всем правдивым, а она с тобой.

Коль правдивыми друг с другом сможете вы быть,
Вы сумеете мгновенно сына исцелить».

Встал тут Сулейман поспешно и Балкис позвал,
Что от ангела он слышал, ей пересказал.

Радовалась несказанно тем словам Балкис
И что средства исцеленья сыну их нашлись.

Молвила: «Душа открыта пред тобой моя!
Что ни спросишь ты, отвечу только правду я!»

Сулейман — вселенной светоч — у нее спросил:
«Образ твой желанья будит, всем очам он мил.

Но скажи мне, ты желала только ли меня
Всей душой и сердцем, полным страстного огня?»

И ответила царица: «Верь душе моей:
В мире ты источник света! Кто тебя светлей?

Но хоть молод и прекрасен ты и мной любим,
Хоть никто с тобой в подлунном мире несравним,

Хоть красив ты, добр и нежен, повелитель наш,
Хоть велик и лучезарен, словно райский страж,

Хоть над явным всем и тайным назвап ты главой,
И хоть властен над вселенной дивный перстень твой,

Хоть прекрасен ты, как солнце яркое в лучах,
Хоть счастливый ты владыка и вселенной шах,

Но коль юношу-красавца вижу — то, не лгу:
Побороть своих желаний все ж я не могу!»

И едва лишь прозвучало слово тайны сей,
Сын ее безрукий с ложа руки поднял к ней:

«Мать! Руками я владею! — громко крикнул он. —
Исцелен я и от чуждой помощи спасен!»

Потрясенная смотрела пери на него,
Исцелившегося видя сына своего.

И сказала: «О владыка духов и людей,
Ты всех доблестней, всех выше в мудрости своей!

Ты открой мне тайну, сына нашего любя!
Ноги исцелить — зависит ныне от тебя.

На единственный вопрос мой дай ты мне ответ:
Счета нет твоим богатствам, и числа им нет.

Горы золота собрал ты, перлов, серебра,
Молви: втайне ты чужого не хотел добра?»

И пророк творца вселенной так ответил ей:
«Да, богат я, всех богаче я земных царей.

И сокровища от Рыбы все и до Луны
Под моей лежат печатью в тайниках казны.

Здесь меня богатством щедро вечный одарил,
Но и все же, кто б с поклоном в дом мой ни входил,

На руки ему смотрю я: с чем, мол, он идет?
И хороший ли подарок мне, царю, несет?»

Только Сулейман великий те слова сказал,
Сын пошевелил ногами, поднялся и встал.

Он сказал: «Отец! Взгляни-ка, вот я стал ходить!
Ты меня сумел, премудрый, словом исцелить!»

«Если сам посланник бога, — деве шах сказал, —
Сухоруких и безногих дивно исцелял,

То правдивыми, конечно, нам не стыдно быть
И стрелу в добычу прямо с тетивы спустить.

О единственная в мире, о моя луна,
Я люблю тебя, но что же так ты холодна?

Я страдаю и тоскую, мукой я горю,
На тебя в томленье сердца издали смотрю.

Ты прекрасна несравненной, дивной красотой!..
Почему же так сурова и жестка со мной?»

И красавица владыке своему вняла,
И ответа лучше правды чистой не нашла.

«Это все, — она сказала, — не моя вина!
А у нас в роду, к несчастью, есть черта одна:

Мать, и бабка, и прабабка у меня, о шах,
Все, едва лишь выйдя замуж, умерли в родах.

Знать, на нас на всех проклятье — в браке умирать,
Потому — мужчине сердце я боюсь отдать.

Не хочу я, мой владыка, — я не утаю, —
Ради радостей мгновенных жизнь губить свою.

Жизнь дороже мне. И лучше мне безмужней жить,
Чем испить отраву страсти и себя сгубить.

Не любви, о шах, я жажду — жизни жажду я!
Вот тебе и явной стала тайна вся моя.

Крышку с тайны сняв, как хочешь, так и поступай,
У себя оставь, коль хочешь, а не то продай.

Вот, о царь, я все сказала, правду возлюбя,
Я не спрятала, не скрыла тайны от тебя.

Я надеюсь, шах вселенной, что и ты теперь
Предо мной своей загадки приоткроешь дверь:

Почему рабынь прекрасных падишах берет
В дом к себе — и их меняет чуть не сотню в год?

И недели не живет он ни с одной из них,
И души не отдает он ни одной из них?

Приголубит и приблизит к своему лучу,
А потом ее поспешно гасит, как свечу?

До небес сперва возносит, холит и дарит,
И с презрением отбросит, и не поглядит?»

Шах ответил: «Путь возвратный открывал я им,
Так как мне был ни одною искренне любим.

Поначалу все бывали очень хороши;
А потом — куда девалась доброта души?..

В царском доме, как царицы, привыкали жить.
Мне они переставали преданно служить.

Ведать меру должен каждый, кто душой не слеп,
Не для всякого желудка годен чистый хлеб.

Нет, железный лишь желудок может совладать
И с несвойственной пищей, чтоб не пострадать.

Если к женщине мужчина страстью ослеплен,
Много ей недостающих свойств припишет он.

Но ведь женщина — былинка, ветер мчит ее, —
Как же сердцем положиться можно на нее?

Если золото увидит, то — в конце концов —
Голову она склоняет чашею весов.

Скажем: жемчугом незрелый полон был гранат,
А когда созрел он — зерна лалами горят.

Женщина, что виноградник, — нежно зелена,
Не дозрев; когда ж созрела, то лицом черна.

Наполняет ночь сияньем яркий блеск луны,
И в достоинстве мужчины чистота жены.

Все рабыни, что бывали здесь перед тобой,
Были заняты всецело только лишь собой.

Мне из всех из них служила только ты одна,
Вижу — истинным усердьем ты ко мне полна.

Хоть любви твоей лишен я, все же я не лгу, —
Без тебя теперь спокойно жить я не могу».

Много шах своей рабыне слов таких сказал,
Но к желаемому ближе ни на пядь не стал.

От него она, как прежде, далека была.
Как и прежде, не попала в цель его стрела.

И под бременем печали этот властелин
Шел по каменистым скалам день за днем один.

Рядом был родник желанный, жаждой он горел
Нестерпимой. Проходило время, он терпел.

Та горбунья, что когда-то во дворце жила
И которую рабыня в гневе прогнала,

Услыхала, что несчастье дома терпит шах,
Что пред собственной рабыней он склонен во прах,

Что лишился, околдован, сил могучий муж,
И сказала: «Ну, старуха! Мудрость обнаружь!

Не пора ли на гордяхку чары навести
И заставить эту пери в дивный пляс пойти?

Я-то в паланкине солнца живо брешь пробью!
Не гордись, луна! Разрушу крепость я твою,

Чтобы мною не гнушались, чтоб ничья стрела
Угодить в мою кривую спину не могла!»

Весь свой ум пустила бабка в ход и наконец
Умудрилась и проникла к шаху во дворец.

Чтобы пал и посрамился гордый тот кумир,
К хитрости она прибегла древней, словно мир.

Шаху молвила: «Неужто с молодым конем
Ты не сладишь, чтоб ходил он под твоим седлом?»

Ты послушайся старуху: два-три дня пред ней
Ты оседлывай бывалых под седлом коней.

Иль тебе не приходилось самому, видать,
Норовистого трехлетка в табуне хватать?»

И попался шах на хитрость и подумал: «Что ж,
Из такой колодки будет и кирпич хорош!..»

Вскоре новая явилась дева во дворце —
Огнеокая, с улыбкой милой на лице.

Хороша она, учтива и ловка была,
Нравом добрая, живая, всем она взяла.

В доме живо осмелела, осмотрясь, она,
И игрой азартной с шахом занялась она.

Сам хозяин ставить нарды стал проворно ей
И проигрывать все игры стал притворно ей.

С первой девою, как прежде, дни он проводил,
Со второй — в опочивальню на ночь уходил.

Целый день бывал с одною, ночь бывал с другой.
Нежен был с одной, желанья утолял с другой.

Оттого, что со второю уходил он спать,
Стала первая пожаром ревности пылать.

И хоть шаха ревновала все сильнее она
И мрачилась, как за тучей ясная луна,

Но она ему, как прежде, преданной была,
Ни на волос от служенья шаху не ушла.

Думала: «Судьба, как видно, чудеса творит!
Не из печки ли старушки мне потоп грозит?»

И терпела и таила жар она в крови,
Но — ты знаешь — от терпенья пользы нет в любви.

Улучивши время, к шаху раз она пришла
И такую речь смущенно с шахом повела:

«Ты со мной однажды начал правду говорить,
Так со мной и дальше должен ты правдивым быть.

Если радостны и ясны дни весны с утра,
Так зачем же так ненастны, мглисты вечера?

Я хочу, мой шах, чтоб вечно дни твои цвели,
Чтоб тебе любовь и счастье вечера несли.

Путру ты мне напиток сладкий дал... Так что ж
Ты мне этот едкий уксус вечером даешь?

Не вкусив, ты мной пресыщен и меня отверг.
В жертву льву меня ты отдал, в пасть дракона вверх.

Был так нежен ты, но что же стал ты так жесток?
Иль не видишь, что от муки дух мой изнемог?

Ты змею завел, — ты хочешь гибели моей?
Коль убить меня задумал, так мечом убей!

В дом к себе меня привел ты, сильно полюбя?..
Кто такой игре жестокой научил тебя?

Так открой же мне всю правду! Я изнемогла! —
Коль не хочешь, чтобы здесь я тут же умерла!

Заклинаю, шах мой, жизнью и душой твоей —
Если правду скажешь — снимешь ты замок с дверей, —

Я и свой замок открою, небом я клянусь,
Что во всем тебе, о шах мой, нынче ж покорюсь!»

Шах, ее в своих оковах крепких увидав,
Эти речи, эти клятвы девы услышав,

Ничего от милой сердцу укрывать не стал,
Все, что нужно и не нужно, он ей рассказал:

«Страсть к тебе — давно, как пламя, обняла меня,
Довела до иступленья и сожгла меня.

Я терпел, но все сильнее сердцем тосковал,
Я от муки нестерпимой полумертвым стал.

И горбатая старуха мне помочь пришла
И, как зелье колдовское, мне совет дала.

И велела мне похлебку бабка та сварить,
Той похлебкою сумел я душу исцелить.

Но была тебе, как видно, ревность тяжела.
Ты ее душой и сердцем, видно, не снесла.

А ведь воду нагревают только над огнем,
И железо размягчают только над огнем.

С горечью на это средство все ж решился я.
И прости — твоею болью исцелился я.

Охватил от малой искры жизнь мою пожар,
А старуха, как колдунья, раздувала жар.

Но теперь, когда со мною ты чиста, как свет,
Больше в старой той колдунье надобности нет.

Надо мной сегодня солнце подошло к Тельцу.
И, как видно, зимний холод не грозит дворцу».

Так он много слов прекрасных деве говорил
И вниманием тюрчанки очарован был.

Звезды счастья над главою шахскою сошлись,
Он с любовью тонкостанный обнял кипарис.

Соловей на цвет, росой окропленный, сел,
И расцвел бутон, певец же сладко опьянел.

Попугай взлетел из клетки, как крылатый дух,
И поднос сластей увидел без докучных мух.

Рыба вольная из сети в водоем ушла,
Сладость фиников созревших в молоко легла.

Сладостна была тюрчанка, прелести полна,
Отвечала страстью шаху своему она.

Шах завесу с изваянья золотого снял,
Под замком рудник, сокровищ полный, отыскал.

Драгоценностей нашел он много золотых,
Золотом своим богато он украсил их.

Золото нам наслажденья чистые дарит,
И халва с шафраном, словно золото, горит.

Не гляди на то, что желтый он такой — шафран!
Видишь смех, что вызывает золотой шафран?

Золото зари рассветной по душе творцу,
Поклонялись золотому некогда тельцу.

И в румийских и багдадских банях — только та
Глина ценится, что, словно золото, желта».

Так кумир прекрасный Чина сказку завершил,
Шах Бахрам ее с любовью обнял и почил.

ХОРЕЗМСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

Понедельник

Только свет свой понедельник над землей простер,
Шах Бахрам разбил зеленый поутру шатер.

И зеленую зажег он для себя звезду,
Как зеленый дух в зеленом ангельском саду.

Утром во дворец зеленый шах Бахрам вступил,
Наслажденью и веселью день свой посвятил.

А когда погас над миром дня того закат
И на небе изумрудном вспыхнул звездный сад,

Стал хорезмскую царевну шах Бахрам просить
Сладкого повествованья тюк пред ним раскрыть.

И в шелку зеленом пери просьбе той вняла
И пред Сулейманом двери тайны отперла.

Начала она: «Ты душу в жизнь вдохнул мою,
Пусть все души мира будут жертвой за твою.

Твой престол — опора счастья милостью творца,
Слава прошлого — преддверье твоего дворца.

Высоко венец Бахрама в мире вознесен,
Солнце счастья озарило твой высокий трон.

Света, мира и величья дух — в твоей судьбе,
Солнце вечное опору обрело в тебе!..»

Кипарис Хорезма славу шаху завершил
И средь яхонтов источник сахарный открыл.

СКАЗКА

Начала царевна: «В Руме жил когда-то муж,
Был хорош собой, и весел, и умен к тому ж.

Всем, что может человека в мире украшать,
Обладал он,— и душою телу был под стать.

Перлом был он, украшеньем всей его страны;
И желал он чистой, доброй для себя жены.

У людей других примером почитался он
И «Душою чистым — Бишром» — назывался он.

Беззаботно Бишр,— а был он издавна таков,—
Шел однажды меж тенистых городских садов.

Но неожиданной встречей разум Бишра был смущен.
Был внезапно он любовью в сердце поражен.

Пред собою он увидел женщину одну,
Как завернутую в облак полную луну.

Кто была она, откуда? — Бишр не знал ее...
Ветер кисею откинул покрывал ее,

Из-за облака взглянула светлая луна,
Взглядом Бишра поразила, как стрелой, она.

Подкосились ноги Бишра; был он потрясен,
Будто бы стрелою к месту был он пригвожден.

Лик увидел, пред которым ни один аскет
Не задумался б нарушить данный им обет.

Стан стройнее кипариса, а в глазах — любовь,
На щеках румянец свежий, как фазанья кровь.

Словом, кто б ее увидел, был бы уязвлен
И утратил бы навеки свой покой и сон.

Губы розовым подобны нежным лепесткам,
Зубы белые подобны ровным жемчугам.

Два свернувшихся нарцисса — очи у нее,
Тайна в них, печаль, как в бездне ночи, у нее.

Как под перьями густыми белый зоб орла,
Белый лик ее и темных кос густая мгла.

Амброй на щеках дышали родинки у ней,
А глаза ее казались родинок черней.

Тот, кто родинки и очи те хоть раз видал,
Тут же в плен их, словно в сети, сердцем попадал.

И, как будто на колючку наступил ногой,
Бишр невольно вскрикнул громко, словно сам не свой.

Подхватила покрывало быстро та луна,
И, напуганная Бишром, скрылась вмиг она.

Так, когда кровопролитье втайне совершит,
Полн смятения — убийца от людей бежит.

Бишр, как ото сна очнулся, вдаль вперил свой взор:
Улица пуста; ограблен дом, а вор ушел.

Он сказал: «Ее теперь я вовсе упустил!
Где искать? А для терпенья мне не хватит сил...

Но терпеть мне и терзаться молча надлежит.
По следам за нею гнаться — нестерпимый стыд.

Муж я — не умру от горя. Должен все снести.
Страсть к жене меня не может совратить с пути.

Мощь духовная в уменье — страсти побеждать...
Это главное условие можно ль забывать?

На осла шатер навьючив, не пора ли с ним
Двинуться к святому дому мне — в Йерусалим?

Та десница, что небесный утвердила свод,
Я надеюсь, облегчение мукам принесет!»

Воротясь домой, он сборы быстро завершил
И к святым местам, гонимый горем, поспешил.

Он бежал в безумном страхе пред самим собой.
Свой смятенный дух он воле поручил святой.

В древнем храме умолял он, плача, божество
Защитить от дивов страсти скорбный дух его.

Так он долго там молился богу и святым,—
И домой решил вернуться, к берегам родным.

Спутник на пути обратном увязался с ним,
Внешне добрый, а в душе он низким был и злым..

Страшный спорщик и придира тот попутчик был,
В каждом благе он изъяны мигом находил.

И «Драконом синагоги» прозвали его,
Ибо в гневе порицал он мир и божество.

Начинал ли Бишр о добром мысли излагать,
Принимался этот спутник доброе ругать.

«Нет, не так!» и «Нет, не эдак!», «Не болтай-ка зря!» —
Обрывал его попутчик, злобою горя.

Хоть в пути добросердечный Бишр молчать решил,
Спутника он и молчаньем в ярость приводил.

Он спросил: «Как ты зовешься? Я желаю знать.
Как по имени тебя мне, о попутчик, звать?»

Тот ответил: «Божий раб я. Имя же мое
Бишр. Теперь ты, друг, мне имя пазови твое».

«Ты — Бишар презренный! Слава у тебя плоха!
Ну — а я, я вождь духовный смертных — Малиха!

Все творение — небесный мири мир земной —
Это все объял могучий, дерзкий разум мой.

Я в познание всеобъемлющ, как никто — велик!
И добро, и зло, и тайны мира я постиг.

Выше дюжины мудрейших — мудрости я друг.
Знай, невежда! Я двенадцать изучил наук!

Горы, степь, леса, обвалы, реки... Мне ясна
Суть всего — от звезд и солнца до морского дна.

Из основ и зарождепья тайну я познал,
И всего миротворенья тайну я познал.

И о том, что есть на небе этом голубом,
Я осведомлен, хоть не был никогда на нем.

Мне провидения зоркость дивная дана,
Никакая мне опасность в мире не страшна.

Царства ль клонятся к упадку — мой духовный взгляд
Гибель государств предвидит лет за пятьдесят.

Засуха ль грозит посевам, или недород,
Наперед об этом знаю я за целый год.

Я по пульсу все болезни узнавать могу,
Я из тела лихорадку изгонять могу.

И, кладя в огонь подкову, я могу — один —
Превратить янтарь дешевый в дорогой рубин.

Я могу из глины словом золото добыть,
Камень тайным эликсиром в жемчуг превратить.

Если воздуха пущу я изо рта струю,
Я могу веревку эту превратить в змею.

Заклинаньем я снимаю чары с рудников
И с сокровищ потаенных на века веков.

Для меня нигде сокрытой тайны в мире нет.
Я — о чем меня ни спросишь — дам на все ответ.

Если капища науки все ты обойдешь,
Равного среди ученых мне ты не найдешь!»

Так дорогою надменно похвалялся он,
Хвастовством его бесстыдным Бишр был поражен.

Тут от гор вдали большая туча отошла,—
Этой тучи дымно-черен цвет был, как смола.

Малиха спросил: «Вон — туча! Почему черна,
Как смола, она? Ведь свойство облак — белизна!»

Бишр ответил: «То — Яздана воля. Он творит
Непостижное. Явлениям свойства он дарит».

Малиха сказал: «Увертки про себя оставь!
Если можешь, отвечая, в цель стрелу направь!»

Тучи черные рождает пережженный дым,—
Это признано бесспорно разумом самим.

А в жемчужных и молочно-белых облаках
Сырость держится и влага, как в больших мехах».

Вдруг повеял им в ланиты ветер невзначай,
И промолвил тот зазнайка: «Ну-ка, отвечай,—

Знаешь ли, что движет ветром? Надо размышлять!
А во мраке, как скотине, стыдно пребывать!»

Бишр ответил: «Это — воля бога самого.
Не свершается без воли божьей ничего».

Тот сказал: «Пора бы в руки повод знаний взять,
А не бабушкины сказки вечно повторять!

Сущность ветра — это воздух; он течет рекой
И земные испаренья гонит пред собой».

Тут гора большая встала пред глазами их, —
«Почему, — спросил он, — эта выше всех других?»

Бишр ответил: «Так Язданом решено самим,
Что одним горам быть ниже, выше быть другим».

Тот ответил: «Доказательств не приводишь ты, —
Все от божьего калама производишь ты!

Знай: рождаясь от потоков бурных дождевых,
Сели размывают горы, разрушают их.

Та вершина, что всех выше над лицом земли
Поднялась, стоит от селей дождевых вдали».

Бишр не выдержал и в гневе спутнику вскричал:
«Не противься воле неба! Лучше б ты молчал!

Суть явлений неизвестна мне; но я скажу,
Что тебя во всех науках я превосхожу.

Глубину причин творенья мы не можем знать,
Мироздание не в силах наша мысль объять.

Ведь пути к завесе древней здесь не знаем мы,
Что ж о тайнах за завесой рассуждаем мы?

Не усердствуй в заблужденьях ложного пути,
Не внимай привыкшим речи ложные вести.

Я боюсь, когда завеса эта упадет,
Дерзких и высокоумных гибель злая ждет.

В листьях шепчущих на вечном древе бытия
Тайны веют! Да не тронет их рука твоя!»

И хоть Бишр заклатьем этим дал отпор греху,
Див зазнайства не покинул все же Малиху.

Долго шли они. В пустыне путь им предстоял.
Малиха не унимался, спорил и болтал.

А в пустыне раскаленной, средь песков нагих,
От бессонницы и зноя мозг испекся их.

Еле шли они, стеною, охая в пути,
И казалось, что жару им не перенести.

Наконец они к большому дереву пришли
И в тени ветвей могучих отдыхать легли.

К небу подымалась древа шумная глава,
У подножья зеленела мягкая трава.

У корней кувшин огромный в землю был зарыт,
Кем-то доверху водою чистою налит.

Малиха в кувшине этом воду увидал,
Повернулся живо к Бишру и ему сказал:

«Погляди-ка, друг любезный! Молви наконец, —
Что? Кувшин с водою тоже здесь зарыл творец?

Здесь кувшин с водою в землю до краев зарыт,
Но скажи мне — почему он крышкой не покрыт?

И скажи — откуда взяться чистой здесь воде?
Видишь сам, вокруг пустыня, нет воды нигде».

Бишр ответил: «Некто — добрый — здесь кувшин
зарыл,
Чтоб идущий по пустыне жажду утолил.

А чтоб как-нибудь случайно не был он разбит,
Потому кувшин и в землю до краев зарыт».

Малиха, смеясь, ответил: «Ох ты, голова!
Недомыслие пустое все твои слова.

Ради нас с тобою, что ли, кто-то — ах да, да!
Доброхот! — кувшин с водою притащил сюда?

Никому, поверь, до нашей дела нет беды!
Здесь за тысячу фарсангов не найдешь воды,

И никто здесь, кроме дичи вольной, не живет.
Здесь отличное, как видишь, место для охот.

Знай, охотники зарыли в землю здесь кувшин.
Это же — капкан для дичи среди нагих равнин!

Серны, лани и онагры здесь живут в песках,
А едят колючки, лижут соль в солончаках.

Только пить они от соли жгучей захотят,
То сюда, как к водопою, в полдень поспешат.

А за деревом, за этим вековым стволом,
Ждут охотники в засаде — с луком и копьем.

Тут они добычи вволю могут настрелять
И, кебаб себе зажарив, мирно отдыхать.

Надо, друг, во всем начало видеть и конец,
Чтобы слушатель воскликнул: «Ну и молодец!»

Бишр ответил: «О проникший в тайну бытия,
Люди все различны; розно мыслим ты и я.

Знать, подозревают люди в помыслах других
Доброе или дурное — то, что в них самих.

Не подозревай дурное ты в душе других!
Тот, кто дурно мыслит, дурен и в делах своих!»

Сели, скатерть расстелили в лиственной тени,
Ели, воду из кувшина черпали они.

Им обоим показалась та вода вкусна,
Как хрусталь чиста, прозрачна, дивно холодна.

Малиха тут крикнул Бишру: «Ну-ка, отойди
От воды и там в сторонке малость посиди.

В воду чистую я тело погрузить хочу,
Освежиться, пыль пустыни с тела смыть хочу.

Обжигающим, соленым потом я покрыт,
Покрывающая тело грязь меня томит.

Я очишусь и отмоюсь. А потом с тобой
Двинусь дальше, освеженный, с легкой душой.

Но кувшин перед уходом должен я разбить,
Чтоб животных от ловушки этой защитить».

Бишр сказал: «О благонравный, не злоумышляй!
Ты дурного понапрасну здесь не совершай!

Нам кувшин был дан судьбою — жажду утолить,
Как же можно эту божью воду загрязнить?

Кто живительную воду из колодца пьет,
Если он не злой безбожник, в воду не плюет.

Уксусом нельзя, ты знаешь, зеркал нам мыть,
Разве можно этой влаги чистоту грязнить?

Сам подумай, ведь другие путники придут,
Здесь же вместо чистой влаги грязь они найдут».

Но, злокозненный, упорен муж в нечестье был,
Подлую свою натуру вновь он проявил.

Снял с себя тюрбан и сумку, в плащ их завернул.
И, согнувшись, как в источник, он в кувшин нырнул.

Не кувшин в земле, колодец то глубокий был,
И до дна того колодца путь далекий был.

В «мудрости» своей спасенья мудрый не нашел,
Он на дне того колодца смерть свою обрел.

Наглotalся он, нырнувши храбро в глубину,
Изнемог и опустил наконец ко дну.

Бишр сидел меж тем поодаль, горько плакал он,
Что кувшин с водою чистой будет загрязнен.

Говорил он: «Этот подлый слушать не хотел
Просьб моих! И злое дело сделать он успел!

Грязен внутренне — и внешне очень грязен он...
А кувшин теперь навеки будет загрязнен!

Замутят в сосуде воду грязь его и пот,
Он потом кувшин с водою камнем разобьет...

Честный муж не совершил бы мерзости такой,
Это можно сделать только подлою рукой!

Этот — никому не будет другом никогда,
Пусть его навек поглотит чистая вода!»

Так он сетовал и плакал, проклиная зло,
Тот не вынырнул, хоть много времени прошло.

Бишр приблизился, тревогой тайною смутясь,
Стал товарища искать он — к влаге наклонясь.

И увидел, что бедняга утонул давно,
Как кувшин, сложив покорно голову на дно.

Был бедою той испуган Бишр и удивлен.
С дерева сломил поспешно сук огромный он.

Сук надежный с водомерным сходен был шестом.
От листвы его очистил Бишр, и, как багром,

Древком шарить самодельным он в кувшине стал
И немало изумился: дна он не достал.

Не кувшин то был, колодец — в землю углублен.
Выход выложен камнями, известью скреплен.

А вверху кувшина устье мастер утвердил,
Чтобы зверь в нем не купался, воду не мутил.

Бишр утопленника вынул. В скорби, хоть без слез,
Из воды в колодец праха тело перенес;

И, засыпав и камнями тело заложив,
Над могилою бедняги сел он, молчалив.

«Где же был твой ум и разум, — скорбно думал он, —
Ты хвалился, что в раскрытые тайн ты изощрен.

Говорил, что ты распутал шилом все узлы,
Что тебе подвластны дивы, пери и орлы.

Хвастал, что небес высоких тайну ты прочтешь,
Что арканом ты вселенной тайну захлестнешь.

Говорил, что ты не знаешь, что такое страх...
Где же мужество? Величье? Ты теперь лишь прах.

Уверял ты, что умеешь все предугадать,
За полвека гибель царства можешь предсказать.

Как же ты своей всезрящей не узрел душой,
Что простой степной колодец был перед тобой?

Как со мной об этой влаге спорил ты, бедняк,
Утверждал, что — то не этак, да и то — не так.

Если наши утвержденья все пересчитать,
Ни в одном нельзя явленье сути отыскать.

Все, о чем у нас с тобою пустословье шло,
Было пламенем, что быстро жизнь твою сожгло.

Не кувшином обернулось пред тобой оно —
Что в гончарной вечной мира было рождено.

У судьбы узлом означен каждый человек,
И никто доныне судеб тайных не избег.

Горячо с тобой и долго препирались мы —
И во всем, что говорили, заблуждались мы.

Вот я жив, а ты в колодце жизнь свою сгубил,
Ибо ты неблагодарен за находку был.

Ты считал: взамен капкана тут поставлен жбан,
Что же? — сам, как дичь степная, ты попал в капкан.

За глоток воды я пебу благодарен был...
Не за это ли всевышний жизнь мне сохранил?..»

Так сказал добросердечный Бишр. И встал с земли,
И погибшего пожитки подобрал с земли.

И египетского шелка плащ его цветной,
И тюрбан его, и пояс поднял дорогой.

А когда с его одежды он печать совлек,
То увесистый оттуда выпал кошелек.

Жаром в кошельке блеснуло, увидавши свет,
Больше тысячи магрибских золотых монет.

Золота вовек чужого не касался он.
С тем, что было сердцу любо, оставался он.

Бишр сказал: «Его пожитки мне нельзя бросать,
Это все связать я должен и с собою взять.

Сохранить, не растерявши ничего в пути,
И на родине бедняги родичей найти.

Я во что бы то ни стало дом его сыщу
И добро его домашним в руки возвращу.

Не сумел ему помочь я, был он обречен,—
Сохранить теперь я должен, что оставил он.

Если б я в делах и мыслях следовал ему,
Шел бы я тропой загробной, как и он, во тьму».

Малихи пожитки в узел крепко Бишр связал,
Поднял на плечи и дальше степью зашагал.

Так пустыней, невредимый, шел он много дней
И в знакомый прибыл город на краю степей.

Ночь он в караван-сараях отдохнуть решил.
Выспался, потом едою силы укрепил.

На люди потом с тюрбаном вышел он с утра,—
Мол, не знают ли владельца этого добра?

Некий честный муж одежду Малихи признал:
«Как же, знаю! Здесь живет он! — Бишру он сказал. —

Как пойдешь ты по такой-то улице в конец,
Там увидишь ты богатый царственный дворец.

Это дом его. О странник, ты иди смелей —
И стучи, не сомневаясь, у его дверей!»

И немедля Бишр с тюрбаном, с золотом, с узлом
В путь направился. И вскоре отыскал тот дом.

Постучался в двери. Вышла некая жена,
Как задернутая белым облаком луна.

«Что за надобность, — спросила, — у тебя ко мне?»
И ответил Бишр с поклоном важной той жене:

«Я, о госпожа, с хозяйкой должен говорить,
Я тюрбан и узел этот должен ей вручить.

Если только это можно, в дом меня пусти,
Я, увы, рассказ печальный должен повести.

Малиха несчастный вместе был в пути со мной —
И погиб, убит коварно грозною судьбой».

Женщина его с собою привела в покой,
На краю ковра вселела сесть перед собой.

Села женщина, покровом белым лик свой скрыв,
Молвив: «Слушаю. Да будет твой рассказ правдив».

По порядку Бишр подробно молвил обо всем,
Как с беднягой повстречался он в краю чужом,

Как дорогою невольно с ним сдружился он;
Как был Малиха заносчив, как хвалился он,

Как сердился, словно пьяный, он из-за всего,
Притязая на всезнанье и на колдовство,

Как во всем дурное видел, к гласу правды нем,
Как глумился и смеялся он над добрым всем;

Как колодец вслед идущим осквернить хотел,
Как обрел он в том колодце горестный удел;

Как, гордыней опьяненный, морем он бурлил,—
Как, бесславно опозорясь, наконец почил...

Так им был рассказ печальный этот завершен,
Рассказал он все, что видел, все, что слышал он,

И добавил: «Утонул он. Вечный мир ему! —
Оп в земле. А ты хозяйкой будь в его дому.

Жалкий прах его, омытый чистою водой,
Спит в сокровищнице праха, погребенный мной.

Я собрал его пожитки. Думал: разыщу
Где-нибудь его жилище и родне вручу».

Тут он узел принесенный развязал, простер
Золото, одежды, пояс пестрый на ковер.

Женщина была, как видно, опытна, умна,—
Слово за словом тот свиток весь прочла она.

Молча слезы изронила из очей своих,
Слез она лила немного и отерла их.

И ответила: «О добрый сердцем, чистый муж,
Благомысленный и честный, в вере истый муж!

Как приятен, откровенен, благороден ты.
Сердцем редкостный, для доли лучшей годен ты.

Кто бы так же благородно в мире поступил
В отношении к негодяю, что весь мир сквернил?

Истинное благородство не к тому ведет,
Чтоб у пчел трудолюбивых отбирать их мед;

Благородство в том, чтоб в чести бреши не пробить,
Блеском чуждого богатства душу не прельстить.

Малиха живых покинул, превратился в прах,
А душе его укажет место сам аллах.

Он, к несчастью, хоть недолго, мужем был моим,
Но из всех, кого я знала, самым был дурным.

Был безбожен он, коварен, зол, несправедлив,
Огорчал людей жестоко он, как злобный див.

Он над слабыми насилий столько совершил,
Что не знаю, как доныне бог его щадил.

Чародейством занимаясь, он добра не знал,—
Наконец не человеком он — драконом стал.

Юность, словно в заточенье, здесь моя прошла.
Он терзал меня. Я чашу горя испила.

Он меня коварно чарой ложной обольстил,
Он во мне обманом низким разум усыпил.

Дух мой был его влияньем тягостным томим.
Словно облако под ветром, я была пред ним.

Вижу — бог меня избавил, я вольна теперь,
Я от злобы и насилья спасена теперь.

Но тому, что было, видно — надлежало быть...
И не следует о мертвых плохо говорить.

Он ушел, его далеко увела судьба.
Брак мой с ним сама отныне прервала судьба.

Ты же мужествен и верен — это вижу я,
И с любовью избираю я тебя в мужья.

Ты из жен достоин лучшей. Красота и честь
У меня, и дом, и земли, и богатство есть,—

Только был бы ты согласен! Ну, а если так —
Знай, что нам самой судьбою предначертан брак.

Ты мне люб как муж. Ты верен, чист и тверд душой,—
Это ясно мне. Ты молод и хорош собой.

Если как жену ты можешь пожелать меня,
То теперь твоей я буду, с этого же дня.

Как мне сердце подсказало, так сказала я;
Я богата. Вот — гляди же — красота моя!»

И она с лица густую кисею сняла,
Будто бы печать сухую с лала сорвала.

Бишр, увидев, поражен был дивной красотой,
Блеском темных глаз, дыханьем неги огневой.

Он узнал ее мгновенно, был он потрясен,
То была она, что прежде как-то встретил он.

Вскрикнул он и без сознания рухнул на ковер,
Он у ног ее, как мертвый, голову простер.

Та красавица мгновенно снадобье взяла,
Каплею одной бальзама жизнь ему спасла.

Ожил Бишр от этой капли; но, в себя придя,
Устыдился он и молвил, лик свой отведя:

«Вот, я от любви безумен, о любовь моя!
Но не бойся, не подумай, что безумен я!

Ты прости, что пред тобою я без чувств упал,—
Но ведь я перед собою пери увидал!

Пери! Я к тебе любовью так давно горю!..
Как судьбу за эту встречу я благодарю!

Я тебя одну средь улиц как-то увидал.
Помнишь? — ветер покрывало у тебя сорвал.

Я, лицо твое увидев, мира был лишен.
Не испив вина свиданья, был я опьянен.

Ты ушла. И мне казалось, то ушла душа.
Я горел, тоскуя втайне, лишь тобой дыша.

Хоть везде со мной твой образ, словно призрак, был,
Никому я этой тайны в мире не открыл.

Я страдал. Мне нестерпима стала жизнь моя...
И тогда — к порогу бога устремился я.

И со мною милосердный, милостивый бог
То свершил, что я предвидеть никогда не мог.

И за то, что не искал я ни чужой жены,
Ни имущества чужого, ни чужой казны —

Бог послал мне в жены пери, дал богатство, дом,
Но не грешным, а открытым, праведным путем!»

Поняла она, что страстно Бишр любил ее,
И возрос десятикратно страстный пыл ее.

Нежно Бишра обласкала женщина... А там
Вышел из дому он в город по своим делам.

Он по вере и закону с нею в брак вступил,
За сокровище Яздана возблагодарил.

С пери той вкушал он счастье у нее в дому, —
И завидовали втайне многие ему.

Царственную он от злого наважденья спас,
Ясную луну младую от затменья спас.

Желтую с ее одежды полосу он снял, —
И на воле цвет лилеи пышно расцветал.

Разницы меж ней и пери он не находил
И зеленые ей платья, как у гурий, сшил.

Зелень одеяний лучше желтой полосы.
Стройный кипарис в зеленом — образец красоты.

Скорбь сердечную зеленый утешает цвет.
Светлых ангелов зеленый украшает цвет.

И душа другим зеленый предпочла наряд.
Рощам и лугам зеленым радуется взгляд.

Любит цвет листвы зеленой свежая весна, —
Потому — всегда и всюду — свежесть зелена».

А когда луна Хорезма кончила рассказ,
Обнял шах отраду сердца, утешенье глаз.

СЛАВЯНСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вторник

В некий Дея месяца день, что был короче
Ночи Тира месяца, самой краткой ночи,—

Хоть все дни недели он красотой затмил,
Это пуп недели был — красный вторник был,

День Бахрама — рдел он, блеском равен был огню,
Ну, а шах Бахрам был тезка и звезде и дню...

В этот день все красное шах Бахрам надел,
К башне с красным куполом утром полетел,

Там розовощекая славянская княжна —
Цветом сходна с пламенем, как вода — нежна —

Перед ним предстала, красоты полна,
Словно заблистала полная луна.

Только ночь высоко знамя подняла
И на своде солнца шелк разорвала,

Шах у девы-яблони, сладостной, как мед,
Попросил рассказа, что отраду льет

Слушателю в сердце. И вняла она
Просьбе, и рассказывать начала она:

«Ясный небосвод — порог перед дворцом твоим,
Солнце — только лунный рог над шатром твоим!

Кто стоять дерзнет пред лучом твоим?
Пусть ослепнет тот под лучом твоим!»

И, свершив молитву, яхонты раскрыла
И слова, как лалы, к лалам приобщила.

СКАЗКА

Начала: «В земле славянской был когда-то град,
Разукрашен, как невеста, сказочно богат.

Падишах, дворцы и башни воздвигавший в нем,
Был единой, росшей в неге, дочери отцом,

Околдовывавшей сердце, чародейпокою,
Розошкой, стройной, словно кипарис высокий.

Чье лицо, как светлый месяц, нет — еще милей.
Дан был солнцем и Бурджейсом светлый разум ей.

И от зависти великой мускус изнывал
И слабел, когда дыханье кос ее внивал.

Словно сон нарцисса, томна темь ее очей,
Аромат цветка несрина — раб ее кудрей.

А вздохнет — и кипарисом всколыхнется стан;
Лик прекрасный разгорится, как заря румян.

Не улыбкой сладкой только и красой она, —
Нет, — она в любой науке столь была сильна,

Столь искушена, что в мире книги ни одной
Не осталось, не прочтенной девою молодой.

Тайным знаньям обучалась; птиц и тварей крик
Разумела, понимала, как родной язык.

Но жила, лицо скрывая кольцами кудрей,
Всем отказом отвечая сватавшимся к ней.

Та, которой в мире целом равной не сыскать,
Разве станет о безвестном женихе гадать? —

Но когда молва по свету вести разнесла,
Что с высот Ризвана к людям гурия сошла,

Что ее луна и солнце в небе породили,
А созвездья и планеты молоком вскормили, —

Каждый был великой страстью к ней воспламенен,
И мольбы любви помчались к ней со всех сторон.

Взять один пытался силой, золотом другой,
Ничего не выходило. Падишах седой,

بر نمودار خاک صندل نام
باد خورشید ز دست لعل
آتش از راه خورشید نمود

صندل کرد شاه جاسر و نام

آرام از کعبه کج و درون

سوی کعبه سراسر ایستاد
و آب کوثر ز دست حمیر
در زنی خورشید خورشید

بانوی زین حسن حسن کعبه

صندل ایستاد کعبه
شاه از آن کعبه چشم سپرد
و ز طرب جو ایستاد کعبه

چون برآمد ز کعبه
خواست خاطرش نه کرد
کعبه ای نه از تو جان

برترین پادشاه پادشاه

Видя дочки непреклонность, выбился из сил,
Но спастись от домогательств средств не находил.

А красавица, которой был на свете мил
Только мир уединенья, чьей душе претил

Пыл влюбленных, отыскала гору в тех краях —
Крутобокую, с вершиной, скрытой в облаках.

Замок на горе воздвигла, где клубится мгла...
Скажешь ты: на круче горной выросла скала.

И она отца просила — отпустить ее,
Тот, хоть не желал разлуки, детище свое

Отпустил: как соты меда, спрятал в замке том,
Чтоб назойливые осы не влетали в дом.

Этот замок над обрывом каменным стоял,
В небо бронзовые башни грозно он вздымал.

В высоте над облаками он витал, как сон,
Опоясан пропастями, крепко защищен.

И оттоль княжна разбою тропы заперла,
Глотки алчные заткнула, хищных изгнала.

Ведь она в любой науке сведущей была,
Чудеса умом крылатым совершать могла.

Тайну всех светил небесных, мудрая, прочла,
И на тайну тайн арканом мысль ее легла.

Знала, что сухим и влажным делать надлежит,
Отчего вода пылает, пламя холодит,

Знала, что даруют звезды, что судьба творит,
Отчего, как яркий светоч, разум наш горит.

Отчего он, словно солнце, светит нам в пути;
Знала все, что может людям пользу принести.

Но когда в том замке стихли все тревоги в ней,
Диво-дева отвратила душу от людей.

И поставила у входа в горное нутро
Много грозных талисманов, созданных хитро.

Из гранита и железа — замка сторожа
Высились, мечи в ладонях кованых держа.

Смельчака, который входа в замок тот искал,
Талисман — меча ударом — тут же рассекал.

Кто дерзнул проникнуть в замок, сразу погибал.
Лишь один привратник тайну талисманов знал.

Этот, в тайну посвященный верный страж ворот,
Знал, куда ступать, и шаг у вел особый счет.

Если бы со счета сбился хоть однажды он,
Сталью грозною мгновенно был бы поражен.

А врата твердыни, к небу высившей отвес,
Для людей незримы были, как врата небес.

Если б самый мудрый зодчий их сто дней искал,
Все же их, как врат небесных, нам не указал.

И была хозяйка замка — пери красотой —
Рисовальщицей китайской царской мастерской.

Челке гурии подобной — был калам ее
Полям раковин, дающим перлам бытие.

И княжна однажды краски и калам взяла,
В рост на белый шелк свой образ светлый нанесла.

На шелку, как бы из света, тело соткала,
И в стихах прекрасных надпись как узор сплела:

«Если в мире кто желает мною обладать
И твердынею, которой силою не взять,

Пусть, как бабочка, бесстрашно он летит на свет,
Пусть он будет храбрым. Места здесь для труса нет.

Жаждающий добычи этой, знай — тебе нужна
Жизней тысяча и больше, а не жизнь одна.

Пусть вся жизнь на трудный будет путь устремлена,
И четыре ты условия соблюди сполна:

Имя доброе, во-первых, доброту имей.
Во-вторых, умом раскинув, победить сумеи

Чары грозных талисманов, ставших на пути.
В третьих, — коль, разрушив чары, сможешь ты пройти,

То найди ворота. Мужем станет мне лишь тот,
Кто ко мне не через крышу, через дверь войдет.

И четвертое: направься в город. Буду там
Ждать тебя я и загадки трудные задам.

Только тот, кто все условия выполнит вполне,
Только тот отважный витязь мужем будет мне.

Тот, кто все мои условия превозможет, — он
Сокровенным камнем счастья будет одарен.

Но погибнет тот, кто, взявшись, дела не свершит.
Пусть он был велик, — унижен будет и убит».

И, в таком порядке надпись заключив, она
Слуг покликала. И, свиток им вручив, она

Отдала приказ: «Идите к городским вратам,
Этот свиток пригвоздите к городским вратам.

Пусть любой — и кто б он ни был — лик увидев мой,
Пожелает, чтобы стала я его женой.

Пусть прочтет мои условия и сюда придет,
Овладеет мной и замком или же умрет».

К городским воротам лунный образ прикреплен,
Кто его хоть раз увидел — навсегда влюблен.

И молва о нем все страны мира обошла,
Вновь князей и падишахов с места подняла.

Бросив трон, презрев величье, из любой страны
Скачут, притчей необычной воспламенены.

Этих прав сгубил горячий, молодость — других.
Всякий жизнь бросал на ветер. И не стало их.

Всякий, встав на путь опасный, был уж обречен.
Радую врагов, несчастный — шел на гибель он.

Как бы кто ни домогался, как бы ни хитрил, —
Ни единый талисманов тайну не открыл.

А иной, познавший мощь их, муж — умом глубок —
Разбивал два-три, но прочих превозмочь не мог.

Свой позор, свое бесславье видя, шел под меч.
Там голов прекрасных, юных много пало с плеч.

Избавленья иль пощады было ждать нельзя:
Черепами означалась грозная стезя.

Что ни день пройдет, то с плахи голова падет,
А палач ее насадит на кол у ворот.

Наконец от изобилья срубленных голов
Стены града заслонились грудой черепов.

Всюду строится из камня городов стена, —
Этот город окружила черепов стена.

Некий юноша в то время благородный жил,
Хитроумный и прекрасный, смелый, полный сил.

Для его стрелы добыча — что онагр, что лев.
Как-то, жаждою охоты в сердце возгорев,

Он поехал в поле — сходит с юною весной,
Увидал волшебный облик девы над стеной,

И вокруг него — сто тысяч — полных яда фляг...
Был пленявший душу образ так прекрасен, так

Совершенен, что охоту юноша забыл,
Кисть, создавшую рисунок, он благословил.

Но, прекрасный женский облик с головы до пят
Окружая, угрожая — головы висят.

«Как бегу? Куда укроюсь,— юноша вздохнул,—
От жемчужины, хранимой стаею акул?

Если страсть моя от сердца прочь не отойдет,
Голова на плахе жертвой страсти упадет.

И хоть облик тот — услада взору моему,
Но змея лежит у клада, шип хранит хурму.

Коль не унесешь из плена голову свою,
Оцени не выше тлена голову свою!

Если я от этой нити рук не оторву,
Сам на эту нить надену я свою голову!

Нет! Навстречу мощным чарам грозной красоты
Не ходи без чар сильнейших, иль безумен ты.

Нет! Сперва такое средство должен я найти,
Чтобы мог свою отару от волков спасти.

Кто, начав подобный подвиг, без пути пойдет,—
Плод своих трудов загубит, да и сам падет.

Если рвешься в бой — не медли, чтоб согнать со лба
Комара, иль посмеется над тобой судьба.

Сердце падает стеною крепостной во мне,
Мысли, словно балки кровли, рушатся в огне.

А в разрушенные стены радость не войдет
И пристанища в сгоревшем доме не найдет...»

Смолк и в мыслях он увидел кожаный ковер,
Меч и голову. И влагой омрачился взор.

Он от всех друзей и близких страсть свою скрывал.
Никому заветных мыслей он не поверял.

И, теряя сон от страсти, в предрассветный час
Скакуна он гнал к воротам града каждый раз.

Дивный лик, необычайный созерцал один,
Как Фархадову могилу и дворец Ширин.

К двери тайны подбирал он тысячи ключей.
Нить в руках держа, искал он кончика у ней.

Находил концов у нити сразу тысяч сто,
Где ж один и настоящий, не сказал никто.

Он наперсников повсюду мудрых стал искать,
Кто помог бы этот узел хитрый развязать.

Он искал, забыв про гордость, друга... Наконец
Услыхал — есть заклинатель дивов и мудрец,

Укрощавший тихим словом дикого коня,
Повелитель духов ветра, влаги и огня.

Грозные волхвы седые им посрамлены.
Грозы и валы морские перед ним смиренны.

И когда услышал витязь радостную весть,
Что такой умом великий муж на свете есть,—

К лучезарному Симургу, равному заре,
Полетел он, словно сокол, от горы к горе.

И нашел его, как розу над потоком вод,
Где? В пещере, у которой обвалился свод.

Сердце мудрого сумел он к милости склонить.
Стал пещерный Хызр пришельца мудрости учить.

И когда в потоке чистом витязь напоил
Разум свой,— тогда он тайну мудрости открыл.

Рассказал о деве-диве и о замке том;
Рассказал о талисманах, ставших над путем,

Где был каждый шаг означен сотнею могил.
Все учителю поведал, ничего не скрыл.

И старик его заветным знаньем подарил.
И всезнающего витязь возблагодарил.

Был слепой — вернулся зрячим он в родной предел,
Стал готовиться на подвиг, праздню не сидел.

Все обдумал, все припас он нужное в пути,
Чтоб опасным подземельем без вреда пройти.

Он волшебных талисманов силу разгадал,
Против каждого — особо — средство он достал.

В путь он выступил, одежды красные надев —
Крови знак и гневных жалоб на небесный гнев.

Ты сказал бы: в море крови плащ он обагрил,
И глаза его горели, как в ночи берилл.

Обуздал свои желанья, в помыслах велик,
И о горе и позоре мира вопль воздвиг.

Объявил: «Не для себя я путь пробить хочу,
Я за кровь ста тысяч храбрых отомстить хочу!

Или головы живущих сразу излечу
От безумья, иль своею жизнью заплачу!»

Вот за городской чертою, под пятою гор,
Пред железным замком девы он разбил шатер.

И едва о том в народе протекла молва,
Что явился юный мститель мужественней льва, —

Всяк ему в великом деле помогать хотел,
Чтоб скорее он чудесным замком овладел.

Так заботами народа и умом своим
Он облекся, как надежным панцирем стальным.

И затем идти на подвиг разрешенья он
Испросил у падишаха, как велел закон.

Вот в ущелье талисманов удалец шагнул,
Брешь пробил и заклинанье первое шепнул.

Разом чары талисмана первого разбил,
Связи прочих талисманов он разъединил.

Друг за другом их арканом в пропасть повалил;
К башням замка несказанным путь себе открыл.

Он от чар очистил гору. И из всех мечей —
Только верх горы оставил, что меча острей.

И искать в стене ворота начал он, ремянной
Колотушкой ударяя в шкуру барабана.

Вслушался, как отдается звук вокруг стены.
И по отзвуку ворота были найдены.

Откликаясь барабану, пел подземный ход.
Он подвел подкоп и выше к створам тех ворот.

Лишь о том хозяйка замка мудрая узнала,
Тут же человека с вестью к витязю послала:

«О подкопы подводящий, что тебя вело?
Знать, тебе достигнуть цели счастье помогло.

Если ты сумел осилить чары сторожей,
А потом нашел ворота крепости моей,

Ты теперь направься в город и еще два дня
Потерпи,— прошу об этом; подожди меня.

Я тебя в дому отцовском повстречать хочу,—
Я загадками твой разум испытать хочу.

У тебя четыре тайны стану я пытаться;
Коль ответы на вопросы ты сумеешь дать,—

О, навек тогда ты другом будешь для меня.
И желанным и супругом будешь для меня».

И когда свою удачу витязь увидал,
Повернул коня и в город быстро поскакал.

Шелк сорвал с ворот высоких и рабу вручил,
Оживил в сердцах веселье, горе умертвил.

Головы со стен на землю опустить велел,
И оплакать, и с почетом схоронить велел.

И, благословляем всеми, воротясь домой,
Горожан велел к себе он звать на пир большой.

Люди толпами до ночи в дом его текли,
И дареными шелками стены расцвели.

И пред ним все горожане клятву принесли:
«Если шах тебе не выдаст дочку, то внемли:

Шаха мы убьем и бросим шахский труп в пыли,
А тебя поставим шахом всей своей земли.

Ибо шах жестокосердный нас мечом казнил,
Ты ж от злого наважденья нас освободил».

А прекрасная невеста, как и весь народ,
Радовалась, что удачно сватовство идет...

Лишь растерла черный мускус меж ладоней ночь
Над ладьей луны, с подушек стала шаха дочь,

С сердцем радостным уселась в паланкин она.
И, дорогу озаря, шла пред ней луна.

Во дворец подземным ходом дева прибыла,
Встретив деву, даже челядь замка расцвела.

И отец расцвел, как роза, детище обняв,
По единственной в разлуке дочке заскучав.

И рассказывала дева все, что было с ней,
Что судьба за это время совершила с ней.

Вспоминала тех, что в битве сбиты ею были,
Яму рыли ей и сами в яму угодили.

О влюбленных, что отважно, словно львы, рвались
И вотще теряли силы и теряли жизнь.

Молвила, что бросить замок ей пришла пора,
Что пришел и стал пред нею витязь, как гора.

Коль из четырех условий он исполнил три
И, разрушив талисманы, отыскал внутри

Скал — подземный ход и замка замкнутую дверь,—
Пусть четвертое условие выполнит теперь.

Шах спросил ее: «А в чем же трудности его?
И зачем условий столько? Хватит одного!»

Дочь сказала: «Коль рассудком он не обделен —
Пусть четыре мне загадки разгадает он.

Не скрываю — разгадать их очень тяжело.
Разгадает — увенчаю я его чело.

Но пускай, где знает, станет витязь на постой,
Коль его осел застрянет на дороге той.

Поутру, когда заблещет солнцем небосклон,
Пусть мне шах окажет милость и взойдет на трон;

Пусть придет и витязь, ставший женихом моим.
Лик закрывши покрывалом, сяду я пред ним.

И безмолвные вопросы буду задавать,
Он же мне без замедленья должен отвечать».

Шах сказал: «Все так и будет,— это решено.
Все, что ты ни пожелаешь, будет свершено!»

Так старик отец беседу с дочкой завершил
И, уйдя в свои покои, мирно опочил.

Лишь эмалевое небо озарило мир,—
Утром, по обычьям кеев, шах устроил пир.

Много старых именитых пригласил гостей,
Мудрых, в жизни искушенных, праведных людей.

Витязя того он принял на пиру своем
И его своим алмазным увенчал венцом.

Стол богатый был в чертоге для гостей накрыт,
Как столы у падишахов ставить надлежит.

Скажешь: все дары земные украшали стол.
Блюда, чаши золотые украшали стол.

И когда поели гости всласть ото всего,
И вкушавших утолилось пищей естество,—

Шах велел перед диваном, что был мудр и стар,
Златом тайн о камень знаний нанести удар.

Вот жених перед невестой сел лицом к лицу, —
Мол, в какой игре лукавой спор придет к концу?

Вот за витязем царевна стала наблюдать,
Им, как куклою таразской, начала играть.

Из ушей своих два перла вынула сперва
И такие казначею молвила слова:

«Гостю нашему два перла эти отнеси —
И ответа на вопрос мой у него проси».

И посланец не замедлил выполнить приказ.
Гость объем жемчужин смирил, взвесил их тотчас.

И из драгоценных перлов, что с собой носил,
Три других, подобных первым, сверху положил.

Дева-камень, вместо первых двух увидев пять,
Взявши гирьку, также стала вес их измерять.

Взвесив и узнав, что равен вес у пятерых,
Той же гирькой раздавила, в пыль растерла их.

Пыли сахарной щепотку бросила туда,
Все смешала и послала гостю вновь тогда.

Но ему была загадка трудная легка,
У прислужника спросил он чашку молока,

Сахар с жемчугом в ту чашу всыпал, размешал.
Принял все гонец и чашу к госпоже помчал.

Этот дар пред ней поставил. Выпила невеста
Молоко, а из осадка замесила тесто.

И на пять частей, по весу равных, разделила.
И сняла свой перстень с пальца и гонцу вручила.

То кольцо надел на палец витязь и в ответ
Отослал пославшей перстень — дивный самоцвет,

Яркий, чистый и блестящий, как полдневный свет,
Изнутри лучил он пламень, блеском был одет.

Этот камень положила дева на ладонь,
Ожерелье распустила. Яркий, как огонь,

Самоцвет в нем отыскала, первому во всем
Равный, блещущий во мраке солнечным лучом:

Третьего не подобрать к ним, их не подменить:
На одну их нанизала золотую нить.

И послала перлы морю иль — сказать верней —
Солнцу отдала Плеяды в щедрости своей.

И когда на них разумный взоры обратил,—
Самоцвет от самоцвета он не отличил.

Дать себе он голубую бусину велел,
С самоцветами на нитку бусину надел.

Воротил их той, что с пери спорит красотой.
Та же — бусину на нитке видя золотой —

Сладко рассмеялась, губок распечатав лалы,—
Бусину на ожерелье тут же навязала,

Самоцветы в уши вдела и отцу сказала:
«Встань, отец, и делай дело,— спор я проиграла!

Но я рада, ибо рада счастью своему!
Вижу: счастье дружелюбно мне, как моему

Ныне избранному другу. Вижу: по уму
И красе нет в целом мире равного ему.

Мудры мы, и с нами дружат мудрые умы;
Но его познание выше, чем достигли мы».

Падишах был околдован медом слов ее
И сказал: «О ты! Ты — ангел, детище мое!

Каждый твой вопрос я видел и его ответ,
Но молчанья покрывалом был их смысл одет.

По порядку, друг за другом, я прошу открыть,
Что вопросы и ответы те могли таить».

Вскормленная в поклоненьях, в холе, в неге сладкой,
Складки занавеса тайны над своей загадкой

Приоткрыла, отвечала: «Я с ушей сняла
Перлы и вопрос свой первый ими задала.

Две жемчужины послала я ему сначала:
«Жизнь — два дня лишь! Понимаешь?» — я ему сказала.

К двум моим он три прибавил. Это говорит:
«Если даже пять — так тоже быстро пролетит».

Я растерла и смешала сахар с жемчугом,
И в ответ ему послала сахар с жемчугом.

Пыль жемчужная, что с пылью сахарной смешилась,
Означает жизнь, что сильной страстью омрачилась,

Оторвать их друг от друга, разлучить нельзя,
Ни заклетьем, ни наукой отделить нельзя.

В чашу молока тогда он всыпал эту смесь,
И на дно тяжелый жемчуг опустился весь,

И растаял легкий сахар в чаше молока.
И была ему загадка трудная легка.

А как молоко из чаши этой испила,
Я себя пред ним дитятей малым назвала.

А когда ему я перстень свой отослала,
Тем на брак со мной согласие витязю дала.

Самоцвет мне дав бесценный, он хотел сказать,
Что ему во всей вселенной пары не сыскать.

Я вернула вместе с первым равный самоцвет,
«Видишь, мы с тобою пара», — мой гласил ответ.

К самоцветам этим третий подбирать он стал,
Третьего ж на белом свете он не отыскал,

برون مسیح کتایا
 حور و پادشاه که مشغول است

برنمود از ناک مشغول است
 مشغول کرد و شارب با و تمام
 خوابت که مادرش نشاند کرد
 بر تریب و باغی پادشاه
 با و ای رحمت و مکر و خرد

شاه از آن مکتب چشم میزد
 گفت ای زکوة زنده جان من
 مرا بخت که دست نیت یار

نیکبخت پرچم چندی کن
 در طلب حقیقت کجاست
 نیک که کو و آتش و دیا

آه که نیت که کو و بر و
 با و من و مبین کجاست
 پشتر ز ناک یک و مروت

Бирюзой меня решил он чистой одарить,
Чтобы счастье от дурного глаза защитить.

И украсилась я тою светлой бирюзой,
Пред его склонилась волей, словно пред судьбой.

На моей сокровищнице вещая печать,—
Бусина любви да будет грудь мне украшать!

А за то, что пять сумел он кладов отыскать,
Музыку царей могла бы я пять раз сыграть».

Шах, увидев, что обьезжен конь и укрощен,
Что под плеткой сыромятной выровнялся он,

По обрядам брачных празднеств, тут же поутру
Приготовил все, рассыпал сахар на пиру.

Как звезду Зухру Сухейлю, отдал дочь свою.
Пир устроил несказанный, как пиры в раю.

Благовоньями в чертоге пол осыпан был.
Там он кипарис и розу рядом посадил.

Вот последний гость покинул падишахский дом,
Витязь наконец остался с милою вдвоем.

И когда искавший лалы россыпей достиг,
Умирал и воскресал он в свой предсмертный миг.

Целовал в ланиты, в губы он стократ ее,
Он покусывал то финик, то гранат ее.

Совладел алмаз прекрасный с перлом красоты.
Сокол сел на грудь фазану, павши с высоты.

Талисман свой он увидел на груди ее.
Он любовь, и мир, и счастье в ней нашел свое.

Жил он в радости с любимой, лучшей не просил.
Цвета щек ее — он платья красные носил.

Ибо в первый день успеха, в белый день надежды,
Предзнаменованьем выбрал красные одежды,

Ибо тою красотою он рассеял мрак.
Он всегда имел убранство красное, что мак.

«Шах в багряных бармах» — был он прозван потому,
Что в багряном цвете радость выпала ему.

Красный цвет красою блещет, коей в прочих нет,
Этим лал ценней алмаза — алый самоцвет.

Золото «червонной серой» называешь ты;
Нет у золота одежды лучше красоты.

Кровь, с душою связанная, оттого красна,
Что тонка, легка в полете, как душа, она.

Если красоты телесной в мире ищешь ты,
Помни: розы щек — основа всякой красоты.

Роза лучшая не будет ханшею садов,
Если нет у ней горящих кровью лепестков!»

А когда рассказ царица кончила чудесный,
Словно россыпь роз, зарею вспыхнул мрак небесный.

И лицо Бахрама в этом блеске алых роз
Стало красным, с ароматным сходно соком роз.

Он к славянской красной розе руку протянул,
Обнял стан ее и в неге близ нее уснул.

МАГРИБСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ПЯТАЯ

Среда

В среду, только озарилась солнцем высота
И блеснула бирюзою неба чернота,—

В бирюзовом одеянье к башням голубым
Шах направился — призывом сладостным токим.

День был короток, да долгоден про него рассказ,
Только в черном покрывале полночь поднялась,—

Попросил Бахрам царевну сказку рассказать,
И сняла луна Магриба с повести печать,—

Молвила: «У шаха стремя держит небосвод,
Круг созвездий славословье перед ним поет.

Я и сотни дев прекрасных — пери красотой —
Рады целовать, о шах мой, прах перед тобой.

Пред тобою, перед чистым родником живым,
Торговать не подобает уксусом простым.

Коль мою ты благосклонно выслушаешь речь,
Я могла б тебя одною повестью развлечь».

СКАЗКА

Жил один купец в Египте — именем Махан,
Золотой луне подобен, строен и румян.

Красотой, умом, богатством, как Юсуф, блистал.
Тысячу отважных тюрков стражей бы держал.

Так Махана все любили, что в саду своем
Каждый рад бывал устроить в честь его прием.

Некий знатный горожанин раз к нему пришел,
В загородный сад свой гостем юношу увел.

В свежем том саду, друзьями тесно окружен,
Целый день вином, беседой утешался он.

Пир их был великолепен и прекрасен сад,
А друзья его прекрасней были во сто крат.

Вслед забаве их забава новая ждала,
Что ни час, то лучше прежней смена блюд была.

Вот и полночь мускусное знамя подняла,
Серебро смолой покрыла и луну зажгла.

Но в стемневшей чаще сада продолжался пир,
Сладким звуком флейт и песен оглашался пир.

Будто гости саду сердце отдали в залог,
Обновлял сердце веселье пенных вин поток.

Ярко озаряла небо полная луна,
Лучезарностью — полудню ночь была равна.

И Махан, разгоряченный чарами вина,
Увидал: луну качает быстрая волна.

Он побрел, шатаясь, в чащу — от вина тяжел.
Запутался. К незнакомой роще пальм пришел.

И увидел человека он вдали сквозь тьму.
Этот человек с приветом подошел к нему.

Внешность же его знакома юноше была, —
Вел он за морем с Маханом общие дела.

Сразу друга по торговле в нем Махан узнал
И воскликнул: «Как! Откуда ты сюда попал?»

Молвил тот: «По завершение дальнего пути —
Не терпелось мне, — тебя я захотел найти,

Рассказать, что свыше меры наши барыши.
Ты мне будешь благодарен — знаю — от души!

Очень поздно с караваном к городской стене
Подошел. Ворота были заперты, и мне

Перенести пришлось богатства позднею порой
В караван-сарай, лежащий за градской стеной,

В темном поле. И, оставив стражу при тюках,
Я к тебе пришел, проведая, что ты здесь в гостях.

Вовремя тебя нашел я: о, пойдем со мной,
Не замедлив! Мы, возможно, в темноте ночной

Грузы в город переправим, пошлин избежим!»
И Махан был рад богатству и пошел за ним.

Тайно отперли калитку. И — как вихри взвились —
Понеслись... Пока две стражи ночи не сменились,

Быстро, быстро — друг Махана впереди шагал.
А Махан, как пыль от пяток, позади бежал.

Уж последние остались за спиной дома.
И пустыня перед ними и ночная тьма.

«Что я — сплю? — Махан подумал. — Близится
рассвет,
И сейчас от нас до Нила сотни гyzов нет!

Пройдена дорога нами пятичасовая,
А до сей поры не видно караван-сарая;

Лишь пустыня перед нами, и над ней — туман».
И еще Махан подумал: «Может быть, я пьян...

И мерещится мне спьяну? Но товарищ мой
Трезв и к городу, наверно, знает путь прямой».

Так неслись они поспешно. Если ж отставал
Задний, то его передний бодро окликал.

Мчались так они, покамест первый не пропел
Вдалеке петух. Последний призрак улетел

По следам дремучей ночи, снов растаял дым.
И внезапно стал Махану друг его незрим.

Увидал Махан смущенный: сбился он с пути.
Сразу отказались ноги вдаль его нести.

Догорающей свечою юноша упал,
Плача, наземь и до полдня жаркого проспал.

А от солнечного зноя голова его
Раскалилась жарче муки той, что жгла его.

Сел, пустыню воспаленным взором он обвел,
Сада роз искал глазами, сада не нашел.

Будто собственное сердце в ранах видит он —
Тысячей пещер изрытый видит горный склон,

И змея в пещере каждой — больше, чем дракон.
Он бежать хотел, но страхом силы был лишен.

Ногу ставит на дорогу, а нога тяжка,
Как свинец; в пути безвестном нет проводника.

Брел он и пугался тени собственной своей.
Вот уж ночь несет треножник и пучок плетей,

Снова ночь деяний черных образы сплела, —
Дню-белильщику до света отдохнуть дала.

У пещерного упал он черного жерла,
И в глазах его былинка каждая ползла,

Как змея. Лежал он долго, памяти лишен.
Звуки голоса живого вдруг услышал он,

И, открыв глаза, увидел двух людей вдали.
Женщина с мужчиной ношу на плечах несли.

И, лежащего увидя на своем пути,
Сразу поспешил к Махану путник подойти.

Он купца окликнул: «Кто ты и откуда есть?»
Тот сказал: «Я иноземец, погибаю здесь,

Хоть меня Маханом мудрым прежде всякий звал».
Путник вновь спросил: «А как же ты сюда попал?

Людам здесь бывать опасно. Дивы здесь живут.
Даже львы, встречаясь с ними, в ужасе ревут».

И тогда Махан воскликнул: «Кто ты — я не знаю:
Добрый человек иль демон! Богом заклинаю,

Дело человеколюбья ныне соверши,
Выведи меня отсюда! Скорбь моей души

Утиши! Вчерашней ночью в сладостных садах
На ковре в шатре Ирема я сидел в гостях.

И когда свой ум затмил я чашей пировой,
Мне явился некто, молвив: «Я товарищ твой».

Он привел меня из рая в ад. А только день
Наступил — мой друг растаял, как ночная тень.

То ли — в дружбе нерадивый — промах совершил,
То ли в злобе против нашей дружбы погрешил...

Дело доброе, прохожий, соверши — молю!
В город верную дорогу укажи — молю!»

Молвил путник: «Ты от верной гибели ушел.
Дива, страшного для смертных, человеком счел.

Этот див «Хаиль пустынный». Он с пути сбивал
Сотни путников. В пустыне каждый погибал.

Но твои друзья мы оба. Мы спасем тебя,
Сбережем в пути и в город приведем тебя.

Так мужайся! Встань меж нами, веселей шагай
По дороге шаг за шагом! Лишь не отставай!»

И поплелся шаг за шагом им вослед Махан.
А когда петух рассвета грянул в барабан

И ударило в литавры утро на верблюде,—
Без ключа темницей темной стали эти люди

И растаяли, как тени... А Махан упал,
Изнуренный, и до полдня на песке проспал.

Встал Махан, побрел по склону, ужасом томим,
Видит: скалы — львов и тигров логово пред ним.

Шел, теряя силы, ибо не имел еды,
Кроме воплей и страданий, кроме слез — воды.

Истомленный, не решался он прервать пути.
По пустыне без дороги продолжал брести.

И когда небесный белый купол черным стал,
В яму вполз и до полночи в яме он проспал.

И далекий конский топот в полночь услышал.
На коне горячем всадник по степи скакал,

В поводу держал другого доброго коня,
С буйной гривой и закосом глаз, как два огня.

Подскакал, к Махану всадник взоры обратил.
«Эй, хитрец, сидящий в яме, кто ты? — он спросил. —

Что ты ждешь? Коль скажешь правду — пощажу тебя,
А солжешь — мечом вот этим поражу тебя!»

И затрепетал от страха перед ним Махан,
Быстро горсти слов рассыпал, как мешок семян.

Молвил он: «О гордый всадник, выслушай раба!»
Все поведал, что с ним злая сделала судьба,

Как в пустыне беспредельной заблудился он.
Всадник был его рассказом сильно изумлен.

Молвил: «За тебя молитву, друг, я произнес!
Знай, что ты от двух чудовищ голову унес.

Это гули-людоеды, самка и самец,
По степи тебя кружили, чтобы наконец

Съесть тебя живьем в ужасном логове своем,
Но промедлили. Спасен ты первым петухом!

Знай: Хала прозвание самки, а самца — Ги́ла.
Поблагодари светила, что избежал зла.

А пока ты жив, отсюда убегай со мной.
Вынесет тебя из ада конь мой запасной.

Но в пути храни молчанье. Повод подтяни,
От меня не отставая, скакуна гони».

Всадником могучей птицы злополучный стал:
Так скакал, что за собою ветер оставлял.

Путь они в ущельях грозных миновали длинный,
Наконец с горы открылась их глазам долина.

Как ладонь гладка, просторна. И со всех сторон
Раздавались песни, руда и барбата звон.

«К нам иди, прекрасный!» — справа голоса слышны.
Слева крики: «К нам! За чашу — гость чужой страны!»

Не цветы и не деревья — нет! В долине той
Гуль на гуле громоздились черною горой,

Дивов тысячи на дивах, копошась, сидели,
Подымая вой. Другие лезли из ущелий.

Словно смерчи, головами к тучам взметены,
Как огромные пиявки, длинны и черны.

Так плясал и сонм ужасный, так рукоплескал,
Так вопил, что мозг от шума в черепе вскипал.

Что ни миг, то шум сильнее, вой и плеск страшной,
Через час вдали блеснули тысячи огней.

И толпа громадных, страшных чудищ подошла,
Губы, как у негров. Платья, шапки, как смола.

Каждый с хоботом, с рогами, — сразу — бык и слон,
Каждым чудищем горящий факел принесен.

Каждый безобразен, словно адский страж. Клубясь,
Вылетало пламя — только див разинет пасть.

Пели все они, в трещотки черные треща,
И вокруг плясали скалы, в лад рукоплеща.

Громче взвыла, заплясала дивов черных рать.
Под Маханом злополучным начал конь плясать.

В страхе он на пляшущего скакуна взглянул,
Увидал, что конь кривые крылья развернул.

Увидал беду и горе под собою он:
Семиглавый и двукрылый был под ним дракон.

Словно осенивший землю свод семи небес,
Сделался семиголовым этот див иль бес.

Заплясал дракон крылатый, разыгрался — лют.
Топал он и извивался, словно длинный кнут.

А Махан был, как валежник, что потоком вод
Бурный сель в весенней балке с крутизны несет.

Сокрушенным и бессильным злополучный стал —
Так его дракон свирепый вниз и вверх швырял.

Вверх подбрасывал, — и снова на лету сажал
Юношу себе на шею, и трубил, и ржал.

Издевался над Маханом — на сто сот ладов.
А когда раздался голос дальних петухов

И раскрылся львиным зевом алый край небес,
Этот змей семиголовый, словно тень, исчез.

Хор чудовищ стих, умолкли руб и барабан
И отклокотал в долине черных гулей чан.

И Махан, упав на землю, память потерял,
Словно ранен был смертельно, словно умирал.

И без чувств, не помня — где он, что творится с ним,
Он лежал в пустыне, солнцем яростным палим.

А когда от зноя полдня голова вскипела,
Воротилась жизнь в больное, страждущее тело.

Поднялся Махан, стеная, и глаза протер,
Огляделся он, увидел лишь степной простор,

Слева — даль пустынь, а справа — скал бесплодный скат.
Все кругом, как кровь, багрово-знойно, словно ад.

Как ковер пред казнью стелют кожапый у ног
И палач угрюмый сыплет на него песок,

Так же, только знак для казни подал полдня взор,
Был песок насыпан, постлан кожаный ковер.

На усталой шее чудом разорвав аркан,
Выход с площади погибших отыскал Махан

В переулок обреченных... Вихрем мчался он.
Воздуху отравленному ужасался он.

Так бежал он, что отстала б от него стрела,
Из-под ног его пустыня к вечеру ушла.

Зелень свежую скиталец, воду увидал.
Сердцем был от горя стар он, снова юным стал.

Напился воды, умылся и, хвалу судьбе
Вознеся, для сна пещеру стал искать себе.

Молвил: «Отдохну сегодня, раз я заблудился.
Ужасами прошлой ночи ум во мне затмился.

Вот я впал в тоску, блуждая от друзей далеко!..
Этот воздух сух. Дорога эта одинока.

Знаю, виденное мною лишь виденьем было.
То игра воображенья разум мой убила.

Мне теперь спокойно надо до утра проспать,
Чтоб ночные не вернулись сновиденья вспять».

В этот вечер он укрылся под пещерный свод
И увидел там глубокий и просторный ход.

Тысячеступенный кладезь в глубине пещерной
Отыскал. Лишь тень спускалась в кладезь тот, наверно.

Как Юсуф, в глубокий кладезь опустилсЯ он
И, дойдя до дна, мгновенно погрузился в сон.

Ты б сказал: достигла птица своего гнезда.
В безопасности улегся там он. А когда

Выспался, во мрак пещеры вглядываться стал,
Будто образы на черном шелке увидал.

Разглядел, что раскололся той пещеры свод,
А луна с ночного неба в цель сиянье льет.

Начал расширять отверстие, и сквозь потолок
Вскоре голову наружу высунуть он смог.

Голову в дыру просунул и увидел сад,
Свежих цветников учуял сладкий аромат.

Свод разрыл еще, на волю выбрался совсем
И увидел сад цветущий — словно сад Ирем.

Сад мерцал, сиял, лучился — в лунный свет одет.
Думалось: деревьям свежим в нем и счета нет.

И в таком обилье щедром там плоды росли,
Что могучих яблонь ветви гнулись до земли.

Как рубиновые чаши, яблоки блестят.
Как ларец, рубинов полный, — вызревший гранат.

Шар с индийским благовоньем — плод айвы в ветвях.
У фисташек смех безмолвный на сухих устах.

Груши сквозь листву смеялись, полные веселья,
И уннаб низал из ягод ярких ожерелья.

А инжир, сплетясь с орехом, в дремлющем саду
Для стола царя готовил блюдо «палуду».

Там лоза — владыка гроздий, — видя ночь и день
В подчинении, — надела шапку набекрень,

Осудивши казни, персик спелый и гранат, —
И они, как кровь казненных, рдяные, горят.

Померанцы с апельсином зеленью ветвей —
Где ни глянь — сплелись. И, словно властный чародей,

Околдовывал все чувства каждый куст. А дале —
Грудами шкатулок дыни на траве лежали.

И плоды, ломая ветви, до земли свисали,
Цветом — лал; а вкусом — сахар сладок так едва ли.

И когда Махан калитку в этот рай открыл,
Он от ада прошлой ночи душу отвратил.

И к плодам он потянулся, рдеющим в листве,
Эти ел, а те рассыпал по сырой траве.

Вдруг: «Держите вора!» — слышит он громовый крик.
Гневный, яростью кипящий, выбежал старик,

На плече держа дубину. «Кто ты? — заорал. —
Как ты, див, плоды крадущий, в сад ко мне попал?

Как посмел ты? Здесь немало прожил я годов,
Но не ведал беспокойства от ночных воров!

Кто такой? Что ты такое? Как тебя зовут, —
Говори по правде. Помни: я во гневе лют».

Обмирал Махан от страха. Он сказал: «Беда
Надо мной стряслась. Невольно я попал сюда.

Заблудившегося призри! Не гони в беде,
Чтоб тебя за гостелюбье славили везде!»

Оправданиям Махана гневный внял старик.
Подобрел его суровый бородатый лик.

В сторону свою дубину старец отложил
И, усевшись перед гостем, ласково спросил:

«Расскажи, что ты изведal в странствиях твоих,
Сколько ты обид увидел от глупцов и злых?»

Увидал Махан, что старец гнев сменил на милость.
Рассказал он по порядку все, что с ним случилось;

Как, блуждая, понадал он из беды в беду:
Ночь — горел в огне, другую — замерзал во льду.

Как на верном очутился наконец следу,
Как от бед укрылся в этом сладостном саду.

Молвил старец изумленный: «Мы должны судьбу
Возблагодарить и небу принести мольбу,

Что от чудищ, подлых нравом, ты освобожден
И от горя этим добрым кровом огражден!

Ты с себя, злосчастный, сбросил цепи наважденья,
Заповедного достиг ты места избавленья.

А лежит за этим садом дикая страна,
Зелени, воды и жизни лишена она.

Ты, счастливцев, чудом спасся от великих бед!
Джинны здесь живут и дивы; каждый — людоед.

Путника они закружат, после ж — разобьют,
Как кувшин. Играют криво, хоть и в лад поют.

Облюбованную жертву за руку возьмут,
Отведут глаза, обманут, к бездне приведут.

Им подобен обольститель, что живет средь нас
И готов на дело злое каждый день и час.

Нынче ложь прикроет правдой, завтра — лжет
Меду поднесет, но к меду примешает яд.

В лжи — бессилье. Только в правде — божья
Чудеса от наважденья должно отличать.

Вижу я — простосердечен по природе ты.
Жертвой лжи бывают люди, что душой просты.

Злобный дух в ночной пустыне на тебя напал
И, твоим воображеньем овладев, играл.

Но коль позади осталась призраков страна,
Не глотай осадок, выпей чистого вина!

Этой ночью ты как будто заново рожден,
Из иного мира наземь снова приведен.

Вот богатый сад — награда за твоим мученья.
Я же — сам хозяин сада — в этом нет сомненья.

Каждый кустик тут я знаю. Эти все плоды
Мною возвращены с любовью. Лучшие сады

Поясов земных мне дали саженцы дерев,
Самых щедрых в пору сбора сладостных плодов.

Прокормился б целый город их осенним даром.
У меня в саду обширный есть дворец с амбаром.

Словно обмолоченные зерна на току,
Горы золота хранит он, и — мешок к мешку —

Жемчуга и самоцветы пламенной огня...
Я богат, и только нету сына у меня.

Но на счастье с тобою повстречался я,
И к тебе, как к сыну, сердцем привязался я.

Если ты захочешь сыном стать мне — о, тогда
Полноправным властелином ты войдешь сюда!

Завтра ж на твое я имя все переведу,
Чтобы ты, вкушая негу, жил в моем саду.

А захочешь, и невесту я тебе найду;
Отведу от милых сердцу всякую беду,

И служить я буду вашим прихотям любим.
Коль согласен, дай мне руку,— договор скрепим!»

И Махан сказал: «Как можешь это говорить?
Может ли терновник сыном кипариса быть?

Но когда меня ты верно примешь в сыновья,
То — поверь — тебе примерным сыном буду я!»

Радостно поцеловал он руку старика.
Радостно ему сказал он: «Вот моя рука!»

И старик Махана руку быстро ухватил,
Дал обет ему и клятвой договор скрепил.

Молвил: «Встань». Махан поднялся. И повел его
Старец в глубину густого сада своего.

Ввел его в чертог высокий: стены в нем и пол —
Мрамор, а суфа коврами крыта, как престол.

Галерея в нем просторна; и, как свод, над ней
Переплет ветвей платанов, ив и тополей.

Водоем блестит под сводом. И звездой своей
Небосвод целует кольца медные дверей.

Широковетвящееся — над суфой стояло
Дерево сандаловое. До земли свисало

Благовонное убранство листьев, как пола
Занавеса. На развилье мощного ствола,

Там, где ветвь от ветви толстой в сторону ушла,—
В высоте тахта из досок сделана была.

На тахте — ковры, подушки, словно ложе хана,
Как листва сандала мягки и благоуханны.

И старик сказал: «На это дерево залезь;
Отдохни пока с дороги. Если пить иль есть

Пожелаешь ты,— там скатерть с белым хлебом есть
И кувшин с водой лазурной. Оставайся здесь

И — покуда не вернусь я — терпеливо жди.
Из опочивальни этой наземь не сходи.

Кто б ни говорил с тобою — ухо уклоняй,
Кто б ни соблазнял — соблазны молча отгоняй.

Ни на чей вопрос лукавый — слова не роняй.
А не стерпишь — сам тогда ты на себя пеняй.

Лишь когда назад приду я,— зорче ты взглядись
И уверься — я ли это. И тогда спустись.

Я пойду, тебе покои во дворце устрою.
Клятва крепкая — навеки — меж тобой и мною;

Молока и меда наши обещанья чище,
И теперь мое жилище — и твое жилище.

Берегись дурного глаза нынешнюю ночь...
Утром отойдут навеки все несчастья прочь».

Так старик его наставил, слово с гостя взял,
И исполнить наставленья гость пообещал.

Там ременная свисала лестница с ветвей,
«Подойди,— сказал хозяин,— и взберись по ней!

Будь сегодня ремненогим, а потом ремни
Эти длинные с собою кверху подтяни.

Опоясайся сегодня кожаной змеей,
Чтоб никто шутить не вздумал снова над тобой.

Утром ты доволен будешь! Хоть халва у нас
С вечера была готова, — есть нельзя сейчас».

Разговор старик закончил и пошел домой,
Чтобы гостю приготовить во дворце покой,

Гость на дерево взобрался, лестницу убрал,
Там сандал листвою свежей так благоухал,

Что, когда Махан из легких воздух выдыхал,
Он, как ветер, ароматы миру посылал.

Сверток хлебцев золотистых и лепешек белых
Развернул, почувяв голод, путник и поел их.

Из прохладного кувшина, что студил ночной
Ветер, жажду утолил он чистою водой.

И на той тахте румийской, под густой листвою,
На ковре китайском, мягком он нашел покой.

На руку облокотился; озиаться стал.
И вдали семнадцать ярких свеч он увидал.

Шли красавицы по саду, светочи несли.
Преклонился бы пред ними каждый до земли.

Шли семнадцать падишахов, прелестей полны,
Что семнадцать выигрышей взяли у луны.

Светочи в руках у каждой, платья их богаты.
Полотно скрывает розу, кисея — гранаты.

Шли — стройны, светлы, как свечи, озирая мир.
На суфе они уселись за веселый пир.

На широком возвышенье полукругом сели,
И мгновенно к ним слетели радость и веселье.

Повелительница пира и веселья их —
Ликом пери, перл бесценный ожерелья их —

На почетном месте села, средь подруг своих.
На подушках усадила вокруг себя других.

Словно сказочные птицы, песню завели:
Птиц из воздуха на землю пеньем привлекли.

Косточка на струнах чанга — в пляске ноги их.
Змеем вился след огнистый на дороге их.

Ветерок ночной примчался, козни учинил:
К спелым, дивным померанцам двери отворил.

И Махан о померанцах тех затосковал.
На красавиц глядя, с горя растирал сандал.

И умом раскидывал он сто и больше раз,
Как бы с дерева на землю прыгнуть сей же час,

Чтобы с девами, к которым в нем горела страсть, —
Страшного суда не ждавши, прямо в рай попасть.

Но ему пришли на память речи старика,
И желанья он в колодки заковал пока.

Девы пели и играли. А устав играть,
Скатерть пышную раскрыли, сели пировать.

Столько блюд, напитков столько — знает только бог.
Ледяной шербет с шафраном и гранатный сок.

Там барашек был, поенный только молоком,
И откормленная птица, и форель, и сом;

Хлебы — камфары белее и светлей луны,
Как спина и груди гурий, мягки и нежны.

О пирожных не умолкла до сих пор молва.
Сахарная напоследок подана халва.

И когда на стол такие блюда принесли, —
Словно мир, где все явленья чудо, принесли, —

Госпожа невест сказала девушке одной:
«Чувствую я: скоро четом станет нечет мой.

На меня алоэ дышит, от сандала вея.
К дереву сандаловому подойди скорее.

Некто есть на нем, что сладко дышит, как алоэ.
Благовоннее сандала платье золотое

На плечах его! Скорее пусть же отдадут
Ночь и листья в наши руки сладкострунный руд

Из сандала золотого и алоэ тьмы!
Дивное благоуханье обоняем мы.

Кажется мне, что — родная нам — одна душа
Прячется в ветвях тенистых, страстью к нам дыша.

Так иди и к нам пришельца ласково зови.
Молви: «Ждет тебя подруга, полная любви;

Стол накрыт, поставлен кубок чистого вина;
Но без гостя не коснется вин и яств она.

Поспеши, вкуси блаженство от союза с ней.
Не держи ее в оковах, приходи скорей!»

К дереву сандаловому дева подошла.
Узок рот ее, а просьба широка была.

Отворив уста, запела, словно соловей.
Как цветок с куста, Махана сорвала с ветвей.

Речь посредницы услышав, он пошел за ней.
Сам посредника искал он для любви своей.

Но как только пред соблазном душу он открыл,
Тут же предостереженья старца позабыл.

И любовь метлой с дороги стыд и долг смела.
И Махан к луне спустился, что его ждала.

А когда красу Махана дева увидала, —
Перед ним, как перед троном падишахским, пала

И с почетом усадила на ковер с собой,
Кудри гостью оросила розовой водой,

Сотрапезником любезно сделала его,
Ибо дело гостелюбья всюду таково.

Были царственные яства дивно хороши.
Вскоре стал гранатный кубок — пищею души.

И когда они довольно выпили вина,—
Из души была стыдливость ими изгнана;

И когда стыда преграда пала — сметена,—
Во сто крат милей Махану стала та луна.

Девушка пред ним сидела, как в цвету весна,
Как китайская картина, прелести полна.

Грудь мягче молодого творога у ней,
Слаще сахара и меда, молока нежней.

Яблоки ланит — услада для живых сердец,
Где под кожей — сок багряных роз и леденец.

Вся она, как ртуть живая или как ручей,
А глаза светлей и ярче пламенных свечей.

Средь подруг своих сияет, как свеча, она,
Взглядом насмерть поражает без меча она.

Полною луной блистает горяча — она,
Двери сердца отмыкает без ключа она.

Во сто тысяч раз в Махане страсть к ней возросла.
Розу уст ее сосал он, как сосет пчела.

И когда рука Махана стан ей обвила,
Диво-дева застыдилась, взоры отвела.

Но как розу прижимает к сердцу соловей,
Он прижал Китая чудо ко груди своей.

А когда взглянул на этот сладостный поток,—
Он от ужаса дыханье перевести не мог.

Перед ним — от пят до пасти скался — сидит
Порожденный божьим гневом адский дух ифрит.

По рогам — свирепый буйвол, по клыкам — кабан.
Не дракон — страшней дракона, это — Ахриман!

От надира до зенита пасть его разъята;
А спина — спаси нас боже! — как гора горбата.

Словно лук, хребет зубчатый выгнут; рачья морда.
На сто верст кругом зловонье от него простерто.

Нос, как печь, где обжигают кирпичи огнем.
Пасть — как чан, где известь гасят, чтобы красить дом.

Губищи ифрит разинул, словно крокодил;
Гостя ухватил, колючей грудью придавил,

Целовал в лицо смердящей пастью и душил
Смертным духом и, целуя, гостю говорил:

«А-а! Ты в лапы мне попался! Грудь твою сейчас
Разорву! Гулял сегодня ты в последний раз.

Ты меня хватал руками, зубы в ход пускал,
Ты мне нежный подбородок, губы целовал!

Видишь: когти — словно копья, зубы — как ножи!
Где еще такие зубы ты видал — скажи?

Ах, как горячо сначала страсть твоя пылала,
А теперь куда девалась? Почему пропала?

Эти губы — те же губы, полные огня,
Личико мое — все то же, так целуй меня!

Не пируй в кругу коварных, где царит позор!
Дома не снимай, в котором управитель вор!

Слушай, пьяница, гуляка, что я говорю:
Если страшного с тобою я не сотворю,

Снова я красоткой стану, а не тем, что есть;
Только этого позора мне не перенести!»

Так шутил и издевался злобный див над ним,
Хохотал, пускал из пасти то зловонный дым,

То огонь в лицо Махану. И увидел он:
Что красавицею было, то теперь — дракон.

Среброногая внезапно стала вепреногой
Гадиной — с хвостом воловьим, черной и двурогой.

И, упав, под тем драконом он лежал, крича,
Как дитя. Текла от страха из него моча.

Как ребенок, что до смерти чем-то напугался,
Словно женщина, у коей с болью оторвался

Плод живой от пуповины, — так Махан кричал.
А дракон, его целуя, пламя изрыгал.

Но едва забрезжил смутно темный край небес
И пропел петух далекий, сгинул черный бес.

Ночь ушла, влача с собою черный шелк завес.
Дымом унеслись виденья, пышный сад исчез.

Ниц поверженный, лежал он у дверей дворца.
Сокрушался, предавался горю без конца.

И от зноя дня в сознание он пришел. И вот
Осмотрелся: горе! видит свалку нечистот.

Видит он на месте рая — раскаленный ад.
Нет свирелей, лишь стенанья ужаса звучат.

Ну, а то, что прошлой ночью он дворцом считал,
Стало грудой безобразно взгроможденных скал.

Стал кустарником колючим благовонный сад,
А взамен суфы лишь камни голые лежат.

Грудки птиц, плоды и спины жареных козлят
Стали падалью зловонной, гнусною на взгляд.

Стали руды и свирели тех ночных певцов
Грудю костей верблюдов и степных ослов.

Сделался гнилою лужей чистый водоем.
Все, что с блюда золотого ел он за столом,

И вино, что пил вчера он, это — бог с тобой! —
Это было только мерзость, и навоз, и гной.

Вонью стал благоухавший на столе рейхан.
Вновь запутался в невзгодах мученик Махан;

Стал молиться. В путь пуститься сил он не имел,
Но и оставаться в месте страшном не хотел.

«Удивительное дело, — он себе сказал, —
Это что за круг, в который я теперь попал?

Прошлой ночью пировал я в сказочном саду,
А сегодня вижу снова ужас и беду.

Чем в руках пышнее роза, тем острее шипы.
Вот так урожай приносят нам сады судьбы!

Тот, кто счастьем обладает, разве знает он,
Что луною обернется рядом с ним дракон.

Девы те картин китайских во сто раз прекрасней
Были, а внезапно стали демонов ужасней.

Кожа нежная скрывает кровь, — а посмотри:
Вне — вино благоухает, но навоз — внутри.

Легковерный, что змеинный камень покупал, —
Брал змею в свой дом, а камень лишь воображал.

И когда глядит невежда в мир, в сухой мешок, —
Он за мускус принимает дерева кусок...»

И Махан несчастный думал: «Лишь уйду от зла,
Изберу я целью жизни добрые дела!»

Брел он, горькими слезами щеки обливал,
Каялся, что не всечасно справедлив бывал.

Чистых вод достигши, слезы смыл и пот с лица.
Униженно пал на землю и молил творца:

«Вяжешь ты и разрешаешь! Боже, развяжи
Узел бед моих,— дорогу к дому укажи!

Указующий правдивым верные пути,
Мне — идущему стезею темной — посвети!»

Так, в молениях простертый, долго он лежал.
Наконец, лицо поднявши, путник увидал

Пред собою человека,— был он, как нисан,
Весь в зеленом, словно утро свежее, румян.

И Махан спросил: «О, кто ты, в этот горький час
Мне явившийся? О, кто ты, ясный, как алмаз?»

Тот сказал: «Я — Хызр, скорбящий о твоей судьбе,
Я пришел, благочестивый, чтоб помочь тебе.

Донеслись твои обеты к сердцу моему,
И они тебя доставят к дому твоему;

Будь им верен! Крепче руку мне сожми рукой
И закрой глаза — и снова через миг открой».

В руку Хызра, не замедля, руку он вложил;
И глаза свои зажмурил, и тотчас открыл.

Там, откуда был впервые дивом уведен,—
В тот саду благословенном очутился он.

Он открыл калитку сада, в свой дворец пришел,
И друзей в молчанье, в скорби у себя нашел.

Каждый в синей был одежде — скорби знак по нем.
Он о горестном поведал им пути своим.

Люди, что его любили, с ним душой сжились,
Милого оплакивая, синим облеклись.

А Махан во всем согласным с ними быть хотел:
Он лазурные одежды на себя надел.

Цветом бирюзы до смерти был он облачен;
Цветом времени покрылся, словно небосклон.

Высота небес одежды лучшей не нашла.
И лазурный шелк одеждой вечной избрала.

У людей, что избирают цвет лазурный неба,
Солнце на столе сияет, как лепешка хлеба.

Голубой цветок, что платье носит голубое,
Сердцевиною имеет солнце золотое.

И куда свой огнезарный лик ни устремит
Солнце, — все цветок лазурный на него глядит,

И любой цветок, что цветом голубым цветет, —
«Поклоняющимся солнцу» Индия зовет.

А когда луной Магриба сказ окончен был,
Шах в объятия с любовью пери заключил.

РУМИЙСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ШЕСТАЯ

Четверг

День четверг ничем от века злым не омрачен,
Муштари — планете светлой — древле посвящен.

Лишь сандаловый с зарею за клубился прах,
В цвет сандаловый оделся утром славный шах.

Из чертогов бирюзовых золотом тропы
Он к сандаловым чертогам устремил стопы.

И царевною румийской чистое вино,
Словно гурией, Бахраму там поднесено.

И пока не омрачился ясный небосклон,
В том сандаловом чертоге веселился он.

Только сфера цвета кохля, встав из океана,
Перлами наполнила пасть Левиафана, —

Ту, которая в прекрасном Руме расцвела,
Попросил Бахрам, чтоб с сердца пыль она смела.

Юная княжна морщинки согнала с чела
И из финика источник сладкий извлекла.

Так сказала: «Дух вселенной жив душой твоей,
Первый ты из падишахов, славный царь царей.

Больше, чем песка в пустыне и воды в морях,
Дней счастливых в этой жизни да получит шах!

Ты, как солнце, свет даруешь, троны раздаешь.
Я боюсь, что для рассказа слог мой нехорош.

Все же, если сердцу шаха надобна утеха,
И шафрана съест сегодня хочет он для смеха,

Я раскрою свиток — пусть он писан вкривь и вкось,
Может быть, развеселится мой прекрасный гость.

Может быть, ему по вкусу боль моя придется,
И запомнится, и в сердце долго не сотрется».

Завершила славословье юная луна,
И поцеловала руку шахскую она.

СКАЗКА

Двое юношей, покинув как-то город свой,
По делам торговым в город двинулись иной.

Первый звался — Хейр, что значит — Правда. А другой —
Шерр, что значит — Кривда. Каждый в жизни шел стезей

С именем своим согласный. Путь их был далек.
Хейр в пути свои припасы ел, а Шерр берег.

Так, идя, они вступили через два-три дня
В знойную пустыню, словно в полную огня

Печь огромную, где бронза плавилась как воск,
В голове вскипал от зноя пышущего мозг.

Ветерок степной ланиты обжигал огнем,
Не было воды в пустыне, — ведал Шерр о том,

И в дорогу мех немалый он воды припас
И берег его, как жемчуг, не спуская глаз.

Хейр пустыней шел беспечно и не ждал беды,
И не знал он, что в пустыне этой нет воды.

Он в ловушку, как в колодец высохший, попал.
День седьмой уже дороги трудной наступал.

Кончилась вода у Хейра. А у Шерра был
Мех воды, что он от взглядов друга утаил.

Видел Хейр, что Шерр коварный, полный водоем
У себя воды скрывая, пьет ее тайком

Как благоухающее светлое вино.
Он, хотя сгорал, палимый жаждою давно,—

Губы до крови зубами начинал кусать,
Чтоб язык от недостойной просьбы удержать.

Так терзался Хейр, когда он на воду глядел,
И как трут, от страшной жажды иссыхал и тлел.

Два прекрасных чистых лала он имел с собой,
Их вода ласкала зренье блеском и игрой,—

Так сияла ярко влага — в лал заключена.
Но была усладой взгляда, а не уст она.

Вынул Хейр свои рубины, Шерру предложил,—
На песок, впитавший воды, камни положил.

«Друг! Спаси меня,— сказал он,— от лихой беды!
Я от жажды умираю... Дай глоток воды!

Естество мое водою чистой освежи,
А взамен — мои рубины в пояс положи!»

А жестокий Шерр,— да грянет божий гром над ним,—
Развернул пред Хейром свиток с именем своим.

Он сказал: «Из камня воду выжать не трудись,
И, как я, от обольщений ты освободись.

Без свидетелей рубины ты мне хочешь дать,
Чтобы в городе на людях взять себе опять?

Я не глуп! Я на приманку эту не пойду.
Я, как див, кого угодно сам в обман введу.

Сотни хитростей, хитрее в сто раз, чем твоя,
Над хитрейшими когда-то сам проделал я.

Мне такие самоцветы не накладно взять,
Коиx ты не сможешь позже у меня отнять!»

«Молви, что за самоцветы?— Хейр его спросил.—
Чтоб я за воду скорее их тебе вручил!»

«Это пара самоцветов зренья твоего!—
Шерр сказал.— И нет ценнее в мире ничего.

Дай глаза мне и водою жар свой охлади.
Если ж нет,— от сладкой влаги взгляды отведи

И не жди! Не дам ни капли!» Хейр сказал: «Земляк!
Неужель меня на муки и на вечный мрак

За глоток воды осудишь? Сладостна вода
Жаждущим! Зачем же очи вырывать тогда?

Ты счастливее не станешь, я же, свет очей
Потеряв, несчастным буду до скончанья дней.

О, продай за деньги воду! Всю казну мою,—
В том расписку дам,— тебе я здесь передаю,

И такую сделкой счастлив буду весь свой век.
Дай воды, глаза оставь мне, добрый человек!»

Шерр ответил: «Эти басни слышал я не раз.
У тебя, видать, немалый шуточек запас.

Мне глаза нужны! Что толку мне в твоей казне?
Для меня глаза рубинов выше по цене!»

Растерялся Хейр и понял, что он здесь умрет,
Что из огненной пустыни ног не унесет.

Он взглянул на мех с водою, сердца не сдержал
И, вздохнув, промолвил Шерру: «Встань, возьми кинжал,

Огнецветные зеницы сталью проколи!
И за них огонь мой влагой сладкой утоли!»

Молвив так, имел надежду Хейр в душе своей,
Что не выколет угрюмый Шерр его очей.

Но клинок в руке у Шерра мигом заблестел.
Он к измученному жаждой вихрем подлетел,

В светочи очей стальное жало он вонзил
И не сжалился — и светоч зренья погасил.

Сталью дал он двум нарциссам — розы цвет кровавый
Словно вор выламывает лалы из оправы,—

Яблоки глазные вынул он своим клинком,
Но потом не поделился влагой со слепцом.

Платье, ценности, пожитки отнял у него
И безглазого беднягу бросил одного.

Понял Хейр, что вероломным Шерром брошен он.
Жженьем ран палим и жаждой, наг, окровавлен,—

Он упал на раскаленный огненный песок.
Хорошо еще, что видеть он себя не мог.

Некий из старейшин курдских, знатный муж, тогда
От него неподалеку гнал свои стада.

Без числа у курда было доброго скота.
Кони — вихрь, верблюды — чудо, овцы — красота!

Курд, как ветер, друг равнины, легкий странник гор.
Он блуждает по пустыням, любит их простор.

Место, где трава и воды есть, облюбывал
И на месте том недолгий делает привал.

А съедят траву и воду выпьют наконец,—
Дальше гонит он верблюдов, коней и овец.

Этот курд случайно, за два дня до злодеянья,
Там, как лев, расправить когти возымел желанье.

Дивной красоты имел он молодую дочь.
Родинка у ней — индеец, очи — словно ночь.

У отца родного в неге дева возросла,
Под палящим небом степи розой расцвела.

Как тяжелые канаты, за собой влекла
Косы цвета воронова черного крыла.

Кудри тенью осеняют золото ланит.
Лик у выросшей на воле свету дня открыт.

Взгляд ее чудесным блеском души обжигал,
Силу дивов, обольщенья рока побеждал.

Тот, кто в сети вавилонских чар ее попал,
Счастлив был и лучшей доли в мире не желал.

Черноту в кудрях у девы — полночь обрела.
А луна у лика девы свет займы брала.

Вот она кувшин с высоким горлышком взяла,
К потаенному колодцу за водой пошла.

Доверху кувшин холодной налила водой,
На плечо его поставив, понесла домой

И внезапно услышала стоны вдалеке.
И пошла и увидала Хейра на песке,—

Весь в крови, в пыли лежал он, раной истомлен,
И стонал от жгучей боли, и метался он,

Бил руками и ногами оземь, умолял
Бога, чтоб от мук избавил, смерть скорей послал.

И, беспечная, беспечность мигом позабыв,
Подошла к нему с участием, ласково спросив:

«Молви — как сюда попал ты? Кто ты — объяви,
Здесь без помощи лежащий, весь в пыли, в крови?»

Кто насилие такое над тобой свершил?
Молви, кто тебя коварством адским сокрушил?»

Хейр сказал: «Земная, с неба ль ты — не знаю я;
Повесть необыкновенна и длинна моя.

Умираю я от жажды; зноем я спален:
Коль не дашь воды — я умер; напоишь — спасен.

И ключом спасенья стала дева для него.
Чистой влагой оживила Хейра естество.

Освеженный, ободренный, как живую воду,
Воскрешающую мертвых, — он простую воду

Пил; и ожил понемногу в нем увядший дух.
Тем был счастлив и случайный мученика друг.

Из орбит глаза, злодеем вырванные — вновь
Дева в гнезда их вложила; хоть покрыла кровь

Их белки и туз их белый рделся, как порфир,
Цел был яблоки глазные облекавший жир.

И, глаза вложив в глазницы, дева наложила
Чистую на них повязку. Сил еще хватило

У него подняться с места с помощью своей
Избавительницы милой и пойти за ней.

Жалостливая — страдальца за руку взяла
И, поводырем слепому ставши, повела

К месту, где шатер отцовский, словно снег, сиял
Посреди песков и голых раскаленных скал.

Нянюшке, которой было все доверить можно,
Поручив слепца, сказала: «Нянька! Осторожно —

Чтоб ему не стало хуже — гостя доведи
До шатра!» И побежала быстро впереди.

И, войдя в шатер прохладный — к матери своей,
Все, что видела в пустыне, рассказала ей.

Мать воскликнула: «Зачем же ты с собой его
Не взяла? Ведь там загубит зной дневной его!

Здесь же для него нашлось бы средство, может быть,
Мы б несчастному сумели муки облегчить!»

Девушка сказала: «Мама, если не умрет
У порога он, то скоро он сюда придет.

Я его и напоила и с собой взяла».
Тут в шатер просторный нянька юношу ввела.

Хейр усажен на подушки и обласкан был,
Отдохнул и отдышался, голод утолил.

Жаждой, ранами и зноем изнуренный, он
Голову склонив, невольно погрузился в сон.

Из степей хозяин прибыл вечером домой,
Необычную увидел вещь перед собой.

Он устал, проголодался долгим жарким днем,
Но при виде раненого желчь вскипела в нем.

Словно мертвый, незнакомец перед ним лежал.
Курд спросил: «Отколь несчастный этот к нам попал?

Где, зачем и кем изранен он так тяжело?»
Хоть никто не знал, что с гостем их произошло,

Но поспешно рассказали, что его нашли
С вырезанными глазами, одного, вдали

От жилья в пустыне знойной. И сказал тогда
Сострадательный хозяин: «Может быть, беда

Поправима, если целы оболочки глаз.
Дерево одно я видел невдали от нас.

Надо лишь немного листьев с дерева сорвать,
Растереть те листья в ступке, сок из них отжать.

Надо место свежей раны смазать этим соком,
И слепое око снова станет зрячим оком.

Там, где воду нам дающий ключ холодный бьет,—
Чудодейственное это дерево растет.

Освежает мысли сладкий дух его ветвей.
Ствол могучий раздвоился у его корней;

Врозь расходятся широко два ствола его,
Свежие, как платья гурий, листья одного

Возвращают зренье людям, горькой слепотой
Пораженным. А соседний ствол покрыт листвою

Светлой, как вода живая. Он смиряет корчи
У страдающих падучей и хранит от порчи».

Только эту весть от курда дочка услышала,—
Со слезами на колени пред отцом упала,

Умоляя, чтоб лекарство сделал он скорей.
Тронут был отец мольбами дочери своей;

К дереву пошел и вскоре листьев горсть принес,
Чтоб от глаз любимой дочки воду горьких слез

Отвести, а воду мрака вечного — от глаз
Юноши. И молодая дева в тот же час

Листья сочные со тщаньем в ступке измельчила,
Осторожно, без осадка, сок их отцедила.

Юноше в глаза пустила чудодейный сок.
Крепко чистый повязала на глаза платок.

Тот бальзам страдальцу раны, словно пламя, жег.
Лишь под утро боль утихла, и больной прилег.

Так пять дней бальзам держали на его глазах
И повязку не меняли на его глазах.

И настал снимать повязку час на пятый день.
А когда лекарство смыли с глаз на пятый день,

Видят, чудо! Очи Хейра вновь живыми стали.
Стал безглазый снова зрячим, зорким, как вначале.

С ликованием зеницы юноши раскрылись,
Словно утром два нарцисса свежих распустились.

А давно ль с волом, вертящим жернов, схож он был!
Горячо хозяев милых он благодарил.

И с мгновенья, как открыл он зрячие зеницы,—
Мать и дочь сердца открыли, но закрыли лица.

Дочка курда полюбила гостя своего
От забот о нем, от страхов многих за него.

Кипарис раскрыл нарциссы вновь рожденных глаз,—
И сокровищница сердца в деве отперлась.

Сострадая, возлюбила юношу она,
А прозрел — и вовсе стала сердцем не вольна.

Гость же для благодарений слов не находил
И за многие заботы деву полюбил.

И хоть никогда не видел он лица ее,
Но прищельцу раскрывалась вся краса ее

В легком шаге, стройном стане и в очах ее,
Блещущих сквозь покрывало, и в речах ее

Сладких — к гостю обращенных... Ласка рук ее
Часто гостю доставались. Новый друг ее

Был прикован к ней могучей властью первой страсти.
Дева — к гостю приковалась,— это ли не счастье?

Что ни утро — Хейр хозяйский покидал порог.
Он заботливо и мудро курда скот берег.

Зверя хищного от стада отгонять умел.
Ввечеру овец несчетных в гурт собрать умел.

Курд, почуяв облегченье от забот, его
Управителем поставил дома своего

И добра. И стал он курдам тем родней родни,
И взялись допытываться в некий день они,

Что с ним было, кем в пустыне был он ослеплен.
И от них не скрыл он правды. Им поведал он

Все — и доброе и злое, с самого начала:
Как у друга покупал он воду за два лала,

И о том, как вырвал сталью Шерр алмазы глаз,
И, коварно ослепивши, бросил в страшный час

Одного его в пустыне и, воды не дав
Ни глотка,— ушел, рубины у него украв.

Честный курд, лишь только повесть эту услышал,—
Вознеся молитву неба, в прах лицом упал,

Возблагодарил Яздана, что не погубил
Юношу, что цвет весенний в бурю сохранил.

Женщины, узнав, что этот ангелоподобный
Юноша исчадьем ада мучим был так злобно,—

Всей душою привязались к гостю своему.
Слугам дочь не позволяла услужить ему,

А сама у них и яства и кувшин брала,
Воду Хейру подавала, а огонь пила.

И пришлец без колебаний отдал сердце ей,
Ей — которой был обязан жизнью он своей.

И когда он утром в степи стадо угонял,
Вспоминал о ней с любовью, с грустью вспоминал.

Думал он: «Не дружит счастье, вижу я, со мной.
Нет, не станет мне такая девушка женой.

Беден я, она — богата, совершенств полна.
Ей немалая на выкуп надобна казна.

Я — бедняк, из состраданья принят ими в дом...
Как же можно о союзе думать мне таком?

От того, чего я жажду и чему не быть,—
Без чего мне жизнь не радость,— надо уходить».

В размышлениях подобных он провел семь дней.
Как-то вечером пригнал он стадо из степей.

Перед курдом и любимой он своею сел.
Словно нищий перед кладом, перед нею сел,

Словно жаждущий над влагой, жаждущий сильней,
Чем когда лежал, томимый раною своей.

И во всем он им признался. Через брешь его
Сердца — скорбное открылось Хейра существо

Перед курдом. Хейр промолвил: «О гостелюбивый
Друг несчастных и гонимых! Ты рукой счастливой

Оживил мои зеницы, горькой слепотой
Пораженные! Мне снова жизнь дана тобой!

Ел и жажду утолял я с твоего стола,
Жизни чистый хлеб вкушал я с твоего стола.

Осмотри внутри, снаружи осмотри меня:
Кровью всей моей, всей жизнью благодарен я!

Отдарить же я не в силах, — в том моя вина.
Голову мою в подарок хочешь? Вот она!

Мне в беспечности отныне стыдно пребывать
И твоею добротою злоупотреблять.

Ведь за то добро, что здесь я получил от вас,
Неимущий — я не в силах отплатить сейчас.

Может, смилуется вечный надо мною бог:
Даст мне все, чтоб я пред вами долг исполнить мог.

Затоскую, лишь от милых сердце удалю...
Но уволь меня от службы, отпусти, молю!

Много дней, как я оторван от краев родных,
От возможностей немалых и трудов своих.

Завтра поутру собраться я хочу домой...
Хоть от вас и удаляюсь, но всегда душой

Буду с вами я, о ясный свет моих очей!
Я душой прикован к праху у твоих дверей.

Я уйду, но ты из сердца Хейра не гони.
Хоть и буду я далеко, Хейра не вини

За уход! Великодушья разверни крыла,
Чтобы память сожаленьем душу мне не жгла».

Лишь на этом речь окончил юноша свою, —
Будто бы огонь метнул он в курдскую семью.

Все сошлись к нему. Рыдания, стоны поднялись.
Вздохи слышались, и слезы по щекам лились.

Плачет старый курд. Рыдает дочка вслед за ним.
Стали мокрыми глаза их, мозг же стал сухим.

Кончили рыдать, в унынье головы склонив, —
Старый курд сидел в раздумье долгом, молчалив...

Поднял голову с улыбкой. Он, казалось, был
Озарен счастливой мыслью. Он освободил

Свой шатер от посторонних — пастухов и слуг,
И сказал: «О мой разумный, благонравный друг!

Может, прежде, чем достигнешь города родного,
Встречными в пустыне будешь ты обижен снова!

Жил ты — окружен заботой, как родной, у нас.
Был, как приведенный небом и судьбой у нас.

Добрый же своих поводыев злу не отдает
И друзей от всяких бедствий зорко бережет.

Дочь одна лишь — дар бесценный бога у меня.
Сам ты знаешь. А богатства много у меня.

Дочь услужлива, любезна и умна она.
Я солгал бы, коль сказал бы, что дурна она.

Спрятан мускус, но дыханьем внятен для людей,
И чадрой — красы не скроешь дочери моей.

Если, друг, ты расположен к нам душой своей,
Сыном стань моим и мужем дочери моей.

Избираю нашей дочке я тебя в мужья.
Чтобы жили вы безбедно, дам богатство я,

И в покое, в ласке, в счастье буду я средь вас
Жить, покамест не наступит мой последний час!»

Только Хейр такое слово курда услышал,
Радостный, лицом на землю он пред ним упал.

Весело они беседу в полночь завершили.
Разошлись и в благодушие, в мире опочили.

Лишь проснулось утро, словно шахский часовой,
И в степи запела птица, словно золотой

Колокольчик часового, и на трон высокий,
Со счастливым гороскопом, сел султан востока,—

Встал отец добросердечный первым с ложа сна
И устроил все, чем свадьба у людей красна.

Дочь свою с любовью Хейру отдал поутру,
Пир устроил — с Утаридом повенчал Зухру.

Ожил вялый цвет, от жажды умиравший дважды,
И в живой воде нашел он утоление жажды.

Жаждущему сладкоустый кравчий дал во благо
Влагу слаще и целебней, чем Ковсара влага.

И они в довольстве жили — дружною четой.
И обычай древних чтили — простоты святой.

Старый курд свои богатства — нет и счета им —
Дал как свадебный подарок дорогим своим,—

И шатры и стадо — морем блеющим вдали
Льющееся — во владенье к Хейру перешли.

А когда воды и корму стало не хватать,
То они решили дальше в степь откочевать.

Хейр к чудесному живому дереву тому,
Листья коего вернули зрение ему,

С утренней пришел зарею; и не с одного,
Возвращающего зренье, с двух стволов его,

В две сумы хурджина, листьев он нарвал запас
Самых свежих, что раскрылись в предрассветный час.

И от слепоты лекарство он в суме одной
Положил, а лист от черной немочи — в другой.

И пришли они в столицу на вторую ночь.
Там падучею страдала падишаха дочь.

Многие помочь хотели. И никто помочь
Ей не мог. Свои, чужие лекаря — не прочь

Были попытаться выгнать бесов из нее.
Тщетны были их усилья, чары и питье.

Шах сказал: «Кем дочка будет спасена моя,
Говорю — того с охотой я возьму в зятя.

Если ж явится обманщик, чтоб красу моей
Дочери увидеть, и в болезни не поможет ей

По невежеству, — так пусть он ведает сперва,
Что отрублена невежде будет голова».

И, глубоко огорченный, тысячам врачей
Головы отсек властитель в ярости своей.

Весть об этом по окрестным странам пронеслась.
Все же многие, наградой царскою прельстясь,

Шли, охвачены безумьем, счастья попытать
И на плахе под секирой головы терять.

Слыша, что больна падучей падишаха дочь,
Хейр, исполнясь состраданьем, ей решил помочь.

Написал посланье шаху: «Я могу смести
Тернии мучений горьких с вашего пути.

جاده درختی که در پیشگاه	نیز منتهی می شود	جاده را که در دو طرف	بر روی نیت منتهی می
تبه منتهی می شود	منتهی می شود	بوی منتهی می شود	منتهی می شود
بزرگان منتهی می شود	از یک پی برین می است	منتهی می شود	منتهی می شود
منتهی می شود	منتهی می شود	منتهی می شود	منتهی می شود
منتهی می شود	منتهی می شود	منتهی می شود	منتهی می شود

نور درین نور	نور درین نور	نور درین نور	نور درین نور
--------------	--------------	--------------	--------------

Дочь твою я совершенно исцелить берусь.
Я исполню обещанье, в том тебе клянусь.

Твой нижайший раб условие ставит наперед:
Так как к вам меня не алчность низкая ведет,

А одно лишь состраданье, — шах, я излечу
Дочь твою во имя бога. Но — я не хочу

Никаких наград». Посланье получил его
Шах и в тот же день к престолу допустил его.

Все поклоны по закону Хейр пред ним свершил.
«Благородный иноземец, — шах его просил, —

Назови твое мне имя». — «Хейр зовуся я.
Так меня звезда когда-то нарекла моя».

Вещим признаком, приметой доброй имя это
Показалось падишаху. «О посланник света,

Пусть же добрым будет дела этого конец!..
Приступай скорей к лечению!» — молвил шах-отец.

Приближенному затем он поручил его,
Чтобы тот в покой дочерний проводил его.

Хейр увидел лик, как солнце, яростно-красивый,
Кипарис, от страшных корчей ставший гибче ивы.

Деву, схожую в мученьях с разъяренным львом,
Сна не знающую ночью, передышки — днем.

Из целебных листьев тут же сделал Хейр питье.
Тем питьем прохладно-сладким напоил ее.

Был порыв свирепых корчей умиротворен
Тем лекарством. И царица погрузилась в сон.

Хейр, увидев, что весенний цвет спокойно спит
И от вихрей раскаленных недуга укрыт,

Из дворца домой пришел он с радостным лицом.
Дочь царя, три дня проспавши мирным крепким сном,

На четвертый утром встала; кротко и безгневно
Оглядела всех. Здоровой сделалась царевна.

Падишах, чуть только вести эти услышал,
Босиком в чертог дочерний мигом побежал.

На престоле, средь чертога, дочь увидел он,
Понял он, что снова разум дочке возвращен.

Небо возблагодарил он. Молвил: «Дочь моя,
Вижу я — ты светлый разум избрала в мужья!

Счастлив я тебя здоровой видеть — о мой друг!
Как же чувствуешь себя ты после стольких мук?»

Дочь присутствием отцовским смущена была,
Поклонения по чину шаху воздала.

Вышел царь, его призвали важные дела.
Радость велика была в нем, а печаль — мала.

А царевна, чуть от ближних девушек узнала,
Кто ее от мук избавил, — весть царю послала:

«О родитель! Я читала в списке царских дел,
Что отец мой обещанья исполнять умел.

Если тем, кому он в гнев головы снимал,
Шах исполнил неуклонно то, что обещал, —

Так и с лекарем, достойным царского венца,
Договор исполнить нада честно, до конца.

Тысячи голов упали под мечом твоим,
Пусть возвысится одна лишь под венцом твоим.

Он от демонов недуга защитил меня,
От мучений несказанных исцелил меня.

Презирать его нельзя нам, о мой властелин!
И поверь: мне в целом мире пара — он один».

Падишах такие ж мысли, как и дочь, имел.
И свое он обещаенье выполнить хотел.

И искать повсюду стали Хейра в ту же ночь.
И в степи его догнали, уходящим прочь

От столицы со стадами. Будто перл нашли,—
Рады были. И мгновенно к шаху привели.

Шах сказал: «О величайший человек земли!
Молви: почему от счастья держишься вдали?»

И халат, ценой в полцарства, с своего плеча
Шах обрадованный гостю отдал сгоряча.

Одеяний и уборов множество своих,
Пояс царственный и посох в лалах дорогих.

И велел украсить город множеством завес
Золотых, блестящих ярче утренних небес.

А царевна, встав на кровле замка, с вышины
Видит юношу-красавца с обликом луны,

Удалого, с тонким станом и свежей весны;
Кудри — ночь; усы, как мускус дорогой, черны.

По желанью падишаха и царевны — он
Стал ей мужем. Шерр коварный этим посрамлен.

Дверь в сокровищницу пери отворил султан,
И печать на тайном свитке сокрушил султан.

И потом — блаженством вволю душу напитал,
Красоты, добра страницы — без конца читал.

Был у шаха одаренный разумом вазир,
Муж — заботою о царстве удивлявший мир.

Дочь имел. У ней, как ворон, волосы черны.
Щеки, словно кровь на снеге, у нее красны.

Щеки, кудри — ворон, на снег павший с вышины
От стрелы. Но — оспа выжгла очи у луны.

Умолял вазир пришельца. И была она
Хейром из слепой, убогой вновь превращена

В зрячую. И, обещанью отчему верна,
К Хейру в дом вошла, как третья юная жена.

Погляди же — сколько перлов ценных просверлил
Этот лал; и трон Хосрова вскоре получил.

То у дочери вазира он весь день сидел,
Находя на все согласие, что б ни захотел.

То два дня у дочки шаха — ибо ведь она
Солнце, а вазира дочка перед ней — луна.

То три дня у курдской дочки, в радостях. Ведь он
Ею был от жажды, смерти, слепоты спасен.

Так, играя в нарды, трижды мир он обыграл,
Хейру трон над полумраком рок в награду дал;

Так, что царство старца-тестя с городом его —
Стало частью государства нового его.

Как-то вышел Хейр-властитель на рассвете в сад,
Чтобы сердцем освежиться и утешить взгляд.

Небеса, судьбою Шерра гнусного владея,
Занесли клинок разящий над главой злодея.

С неким городским торговцем в сделку Шерр вступал
Возле сада. Чуть увидел — Шерра Хейр узнал.

Страже приказал: «Тотчас же, лишь закончит он
Разговоры там, да будет к нам он приведен!»

Он под свежей сенью листьев сел невдалеке.
Рядом курд стоял, тяжелый меч держа в руке.

Шерр пришел, морщины злобы он с лица согнал.
Хейра не узнал, пред Хейром прах поцеловал.

Хейр спросил: «Эй, незнакомец! Как ты звался встарь?»
И ответил Шерр: «Зовусь я Странником, о царь!

Ловок я во всех деяньях». — «Имя назови! —
Хейр ответил. — Иль омойся в собственной крови!»

Шерр в ответ: «О царь! Хоть чашу поднеси, хоть меч
Вынь, но имени иного не могу изречь!»

Молвил Хейр: «Подлец! Душою перестань кривить!
Кто захочет, каждый может кровь твою пролить.

Знаю я: ты — Шерр — гнуснейший на земле злодей,
Изверг ты, достойный клички дьявольской своей!

Ну, гляди, ублюдок ада, вспомни: это ты
Вырвал жаждущему очи за глоток воды

И в пустыне, где ни капли влаги нет, ни тени,
Без воды его покинул в тысячах мучений.

Драгоценности, одежду взял ты у него
И несчастного в пустыне бросил одного.

Знай: я — Хейр, и я тобою был лишен всего.
Только счастье Хейра живо, а твое — мертво!

Думал ты тогда в пустыне, что убил меня,
Но от смерти вседержитель защитил меня.

Видишь: я в беде защиту у небес нашел,
Дали мне они корону, царство и престол.

Но хоть жив я, ты убийцей все же наречен
И за все твои злодеяния — казни обречен».

Шерр едва взглянул, не веря собственным глазам,
Хейра он узнал и наземь пал к его ногам.

Завопил: «О шах правдивый, милость сотвори!
Не гляди на злодеянья злого! Но — смотри:

Правдою — тебя, меня же Кривдой нарекли,
И — по воле неба — розно в жизни мы пошли.

Мной злодейский был поступок совершен, но он
От рожденья был судьбою предопределен.

Ты же в день, когда я небом мстительным гоним,
Поступи со мной в согласие с именем твоим!»

Вспомнил Хейр, что он зовется «Добрый», и решил
Отплатить добром,— и Шерра с миром отпустил.

От меча его свободу Шерр едва обрел,
В радости из сада шаха он летел — не шел.

Но помчался кровожадный курд с мечом за ним,
Голову срубил злодею он мечом своим.

Молвил курд: «Хоть мыслит благо добрый Хейр, но
Зло. Да будут двери ада злому отперты!» ты —

Труп обшарив, в кушаке он сразу отыскал
Те два лала, что у Хейра Шерр в степи украл.

Взял и отдал самоцветы Хейру и сказал:
«Лалы к лалу воротились!» Шах поцеловал

Друга доброго, за верность поблагодарил
И ему два эти лала тут же подарил.

И потом, к своим зеницам пальцы приложив,
Молвил: «Ты вернул мне зренье. Я тобою жив.

Воротил глазам незрячим ты желанный свет.
За твое добро достойной платы в мире нет!»

И устроилось счастливо все, как Хейр хотел.
И народ благоденья от него узрел,

Ибо в той стране, где правду властелин хранит,
Делается терн плодами, золотом — гранит,

И железо обретает свойства серебра.
Свет зениц живой у Хейра ожил для добра.

Справедливость — нерушимый был закон его,
И стоял непоколебимо в мире трон его.

Листья с дерева целенья, что с собой он взял,
Людям страждущим на благо он употреблял.

А порой, коль не хватало вдруг листа ему,
К дивному он отправлялся дереву тому.

Под густой его листвою спешивался он
И степям, его взрастившим, отдавал поклон.

Он сандаловому дереву благодарен был,
Одеянье соком древа ярко расцветил.

Все, чем окружал себя он, украшал сандал,
Запахом сандала шахский дом благоухал.

Скорбь любую дух сандала исцелит в тиши.
Есть в дыхании сандала признаки души.

Ты вдохнешь его — и боли головной конец,
Он смиряет лихорадку и огонь сердец».

Так на ломаном иранском языке рассказ
Кончила тюрчанка Чина в полуночный час.

Шах Бахрам ее с любовью обнял, поместил
Внутрь души и от дурного глаза защитил.

И Р А Н С К А Я Ц А Р Е В Н А

П О В Е С Т Ъ С Е Д Ы М А Я

Пятница

В пятницу, когда светило, вставши из-за гор,
Белым светом озарило ивовый шатер,

Шах — в одежде белой, в блеске белого венца —
Устремил шаги к воротам белого дворца.

В пятом знаке Зодиака белая Зухра
Пять поклонов пред Бахрамом отдала с утра.

И покамест не напали зинджи на Хотан,
Шах счастливый не покинул радостей майдан.

А когда сурьмой небесной сумрак обострил
Взгляд луны прекрасноликой и глаза светил,

Стал Бахрам подругу ночи нежную просить —
Сладостный рубин речений перед ним открыть,

Чтобы эхом, отраженным от дворцовых стен,
Пела повесть, забирая слух и сердце в плен.

И царевна, славословье трону вознеся
И о шахском долголетье небосвод прося,

Прочитав сперва молитву вечному творцу,
Чтобы дал сиянье счастья трону и венцу,

Молвила: «Коль шаху сказка надобна моя,
То — поведать все, что знаю, рада буду я».

СКАЗКА

Мать моя была душевной доброты полна,
Средь старух была ягненком истинным она.

Чтобы мне не скучно было, помню, как-то днем
Мать моих веселых сверстниц пригласила в дом.

К трапезе она радушно всех их позвала,
Кушаньям — как говорится — не было числа.

Дичь, баранина и с тмином всяческая снедь,—
Перечислить угощений мне и не суметь.

Не припомню я названий лакомств дорогих,
Розовой халвы, миндальной — и сластей других.

Все там было, чем осенний урожай богат —
Яблоки из Исфахана, рейский виноград.

Но о гроздьях и гранатах речь я отложу,
Лучше о гранатогрудых девах расскажу.

Сыты лакомой едою были все давно
И пригубливать устали сладкое вино.

Смех, веселье, разговоры тут пошли у нас.
За смешным рассказом новый следовал рассказ.

Та — про чет, а та про нечет, — все наперебой...
Каждой рассказать хотелось о себе самой.

Очередь до среброгрудой девушки дошла,
Хороша она, как сахар с молоком, была.

Лишь она заговорила — птичий хор в саду
Смолк и рыбки золотые замерли в пруду.

Упоительный открыла слов она родник,
А язык ее рассказа — был любви язык.

Нас она повеселила повестью такой:
«Жил был юноша — любезен и хорош собой.

Юному Исе в науках был подобен он,
Как Юсуф, был светел сердцем и беззлобен он.

Люди знанья за ученость славили его,
Верующие примером ставили его.

Сад был у него — прекрасный, как Ирема сад,
Амброю благоухавший, радовавший взгляд.

В нем рождались, раскрывались райский плод и цвет,
Шла молва, что им подобных в целом мире нет.

Все сердца тянуло в этот лучший из садов,
Где росли и расцветали розы без шипов.

Если поискать, — конечно — шип один нашли б,
Но защитой от сглаза вырос этот шип.

Под тенистыми ветвями там ручьи текли.
Там нарциссы над ручьями, лилии цвели.

Пеньем птичек оглашался лиственный шатер,
Звонкий щебет их сливался в сладкозвучный хор.

Кипарисы возвышались кровлями дворца,
В говор горлинок вплетались возгласы скворца.

У подножий кипарисов сладостная тень
В сад на отдых призывала, навеяв лень.

Этот сад благоуханный с четырех сторон
Был высокою стеною крепко огражден.

Окружил свой сад хозяин глиняной стеной,
Чтобы в тень его проникнуть глаз не мог дурной.

Не один богач о саде сказочном вздыхал
И завистливые взгляды издали бросал.

Юноша хозяин часто заходил в свой сад —
Отдохнуть от шума, зная городского рад.

Подрезал он кипарисы и сажал жасмин,
Мускус смешивал и амбру сада властелин.

На лужайках сам фиалки сеял он весной,
Новые сажал нарциссы там он над водой.

Проводил в саду хозяин целый день порой
И лишь поздно возвращался вечером домой.

Вот однажды ранним утром в сад он свой пошел,
Изнутри калитку сада запертой нашел.

Но в саду своем он звуки чанга услышал,
Хоть вчера к себе он в гости никого не звал.

Песни радости услышал он в саду своем,—
Веселились, и смеялись, и играли в нем.

Множество в саду звучало женских голосов,
Изнутри закрыты были двери на засов.

Горожанки молодые, видно, здесь сошлись;
Знать, они в его владенья с ночи забрались.

Долго он стоял у двери сада своего...
Ключ — на сторожа надеясь, он не взял его.

В двери, стража вызвать сляясь, он стучал и звал.
Гости — слышно, веселились, а садовник спал.

Вкруг стены своей высокой юноша пошел,
Трещину в углу дувала ветхого нашел.

И, увидев, что не может он войти в свой дом,
В собственной своей ограде сделал он пролом.

Так проник он потихоньку в сад, и, осмотрясь,
Словно вор, в своих владеньях он пошел таясь,

Чтоб увидеть, что за гости у него гостят,
И проведать, что за повод был для входа в сад,

Чтоб разведать потихоньку, что за шум в саду, —
Не попал ли уж садовник-старичок в беду?

Среди этих — озарявших сад его — цветов,
Наполнявших свод зеленый звоном голосов,

Были две жасминогрудых, привлекавших взгляд,
Вдоль стены они ходили, охраняя сад,

Чтоб не перелез ограду дерзкий кто-нибудь
И не мог луноподобных гурий тех спугнуть.

Только он вошел в пределы сада своего,
Эти девушки за вора приняли его.

Палками его избили; на землю потом
Повалив, его связали крепким кушаком.

По незнанию — в преступленье ими обвинен, —
Был избит, и исцарапан, и унижен он.

Девушки, связав беднягу, перестали бить, —
Но они его словами начали казнить:

«Был бы всяк твоим поступком дерзким возмущен!
Нет хозяина на месте! Жаль — в отлучке он!

Если дерзкий вор посмеет брешь в стене пробить —
То садовник властен вора палками избить!

Ты немного поцарапан. В цепи заковать
Надо бы тебя, негодный, и властям предать.

Ах ты, вор, сломавший стену! — не уйдешь теперь!
Если бы ты вором не был, ты вошел бы в дверь!»

А хозяин им ответил: «Этот сад — мой сад.
Я захлебываюсь дымом — от своих лампад.

Как лиса, в дыру пролез я... И к чему слова —
Вход сюда открыт всегда мне шире пасти льва.

Если кто в свои владенья входит воровски —
Упустить их быстро может из своей руки».

Сильно девушки смутились. Все же — им пришлось
О приметах разных сада повести расспрос.

Верно он на все ответил. Повиниться им
Приходилось. И осталось помириться им.

Девушки владельца сада впрямь признали в нем,
Он красив был, юн, любезен и блистал умом.

Если женщина такого видит, ты ее
Не удержишь, откажись ты лучше от нее.

И по духу был им близок и приятен он,
Был от плена тут же ими он освобожден.

Живо крепкий развязали шелковый кушак,
Всхлипывая — извини, мол, если что не так...

Умолая, чтоб хозяин юный их простил,
Расторопность проявили и великий пыл.

Чтобы гнев он свой на милость к ним сменил вполне,
Принялись пролом поспешно затыкать в стене.

В щель терновник набивали, камни и тростник,
Чтобы вор и впрямь в ограду сада не проник.

И, в смущении краснея, к юноше пришли,
В оправдание — рассказы длинно завели:

«Так хорош твой сад, что в мире все затмит сады, —
Пусть обильны будут сада этого плоды!

Молодые горожанки — ото всех тайком —
Полюбили собираться тут — в саду твоём.

Все красавицы, чья прелесть славится у нас,
Луноликие — утеха и отрада глаз.

Как светильник, полный ярких недымящих свеч, —
Очень любят это место наших тайных встреч.

Ты простишь ли нас, что были мы с тобой дерзки
И что воды возмутили чистые реки?

Но сейчас ты на красавиц наших поглядишь
И с любой из них желанье сердца утолишь.

В этот час они все вместе, верно, собрались.
Так — скорее к ним, смелее с нами устремись!

И которая из гурий взгляд твой привлечет,
Укажи нам, чтобы нечет превратился в чет;

Только скажем мы два слова — и придет она.
И к ногам твоим покорно упадет она!»

Услыхал хозяин речи эти, и огнем,
Пробудившись, вожделенье запылало в нем.

Страсть его природе чистой не чужда была,
Целомудрия преграду вмиг она смела.

Набожность его кипящий затопил поток,
Близость женщин он спокойно вынести не мог.

И путем надежды страстной, как на яркий свет,
Он пошел жасминогрудым девушкам вослед.

Склонностью к красавцу были полны их сердца,
Довести они решили дело до конца.

Там в тени ветвей беседка старая была,
И тропинка их — к беседке прямо привела.

Девушки ему шепнули: «Малость посиди,
Притаись в беседке этой, в щелку погляди!»

И ушли они. В беседку юноша вошел
И в стене ее отверстие малое нашел.

پیشکش کنند و بیرون	از سعادت بختیاری	چون در صبح گشت تا روزگار	و در وقت ناک صندل
بر نوها و ناک صندل	صندل که در ماه مبارک	آباد گشت به کوه و دریا	در کوه ناک صندل

سعدی که در کوه	در کوه ناک صندل	در کوه ناک صندل	در کوه ناک صندل
در کوه ناک صندل	در کوه ناک صندل	در کوه ناک صندل	در کوه ناک صندل

Живо к этому отверстию глазом он приник
И красавиц юных в сборе увидал цветник.

Шумное у них веселье вскоре началось,
Осыпать пошли друг друга лепестками роз.

Ярко их глаза горели, прелесть их цвела.
Каждая из них как спелый сладкий плод была.

Душу и глаза пленяла каждая из них,
Чистый сахар рассыпала каждая из них.

И у каждой среброногой — груди, как гранат.
И дракон у каждой девы охраняет клад.

Яблоки он и гранаты видел пред собой,
Только было невозможно их достать рукой.

Пред беседкою лужайка свежая была.
Ту зеленую лужайку роща стерегла.

Мраморный там красовался полный водоем,
Райский водоем Ковсара был его рабом.

Наполняем был он чистым, звонким ручейком,
Рыбки стаями играли и плескались в нем.

А вокруг того бассейна лилии росли,
И нарциссы и жасмины белые цвели.

Девушки, к воде склоняясь, в зеркале ее
Отраженье увидали среди рыб свое.

Их, как солнце, отражала чистая вода,
Их купаться привлекала чистая вода.

Весело они одежды начали снимать,
Пояса свои на бедрах стали распускать.

И разделись все, и в блеске наготы своей,
Словно жемчуг, погрузились в воду до грудей.

Сребротелые плескались радостной толпой,
Тела серебро скрывая темною водой.

Будто луны к Рыбе, в волны шумные вошли.
От Луны до Рыбы волны шумные пошли.

От бросающей дирхемы на воду луны,
Убегая, рыба темной ищет глубины.

Ну, а к светлым лунам этим, что играли всласть,
Рыба юноши, как в сети, и сама рвалась.

Целый день они плескались, за руки схватясь,
Над жасмином белоснежным белизной смеясь.

Шло вовсю у них веселье. Ты уж сам взгляни,
Как ладейки из гранатов делают они.

Та — «Змея! Змея!» — кричала, косы распустя,
И подруг своих пугала этим, не шутя.

Из беседки на купальщиц юноша смотрел,
Трепетал от нетерпенья он и весь горел,

Был, как жаждущий, что воду видит пред собой,
Да не может дотянуться до нее рукой;

Трепетал он весь, не в силах дрожи превозмочь
Как страдающий падучей в новолунья ночь. —

Плодоносным кипарисом стан был у любой,
Но, казалось, Судный день он видел пред собой.

В жилах у него стучала, бушевала кровь,
В каждом органе бедняги клочкотала кровь.

Притаясь в своей беседке, он, как вор, стоял.
Благочестье отступило, змий главу поднял.

К их ногам все обожанье он понести хотел,
Через щель в стене беседки змий пролезть хотел.

Но пролезть, увы, не мог он, щель была узка.
Рядом яблоня, да яблок не нарвет рука.

Накупавшись, вышли девы, словно из щелков
Темно-пурпурны жасмины — на ковер цветов.

И в сияющий воздушный шелк облачены —
Шум затеяли и хохот, слышный до луны.

Видел он: среди них задорней всех одна была —
Весела, лицом румийским розово-смугла,

Подбородок — словно солнце утренних высот,
Губы нежные, как пальмы финиковой плод.

Быстрый взгляд ее стрелою острой поражал,
Смех ее — веселый, звонкий — сахар расточал.

Этот кипарис гранаты в воду уронил,
А свои гранаты влагой щедро напоил.

Всякому, кто в эти чары попадал, как в сеть,
Овладеть хотелось ею или умереть.

И таким гореть лукавством взгляд ее умел,
Что терял свой ум разумный, трезвенник пьянел.

Был пленен хозяин юный красотой луны —
Больше, чем огнем индийцы в храмах пленены.

От души его преграды веры отошли...
Праведник, кляни неверье! Верных восхвали!

Через час те девы-стражи вновь пришли вдвоем.
Быстрые, любовным сами полные огнем.

В ту беседку две газели легкие пришли,
Что газелей к водопою барса привели.

Прибежали, нетерпеньем пламенным полны
Пред хозяином любезным искупить вины.

Не сошел еще хозяин с места своего,
Девы стали, как хаджибы, спрашивать его:

«О хаджи! Из тех красавиц, что ты видел здесь,
Опиши скорей — какую нам к тебе привести?»

Юноша словами живо им нарисовал
Ту, чей облик так в нем сильно сердце взволновал.

Только молвил, те вскочили и расстались с ним,
Уподобясь не газелям, а тиграм злым.

И в саду неподалеку вмиг нашли ее,
Лаской, хитростью, угрозой привели ее.

Ни одна душа их тайны не могла узнать;
А узнала бы, так, верно б, ей несдобровать.

Привели луну в беседку — и смотри теперь —
Чудо: заперли снаружи на щеколду дверь...

А настроили сначала, словно чанг, на лад
Эту пери, что хозяйский так пленила взгляд.

Рассказали по дороге девы обо всем —
О хозяине прекрасном, добром, молодом.

И не видевши ни разу юношу, она
Уж была в него — заочно — страстно влюблена.

А взглянула — видит: лучше, чем в рассказе, он:
Видит — золото, в рассказе ж был он посребрен.

Юношу лишил терпенья, жег любовный пыл.
Он со стройным кипарисом в разговор вступил.

«Как зовут тебя?» — спросил он. «Счастье», — та в ответ.
«Молви, пери, чем полна ты?» — «Страстью!» — та в ответ.

«Кто красу твою взлелеял?» Отвечала: «Свет!»
«Глаз дурной да не коснется нас тобою!» — «Нет!»

«Чем ты скрыта?» — «Ладом саза», — девушка сказала.
«В чем твое очарованье?» — «В неге», — отвечала.

«Поцелуемся?» — спросил он. «Шесть десятков раз!»
«Не пора ли уж?» — спросил он. — «Да, пора сейчас!»

«Будешь ли моей?» — «Конечно!» — молвила она.
«Скоро ль?» — «Скоро», — отвечала юная луна.

Дальше сдерживать желанье не имел он сил.
Скромность он свою утратил, стыд свой погасил.

Как она свой чанг, за кудри гурию он взял.
Обнял стан ее и к сердцу горячо прижал.

Целовать он начал страстно сладкие уста —
Раз, и десять раз, и двадцать, и еще до ста.

Поцелуи распалили вожделенье в нем,
Запылала пуще жажда наслажденья в нем.

Он целебного напитка захотел испить,
Он живой воды в потоке захотел добыть.

Скажешь ты, что на онагра черный лев напал,
Всеми лапами онагра мощными подмял.

Но беседка эта ветхой, дряхлою была
И под тяжестью двойною трещину дала.

И обрушилась внезапно, с треском развалясь.
Так не кончилось их дело дурно в этот раз.

Он раскаянья избегнул, хоть и был смущен.
Прянула она направо, а налево — он.

Чтобы люди их увидеть вместе не могли,
Вмиг они разъединились, в стороны ушли.

Скрылся юноша в чащобе лиственных купин;
Тосковал он и томился горько там один.

И к подругам воротилась тюркская луна,
Хмура брови, сожалений искренних полна.

Музыкантшей и певицей девушка была;
Села грустная — и в руки чанг она взяла.

И из струн исторгла звуки. И у ней сама
Песнь сложилась, что влюбленных свесть могла б с ума:

«Пусть поет, рыдает чанга моего струна
Всем, кто болен тем недугом, чем и я больна.

Кто влюблен, тот в сердце носит тягостный недуг,
Я больна, неразделенной мукой я полна!

О, доколь скрывать я стану жгучую любовь?
Горе мне! — я говорю вам. Да — я влюблена!

Разума меня лишает, мучит страсть меня.
Нет терпенья мне. Любовью я опьянена.

Хоть влюбленных презирает этот злобный мир,
Но раскаянье?.. Об этом даже мысль грешна!

Грех раскаиваться в сильной, искренней любви.
Я раскаиваться в страсти сердцем не вольна.

Только тот влюблен, кто душу за любовь отдаст.
В мире истинным влюбленным гибель не страшна!»

Так она, в газели страстной сетуя судьбе,
Всю невольню разболтала правду о себе.

Те два перла, что держали нить в своих руках,
Смысл сокрытый понимали в песнях и стихах.

Поняли они, что грустен юноше удел,
Что меж ними там разлуки ветер пролетел.

И они нашли Юсуфа бедного того, —
Словно Зулейха, вцепилась вновь она в него.

Повели они расспросы, — что произошло?..
Рассказал он все, как было. Горе их взяло,

Что расставленные ими сети порвались.
И налаживать все дело вновь они взялись.

«Ночевать в саду придется нам сегодня всем.
Мы займемся лишь тобою, более — ничем.

А придумать уж сумеем повод мы любой, —
Никого мы не отпустим ночевать домой.

И наедине ты будешь вновь с луной своей.
И бери в свои объятья ты ее смелей!

Обнаруживает белый день дела людей, —
Все скрывает ночь завесой темною своей».

Так сказали и расстались эти девы с ним.
И скорей пошли к подругам молодым своим.

Только ночь куницей черной скрыла наконец
Вечер — красный, как буартасский шелковый багрец,

Только солнца гвоздь укрылся за чертой степей
И зажглась кольчуга ночи тысячей гвоздей,

Исполняя обещанье, девы те пришли
И хозяйину тюрчанку пери привели.

Тополь жаждущие корни окунул в волну,
Солнце знойное настигло робкую луну.

Рядом — гурия; и больше никого кругом,—
Тут пещерный бы отшельник согрешил тайком!

Юношу любовь палящим вихрем обвила,
От желания в кипенье кровь его пришла.

То, о чем не подобает разговор вести,
Говорю тебе, читатель; бог меня прости.

С нею он свое желанье утолить хотел,
Он жемчужину рубином просверлить хотел.

Кошка дикая по ветке кралась той порой,
Наблюдая за мышиною земляной норой.

Кошка прыгнула и с шумом вниз оборвалась,
А влюбленным показалось, что беда стряслась,

Что неведомым несчастьем угрожает ночь...
И, вскочив, они в смятенье убежали прочь.

Бросили они друг друга, шума устрашась.
Посмотри: опять лепешка их недопеклась.

Грустная — к своим подругам девушка пришла,
Полная тоски сердечной, чанг она взяла

И запела песню, струны трогая рукой:
«Снег растаял. Аргаваны расцвели весной.

Горделиво стан свой поднял стройный кипарис,
И со смехом вокруг ограды розы обвились.

Соловей запел. Веселья вспыхнули огни,
И базара наслаждений наступили дни.

И садовник сад украсил, радующий взгляд.
И державный шах явился, осмотрел свой сад.

Чашу взяв, вина из чаши он испить решил.
Но упал внезапно камень, чашу ту разбил.

О ограбивший мне сердце! Множишь только ты
Муки сердца. Дать мне радость можешь только ты.

Я стыжусь тебе признаться, как терзаюсь я,
Сердце без тебя уныло, жизнь темна моя!»

Знающие тайну лада этих грустных слов
Тайну пери вновь узнали из ее стихов.

И печалась и вздыхая, двинулись опять
Эти девы в чашу сада — юношу искать.

Словно вор, укравший масло, страхом удручен,
Возле брошенной сторожки притаился он.

Там, где ивы нависали низко над ручьем,
Он лежал в глубокой муке, наземь пав лицом.

Еле-еле отозвался он на голос их,
Пораженный этим градом неудач своих.

Две наперсницы в тревоге повели расспрос,
И в досаде были обе чуть ли не до слез.

Но подумали: «Не поздно! Еще длится ночь...»
И пошли, чтобы влюбленным в деле их помочь.

Успокоили подругу, что, мол, нет беды...
И цветку послали кубок розовой воды.

Вот к возлюбленному пери та явилась вновь,
В ней еще сильнее горела к юноше любовь.

За руку ее хозяин крепко взяв, повел
В чащу сада и глухое место там нашел.

Где был густо крепких сучьев свод переплетен,
Будто на ветвях деревьев был поставлен трон.

Он красавицу в укромный этот уголок,
Нетерпением пылая, как в шатер, увлек.

Пышную траву, как ложе, для нее примял,
И, горя восторгом, к сердцу милую прижал.

Как жасмин — на саманидских шелковых коврах —
Наконец была тюрчанка у него в руках.

Вновь он вместе был с прекрасной девой молодой.
Млея, роза истекала розовой водой.

Наконец была в объятьях у него луна.
Он ласкал ее. В обоих страсть была сильна.

Быстро кости продвигал он, клетки захватил,
Он соперницу, казалось, в нарды победил.

Миг один ему остался — крепость сокрушить
И бушующее пламя влагой потушить.

Полевая мышь на ветке, возле ложа их,
Подбиралась осторожно к связке тыкв сухих,

Что на дереве подвесил садовод-старик.
Мышь веревку этой связки перегрызла вмиг.

На землю упала связка; раскатясь кругом,
Загремели тыквы, словно барабанный гром,

Будто грянул отступленья грозный барабан.
На ноги вскочил хозяин, страхом обуян.

С грохотом вторая связка наземь сорвалась —
И опять газель от барса вихрем унеслась.

А хозяин думал: «Стража в барабаны бьет,
Мухтасиб, стуча в литавры, с гирями идет...»

Бросив туфли, он в смятение — тоже — наутек.
Где бы спрятаться, искал он в чаще уголок.

Задыхаясь от испуга, трепеща, бледна,
К двум подругам прибежала бедная луна.

Время некое молчала; дух перевела,
В руки чанг взяла, завесу тайны подняла.

Так запела: «Я слыхала, смущена душой,
Что влюбленный повстречался с девой молодой.

Он желанного добиться от нее хотел,
Знойною объят любовью, истомлен тоской.

К сердцу юную тюрчанку он хотел прижать, —
Быть в объятьях кипариса лилии весной.

Яблоков ее, гранатов жадно он хотел,
Всей душою он тянулся только к ней одной.

Чтобы двери клада перлов наконец открыть,
Прикоснуться к тайной двери он хотел рукой,

Иву красную прозрачной кровью обагрить
И смешать на чистом блюде леденцы с халвой.

Вдруг напрасная тревога, страшный стук и гром...
Налетел и все развеял ветер ледяной.

По цветку в тоске остался робкий мотылек,
Умиравший от жажды — без воды живой.

Почему в неверном ладе песню ты ведешь?
Заиграй же в верном ладе наконец со мной!

Милый, ты в неверном ладе свой настроил чанг?
Но зато уж буду верно я играть с тобой!»

Лишь газель свою пропела пери, в тот же миг
Быстрый ум ее наперсниц правду всю постиг.

Снова обе побежали юношу искать,
Чтоб исправить и наладить их дела опять.

Страшно пристыжен, испуган, — где-то под кустом —
С вытянутыми ногами он лежал ничком.

Девы ласково беднягу подняли с земли
И расспросы осторожно, мягко повели.

Он ответил, что ни в чем он тут не виноват,
Что холодный адский ветер вторгся, видно, в сад...

А наперсницы, воскликнув: «Это ничего!» —
Все рассеяли сомненья в сердце у него.

Развязали этот узел живо. И — гляди —
Ожила опять надежда у него в груди.

В поучение сказали: «Опыт свой яви!
И настойчивее надо быть в делах любви!

Выбери побезопасней место для гнезда,
Чтоб напасть не прилетела новая туда.

Зорко вас теперь мы сами будем охранять.
Тут на подступах, как стражи, будем мы стоять».

И к подруге воротились и опять взялись
Уговаривать прекрасный, стройный кипарис.

Чтоб она набег свой тюркский совершила вновь,
Чтоб пошла и подарила юноше любовь.

И пошла она, всем сердцем юношу любя.
Увидав ее, хозяин позабыл себя.

Он за локоны, как пьяный, ухватил ее.
В угол сада потаенный потащил ее.

Там укромная пещера вырыта была, —
Куполом над ней сплетаясь, жимолость росла.

И жасмины поднимали знамя над стеной.
Сверху — заросль, а под нею — вход пещеры той.

Места лучшего хозяин больше не искал;
Местом действия пещеру эту он избрал.

روز دوشنبه که این سخن پیش
شمار باز و پند ساز
زنده در هیچ جای
تا روز دوشنبه خلاصه کند

جاده را کرد از آفتاب سپید
شد سپید که گشاید زین
خج زینت زمان بلبلیش
شادمانی کرد و میدان کند

چون شب نهمه عکاس هر روز
خواست تا از صد کی که
زیر لب آفرین که گن بسند
خواجه قیام و بر سر برین
زبان دعا که دولت از این
دو بختان قیام و دست راست

Разорвав густую заросль, путь он проложил
И красавицу проворно за собой втащил.

Расстегнул на ней он платье, позабыв про стыд.
Расстегнул и то — о чем мой скромный стих молчит,

Обнял эту роз охапку, все преграды смел...
И уверенной рукою приступ он повел.

Палочка не окунулась в баночку с сурьмой,
А уж свод горбатый новой занялся игрой;

Несколько лисиц в пещере пряталось на дне,
Чтобы позже на охоту выйти при луне.

Выследил их волк свирепый; голоден он был,
А на этих лис давненько зубы он точил.

В этот миг, прокравшись к лисам, начал он их рвать.
Лисы в ужасе от волка бросились бежать,

Выскочили из пещеры. Волк за ними вслед,
Прямо по чете счастливой, здесь не ждавшей бед.

Рухнул столп любви хозяйский. Рать увидел он,
На ноги вскочил он, визгом, лаем оглушен.

Весь в земле, в пыли, метался он по сторонам.
Что в его саду случилось — он не ведал сам.

В ужасе не понимал он, что ему начать,
Где спастись теперь — не знал он — и куда бежать?

Девы, что взялись усердно помогать ему,
Что от всей души хотели счастье дать ему,

Что стояли, словно стражи, на его пути,
Милую его схватили, не дали уйти.

«Что за подлые уловки? — ей они кричат. —
Ах ты этакая! Бесы, что ль, в тебе сидят?

Долго ли еще ты будешь этак с ним шутить?
Иль по злобе хочешь вовсе в нем любовь убить?

Да ведь даже с незнакомым так шутить нельзя!
А тебе, злодейка, это извинить нельзя.

На какие ты уловки хитрые пошла,
Сколько раз его ты за ночь нынче прогнала?»

Та клялась, что невиновна, начала рыдать.
Но подруги не хотели клятвам тем внимать.

Услыхал хозяин звуки гневных голосов,
Подоспел — свечу увидел между двух щипцов.

Их упреки и угрозы услышал хаджа,
На лице любимой слезы увидал хаджа.

«Стойте! — крикнул он. — Не смейте больше обижать
Ту, что нужно, как дитяню, нежно утешать.

Берегитесь вы и знайте — нет на ней вины,
Но дела судьбы и в малом кознями полны.

Как ни ловок муж проворный на пути земном,
Но является он неба вечного рабом.

И сегодня нам не дьявол, а пречистый бог
Помешал и удержаться от греха помог.

Нам препятствия решило небо возвести,
И несчастьем преградило все оно пути.

Тот, кого с дороги правды див не совратит,
Сердцем чист. А чистый сердцем зла не совершит.

Кто к греховному привязан от рожденья, тот
Стороною от дороги праведных идет.

Эту деву был бы каждый в жены взять счастлив.
Поступать нечестно с нею мог бы только див.

И неужто эту пери может оскорбить
Тот, кто мужествен, способен искренне любить!

По пути греха не может верный муж пойти,
Если встанет добродетель на его пути.

Если яблоню весною сглазит глаз дурной,
То никто плодов не вкусит с яблони такой.

Твари здесь на нас смотрели сотней тысяч глаз...
И поэтому не вышло ничего у нас.

Что прошло,— пускай. Не будем плохо понимать.
В том же, что осталось, должен честь я сохранять.

Клятвой тайною и явной здесь поклялся я,
Перед небом и землею обещался я:

Если ночь благополучно наконец пройдет
И охотницу добычей дичь сама возьмет,—

То отныне я пред богом обручаюсь с ней
И по всем законам брака сочетаюсь с ней».

Девушки его речами были смущены,
Набожностью столь примерной были сражены.

Две сообщницы склонились перед ним главой,
Восклидая: «Слава чистой совести такой,

Что посеяла благие в сердце семена,
Что дурному совершиться не дала она!

О, как много мнимых тягот видим мы кругом,
Что неожиданно озаряют счастьем и добром!

О, как часто от несчастий человек храним
Тем, что горько называл он бедствием своим!»

А когда светильник мира над горами встал
И сияньем с горизонта глаз дурной прогнал,—

Астролябии рассвета стрелка замерла
И столпы небес паучьей сетью оплела,

С ярким факелом в деснице ветер прискакал,
И хозяина из сада в город он умчал.

От непрощенных помощниц тех освобожден,
Вновь султана знамя поднял по-хозяйски он.

ХАКАН ЧИНА ВТОРИЧНО ВЫСТУПАЕТ
ПРОТИВ БАХРАМА

Только Муштари с Кейваном принесли весну,
Солнце же от Рыб небесных перешло к Овну.

Листья, травы луговые юность обрели
И к источнику живому, словно Хызр, пришли.

Каждый ручеек в долине превратился в Нил,
Потекла рекой дорога, словно Салсабил.

Стала черной, словно мускус, красная земля,
Ветер амбровым дыханьем напоил поля.

И в целительном весеннем воздухе полей
Запылало в мире всюду множество огней.

Ветерок весенний новым почерком письмен
С базиликами затеял поутру обмен.

И когда с зеркала солнца ржавчина сошла,
Бурно зелень молодая всюду проросла.

Отрясал с полы эфирной вечер капли рос,
Оттепелью был повсюду сокрушен мороз.

Пролил струи слез камфарных на вершинах снег.
И разбухли по ущельям жилы бурных рек.

Утренние испаренья ранних зеленей
Проясняли, обостряли зренья у людей.

И нарциссы над потоком свой вкушали сон,
У любующихся ими похищали сон.

И благоуханий полный ветер полевой
Над семьей фиалок черных веял галией.

Кипарис свой темный парус к небесам подъял,
И самшит свои густые кудри расчесал.

А глаза у лилий дрема стала застилать,
А они в чертог хрустальный скрылись подремать.

Персиковый сад цветеньем ранним обуян.
В красной раковине черный жемчуг скрыл тюльпан.

Лилия в венец нарцисса явно влюблена,
Слиток золота в ладони принесла она.

Звезды, в свежем дуновенье тех весенних дней,
Дня Суда не ожидая, падали с ветвей.

На травинках капли, словно слезы на глазах,
Рассмеялась от шафрана вся листва в садах.

Кто живой водою розы здесь нарисовал?
Кто тюльпаны ярко-алой краской написал?

Лист шиповника алмазом блещет водяным,
Ветви лилий трут зеницы снадобьем глазным.

В кудри завиты мышинных ушек лепестки,
Высунули аргаваны в жажде языки.

Радует живая зелень и ласкает взор,
Простирается долина, как цветной ковер.

Гиацинт китайским муском стал благоухать
Так, что красные гвоздики начали чихать.

Мальва у оград садовых бурно расцвела
И наследство все жасмину щедро отдала.

Водяною мятой берег заблагоухал
И у Скорпиона неба жало оторвал.

Вот кизилом обагрились горные леса,
В листьях ириса все громче птичьи голоса.

Словно в мочках серебристых золото серег,
Утро мускусом и амброй запах роз облек.

Ива черная с алоэ чистым поутру
Источают тонкий мускус свой и камфару.

Против ивы аргаваны и жасмин стоят,
Красно-белые знамена поднимая в ряд.

Ветви ивы окунают руку в водоем
В страхе перед первым ливнем и его копьем.

Роза стан свой повязала поясом царей,
Все вокруг — земля и воздух — благосклонно к ней.

Бьет в литавры неумолчно ночью соловей,
До зари звенит и свищет в сумраке ветвей.

Ликованьем он встречает раннюю зарю,
Красной розе поклоняясь — своему царю.

На вершинах кипарисов горлицы поют,
Как под пальцами красавиц лютня или руд.

Голос подает на башне голубь раньше всех
И у горной куропатки похищает смех.

Франколин, когда на ниве распевает он,
Даже бейты райских песен повторяет он.

Вяхирь на исходе ночи, как из книги «Зенд»,
Запевает слогом древних сказов и легенд.

Соловей, спаленный страстью, пел, не зная сна,
Тонким стал он, как на чанге звонкая струна.

Как картина живописца — вешний день в саду,
Стаи птиц в листве резвятся, стаи рыб — в пруду.

Шах Бахрам, весной любясь, также поутру,
Звать на пир велел любимцев к своему шатру.

Был шатер его подобен тем семи дворцам,
Что главою возносились к звездным небесам.

И гонец с котомкой пыльной прибыл поутру,
Стал он спрашивать дорогу к царскому двору.

И допущен был он тут же к шаху во дворец,
И возрадовался сердцем горестным гонец.

Произнес сперва владыке славословье он
И Бахраму отдал низкий до земли поклон.

Молвил: «Снова к нам из Чина подступила рать,
Вновь земля горячей кровью стала закипать.

Дерзостно фагфур нарушил с шахом договор,
Клятву мира преступил он, руку к нам простер.

Клятвой дружеской туранцы, знать, не дорожат,
Мед у них снаружи только, а внутри их — яд.

До небес мечи подъяли, тучей пыль взмели,
Волны древнего Джейхуна дерзко перешли.

Силь низринулся свирепый, степи затопил:
Каждый воин их — акула или крокодил.

Если шах мой не захочет с ними в бой вступить,
Нашу кровь Туран тазами скоро будет пить».

Шах Бахрам, узнав об этом, сердцем был смущен.
Оттолкнул вино и чашу, пир покинул он.

И пока он не был пойман гибельным силком,
Навсегда Бахрам расстался с чашей и вином.

Стал раздумывать, как снова оттеснить врага,
Как навеки обезвредить, сокрушить врага.

Думал: «Разрешат все беды — войско и казна,
Ибо средство для победы — войско и казна».

Посмотрел он войско — годных к бою нет людей;
Заглянул в казну поспешно — нет сокровищ в ней.

Понял он — его постигла грозная беда...
Ни казны, ни войск; исчезло все нивесь куд.

Немощным он стал, подобно тигру без клыков,
Стал ему венец хосрова тяжелей оков.

Был тогда вазир у шаха властью облачен,
Ни во что не верил, бога не боялся он.

Звал себя он Раст-Роушаном, но по сути — див:
Не был он душою светел, не был он правдив.

Свет и правда были чужды извергу тому,
Правду превращал он в кривду, свет во мрак и тьму.

Именем своим Бахрама он в обман вовлек,
Но душой он был от смысла имени далек.

Прежде был Нарси вазиром, правда в нем жила,
Был он мудр, с боязнью бога вел он все дела.

Но когда вазиром шаха стал тот Раст-Роушан,
То погибли свет и правда, впал в беду Иран.

И когда вся жизнь у шаха превратилась в пир,
Стал насильничать и грабить подлый тот вазир.

Он копил богатства, грабил шахскую казну,
Уничтожил справедливость, разорил страну.

С главным шахским полководцем в дружбу он вступил.
Хитростью его опутал, золотом купил.

Говорил он: «Очень дерзким стал у нас народ,
Дай поблажку,— он богатства наши заберет.

Каждый нищий хочет сытым и богатым стать,
Нас с тобою перестали вовсе уважать.

Нет, людей разумно, с толком мы карать должны,—
В дерзости и своеволие гибель для страны.

Погляди на этих подлых низменных рабов,
С виду — овцы, а по сути — хуже злых волков.

Волка нам вязать, как волка, в торока пора!
Люди подлы все, невнятен им язык добра.

Порожденье праха — толпы этой нищеты,
В человеческом обличье — звери и скоты.

Повинуется неверный одному мечу,
Зверь покорен будет только клетке и бичу.

Вспомни ты мужей великих, сгубленных судьбой,
Сиявуш был уничтожен дикою толпой.

Вспомни, как унижен ими древний был Джамшид,
Как Дара багрянородный ими был убит.

Им бы есть и пить. Их сила — полный водоем;
Мы с тобой у них сначала воду отберем.

Надо воду в водоеме замутить землей,
И другой ее мы после осветлим землей.

Если шах наш пьян, то — помни: вражий взор не спит,
Если стража спит беспечно, дерзкий вор не спит.

Коль народ казнить сурово перестанет шах,
То начнут мутиться люди, позабывши страх.

Но и враг и див свирепый в ужасе бегут
От царя, который крепко держит меч и кнут.

Дерзких подданных, как дивов, мы должны судить,
Чтоб не смел никто в народе меру преступить.

Наших подданных сурово, грозно ты казни,
Стойкой твердостью величье власти сохрани.

Помни: слезы — ложь; обманна жалобная речь;
Твердым будь и полагайся только лишь на меч.

Шах наш пьет, ему заботы царства нипочем,
Я — каламом буду править, ты — своим мечом.

Все дела вести я стану, будешь ты карать.
И кого бы ни назвал я, должен ты хватать.

Ты богатого — богатством должен одарять,
Бедняков же непокорных кровью обагрять.

И добро и зло, где хочешь, властно ты верши,—
Забирай добро и добрых, злых петлей души.

Если хочешь возвышаться над людьми, то знай:
Презирай их всех глубоко, саном унижай!

Коль унижен будет в царстве каждый человек,
То порядок будет в царстве и покой навек».

Был вазиром полководец шахский обольщен,
Соучастником вазира стал в насильях он.

По вазировой указке стал он суд вершить,
Истреблять людей несчастных, грабить и душить.

Вровень вскоре он с вазиром смог в злодействе стать —
Человека человеком перестал считать.

С каждым днем они в насилье делались лютей,—
Даже грош они последний брали у людей.

Разорение настало людям. То и знай
Слышалось по бедным селам: «Отбирай! Хватай!»

Так — в недолгий срок — злодеи эти, без помех,
В богатейшем государстве разорили всех.

Людям не было защиты, правды и суда:
Всюду стон звучал, постигла всю страну беда.

Голод наступил в лачугах жалких бедняков,
У богатых не осталось денег и рабов.

Богачи не от излишеств, а от грабежа
Впали в бедность и сидели по домам, дрожа.

А чиновников такая расплодилась тьма,
Что владельцы оставляли им свои дома.

И в отчаянье бродили по глухим горам,
Уподобившись бездомным птицам и зверям.

Сеятель, волов лишенный, поле не пахал,
Сад, никем не орошенный, глож и засыхал.

Разорилась, как пустыня, высохла страна,
Перестала пополняться шахская казна.

Лишь вазир, людей ограбив, жил — не знал беды —
В море голода и горькой, бедственной нужды.

И когда готовить войско шах решил к войне
И увидел: нет ни войска, ни гроша в казне,

Огорчился он и строгий стал опрос вести,
Чтобы корень разоренья поскорей найти.

Но никто не смел ответить шаху ничего.
Ведь вазира все боялись больше, чем его.

Всяк, желая оправдаться, лишь бесстыдно лгал,
Мол, крестьянин разорился вовсе и бежал.

Засуха, мол, наступила, был тяжелый год,
Саранча посеvy съела, всюду недород.

Что, мол, видно, гнев небесный посетил страну
И доходы перестали поступать в казну.

Если шах проявит милость к ним — к рабам своим,
То, мол, возвратятся люди вновь к делам своим.

Шах Бахрам им не поверил, хоть сдержал свой гнев,
В бой не бросился поспешно, как свирепый лев.

Не услышав слова правды от своих людей,
Одинокo стал он думать о судьбе своей.

Хоть теперь он в размышленье время проводил,
Но исхода из пучины бед не находил.

БАХРАМ И ПАСТУХ

Размышляя непрестанно о плохих делах
Государства, несказанно огорчился шах.

Но душою утешался на охоте он
И веселым возвращался, с горем примирен.

Раз взяла за повод шаха сильная печаль.
На коня вскочил, помчался он в степную даль.

Он онагра, как бывало, жаждал затравить,
С сердца кровь тревоги черной кровью ланей смыть.

Поохотился, пустыней целый день скакал;
Ноги — горю, руки — муке накрепко связал.

Бил он вепрей и оленей с самого утра.
Время к ночи. В город было поспешить пора.

Так стремительно за зверем рыскал целый день,
Что возжаждал, и укрыться захотел он в тень.

Стал воды искать, — как коршун по степи кружил.
Но ни родника, ни капли влаги не открыл.

Вдруг увидел дым, подобно змею, в вышину
Выраставший, затмевавший полную луну.

Огибал, клубясь, он склоны гор и скал отвес
И тянулся головою мгlistой до небес.

Шах сказал: «Поеду к месту дыма и огня;
Люди, что костер разводят, напоят меня».

Поспешил тогда туда он, где горел костер,
И пастушеский в ложине увидал шатер;

Вкруг шатра — овец отару, а перед шатром —
Суковатую чинару — диво! — с мертвым псом,

На суку в петле висящем. А в самом шатре
Старец восседал, подобный утренней заре,

Выражением привета и огнем живым
Ясных глаз. Увидев гостя, он вскочил пред ним.

И, почтив царя приветом, слезть с коня помог.
Все, что отыскать съестного у себя он смог, —

Вынес шаху, молвил: «Правда, яством столь убогим
Не тебя бы угощать мне — посланного богом;

Но да будет извиненьем скудности такой,
Что далек от населенных мест наш край глухой».

Сыр овечий, хлеб и воду предложил овчар.
Жажду утолил, но хлеба не коснулся царь.

И сказал: «Поем я хлеба, если на вопрос
Мне ответишь: в чем повинен этот бедный пес

И за что такой жестокой казнью он наказан?
Здесь обитель львов, зачем же, словно волк, он
связан?»

И овчар ответил: «Слушай, гость прекраснолий!
Все подробно расскажу я с радостью великой.

Этот пес был умным стражем стада моего.
Уходя, взамен себя я оставлял его.

Верно, преданно овечек он берег моих.
Лапы вора, зубы волка не касались их.

Я, вручив ему охрану дома моего, —
Не рабом, не псом, а другом почитал его.

Это был могучий, страшный для злодеев пес.
День и ночь он службу верно и бессменно нес,

Если я из степи в город уходил порой,
Стадо он стерег, а к ночи приводил домой.

Он моей рукой железной, неизменной был.
Много лет умно и честно так он мне служил

До поры, как я в измене уличил его.
Стал считать я поголовье стада моего;

Счел и не дочелся в стаде я семи голов.
Побоялся, что ошибся. Через семь дней —

Перечел я снова стадо. Снова не хватало,
И себе я не поверил — перечел сначала, —

Не хватает! Стал я стадо сам стеречь тогда,
Но не углядел, откуда подошла беда.

Бдительно стерег, разумно, по ночам не спал,
Но один я был, и только пес мне помогал.

Он по дивному устройству слуха и чутья
Был как сторож — знаю — в сто раз бдительней, чем я.

И еще через неделю вновь я счел овец.
И еще десятка с лишним не нашел овец.

Наконец, по пять, по десять за день недочет.
Видю: таять стало стадо, как на солнце лед.

И явился злобный мытарь. И, как жадный зверь,
Взял за подати — остатки... Так я стал теперь

Из владельца стад богатых нищим пастухом.
Это горе надо мною грянуло как гром,

Сильный дух во мне сломило, в печень поразило.
Думал я: но чья же сила жизнь мою сгубила?..

Кто бы справился, безумно даже осмелев,
С добрым псом моим, который доблестен, как лев?

Так до времени я думал. Как-то у ручья,
Утомленный, задремал я. А проснувшись, я

Продолжал лежать недвижно, как лежал во сне;
Горе грозное убило бодрость мышц во мне.

Вот и вижу я: волчица к стаду подошла
И на языке собачьем пса подозвала.

Дружественно ей навстречу пес мой побежал;
И хвостом и головою он пред ней вилял.

Ослабев пред нею, к стаду подпускал ее,
И обнюхивал волчицу, и лизал ее.

Под конец на зад волчице пес проклятый сел
И исполнил тут же с нею то, чего хотел;

А потом разлегся — вижу — мирно отдыхать;
И — молчания на морде у него печать.

Так сперва волчица взятку сторожу дала
И тогда спокойно в стадо, как в свое, вошла.

И могучего барана — стада вожака —
Медленно таскающего тяжесть курдюка,

Вмиг зарезал кровожадный хищник и унес.
Не брехнул, не потянулся, не очнулся пес.

О проклятый! Из-за подлой похоти своей
Волку в зубы отдал стадо! Плод забот моей

Жизни, лет моих отраду! И тогда схватил
Я преступника и крепко по ногам скрутил.

И жестокие мученья причинил ему,
Ибо раб повиноваться должен своему

Господину. Был он должен бдеть, мой дом храня,
Он же оказался волком, грабящим меня.

За доверие коварством мне он заплатил;
Был поставлен стражем дома, а воров пустил.

Понял я: от пут разврата душу не спасет
Никогда он. И решил я: лживый да умрет!

Кто предателя собачьей смертью не казнит,—
Знай: того никто на свете не благословит!»

Поученье в этой речи овцепас сокрыл.
Тайный смысл речей властитель мыслью уловил.

Было в них иносказанье,— это понял шах.
Поблагодаривши старца, он направил шаг

В город, думая: «А этот старый овцепас
Царствовать меня научит, вижу, в добрый час!

Мудрое мне указанье дал он навсегда.
Да, пастух я. Подданные — то мои стада.

А доверьем облаченный первый мой вазир,—
Пес, глядящий, чтобы в стаде был покой и мир,

И когда основы царства рушатся в пучину —
У доверенного надо спрашивать причину!»

И едва приехал в город шах, у приближенных
Он потребовал немедля список заключенных.

И когда он глянул в этот горестный дневник,—
День ему чернил чернее стал и в тьму поник.

Он в смятении и в гневе видит целый мир
Скорби — сонм безвинных, коих заточил вазир.

Там написано: «Таких-то шах казнить велит».
А потом: «Помилованье им вазир дарит».

Так насильем имя шаха опорочил он,
За собой же — милосердья свет упрочил он.

Разобрав дела, увидел в ярости Бахрам,
Что добро свое домашним отдал он вора.

Вот он — пес, предавший волку все стада его,—
Воровски врага впустивший в города его.

И решил Бахрам вазира в ту же ночь схватить
И, лишив чинов и сана, в башню заточить.

Шах сказал: «Когда оставлю в должности его,—
Про него мне не посмеют молвить ничего.

А во мраке даже искра малая светла;
Сам народ теперь откроет мне его дела».

БАХРАМ ВЕЛИТ СХВАТИТЬ ВАЗИРА-НАСИЛЬНИКА

Лишь свернула ночь подстилку темную свою
И опять зарей блеснуло утро бытию,

И, как Сам — одним ударом острым двух мечей,
Солнце дня луну сразило блеском двух лучей,—

Прямо под открытым небом шах Бахрам воссел,
И вельмож, пред всем народом, он созвать велел.

Все пришли, кого князьями величал Иран,
Выстроились перед троном, соблюдая сан.

С гордым видом из чертога вышел Раст-Роушан,
Подошел к царю он дерзко, не сгибая стан.

Грозным взглядом, полным гнева, шах пронзил его,
Крикнул так, что скажешь: криком он бил его.

«Подлый раб! Ирана землю окровавил ты!
Разорил народ мой, царство обесславил ты!

Ты богатствами вселенной свой подвал набил,
А заветные богатства шахов истребил!

Вор! Тобою даже войско все разорено!
Снаряжение могучих ратей — где оно?

Подданных моих ограбил, жизнь их ты сгубил,
Кровью слуг моих примерных ноги обагрил!

Вместо податей законных все ты отбирал,
Пояса, венцы бесчестно с избранных снимал.

Ты забыл, видать, о щедрой милости моей!
Не меня — своих поступков постыдишь, злодей!

«Жадность хуже, чем безбожье» — вера говорит.
Но давно забыл ты бога, веру, честь и стыд!

Если бы благодеянья шаха помнил ты,
Большей бы достиг ты чести, большей высоты.

По твоей вине терплю я ныне гнев небес,
Правда при тебе погибла, свет добра исчез.

Войско и казну сгубил ты! Ныне, в дни войны,
У меня — ни войск на месте, ни моей казны!

Неужель, злодей, ты думал, что, мол, за вином,
Обо всем забыв, владыка спит беспечным сном?

Думал: раз я пьян, ты можешь царство истребить?
Думал древнего Ирана корни подрубить?

Мол, Бахрам забыл о брани на своих пирах...
И что пусть, мол, он скорее превратится в прах?

Если я и забывался прежде за вином,
Я не забывал о вечном небе голубом!»

Сотню обручей железных словом шах ковал
И на шею Раст-Роушану тяжело налагал.

Как злодея, он вазира приказал схватить
И в узилище — из рая, словно в ад, тащить.

Чтоб связать вазира, сняли у него тюрбан,
Потащили, заковали, бросили в зиндан.

Ноги у него — в колодках, руки же — в цепях,
Так злодей с вершин гордыни свергнут был во прах.

Тут глашатаев повсюду шах послать велел,
И глашатаям повсюду выкликать велел:

«Все, кто пострадал по воле злого судии,
Пусть приносят прямо к шаху жалобы свои!»

Толпами, услышав это, воины пришли,
Жалобы на все обиды шаху принесли.

Шах затем пошел в зинданы, в тюрьмы из дворца,—
В ад, где кровью обливались скорбные сердца.

И рассказ он заточенным повелел вести —
В чем виновны, чтоб к цепям их ключ скорей найти.

Больше тысячи их было, в тюрьмы без вины
Брошены. Все были тут же освобождены.

Из числа их шах великий выбрал семерых —
И расспрашивал отдельно каждого из них.

Каждого спросил он: «Молви, правды не тая:
Ты откуда? Чей ты родом? В чем вина твоя?»

ЖАЛОБА ПЕРВОГО УЗНИКА

Первый узник молвил кротко: «Царь мой пусть живет,
Пусть врагов его раздавит мстящий небосвод!

Раст-Роушан безвинно брата моего схватил,
Истязаньями замучил, пытками убил.

Все имущество, богатство, землю и стада,
Что осталось после брата, взял он без суда.

Люди все вокруг жалели брата моего,
Жизнь загубленную, юность, красоту его.

Стал я жаловаться судьям, громко стал вопить,
Но вазир велел за это и меня схватить.

Он сказал: «Твой брат негодный другом был врагов,
Смуту сеял он. Я вижу, что и ты таков!»

И меня в темницу бросить он велел. Потом
Приказал он грубым гурам мой ограбить дом.

Руки твой вазир и ноги в цепи мне забил,
И в цепях я, как в могилу, в яму брошен был.

Брат мой умер, страшных пыток вынести он не мог,
Я же был лишен бессудно рук своих и ног.

Целый год я протомился в темной яме той,
Но опять надежду жизни лик мне дарит твой».

Так о Раст-Роушане правду услышал Бахрам,
Внял он, полный состраданья, узника словам.

Все вернул ему, что изверг лютый отобрал,
От себя ему за брата щедрый выкуп дал.

Сердце узника от страха он освободил,
Жизнь ему вернул, достаток прежний возвратил.

ЖАЛОБА ВТОРОГО УЗНИКА

Вызвал узника второго милосердный шах;
Тот упал, целуя землю, перед ним в слезах.

Он сказал: «Неподалеку у меня был сад,
Свежестью своей и тенью привлекавший взгляд.

Сад такой найдешь среди райских, может быть, садов,
Круглый год там созревало множество плодов.

Щедро осенью дарил он радостью сердца.
Мне достался по наследству сад мой от отца.

Раст-Роушан моим прекрасным садом был пленен,
И ко мне однажды в гости вдруг явился он.

Все свое гостеприимство я ему явил,
Угощал его плодами и вином поил.

С благодарностью, что дом мой посетил вазир,
Для него в саду прекрасный я устроил пир.

Он шутил со мной, смеялся, яств моих поел,
Пил вино мое со мною, сколько он хотел.

Отдохнувши, он по саду малость побродил
И без памяти, как видно, сад мой полюбил.

И сказал потом: «Продай мне сад свой, о сосед,
Дам за то твоей лампаде я надежный свет».

«Не могу, о благородный! — гостю молвил я. —
Как продам? Ведь этот сад мой — это жизнь моя!

Есть у каждого пристрастье, радость есть своя, —
Я душой привязан к саду, здесь и счастлив я.

Этот сад своим считай ты. Я останусь в нем
Пусть садовником, и даже — пусть твоим рабом.

Если побывать захочешь ты в саду моем,
Ты найдешь в тени отрадной отдых над ручьем.

Приходи в любое время, как хозяин, в сад, —
Будет все тебе готово, чем мой дом богат».

Он сказал: «Не говори мне больше ничего,
Мне твой сад продай за деньги и покинь его!»

Так с твоим вазиром долго препирался я,
Сад не продал и угрозы не боялся я.

В гневе Раст-Роушан из сада моего ушел,
Ложное он обвиненье на меня возвел.

В несвершенном преступленье подло обвиня,
Силой этот изверг отнял сад мой у меня.

А затем, чтоб правосудья я не стал искать,
Приказал меня забрать он, в цепи заковать.

Он великое мне горе причинил и зло,
Вверг в зиндан меня. Два года с той поры прошло».

Шах велел вернуть немедленно дом ему и сад
Зеленеющий, цветущий пышно, как Багдад.

ЖАЛОБА ТРЕТЬЕГО УЗНИКА

И Бахраму третий узник правду рассказал:
«Дай тебе господь, чего бы ты ни пожелал.

Все скажу чистосердечно: раб твой был купцом,
Опытным и умудренным в ремесле своем;

В море я ходил на крепком корабле своем;
От того мой хлеб зависел, тем стоял мой дом.

Многим тайнам научился я в путях своих;
Как никто я разбирался в жемчугах морских.

Годы шли. В своих скитаньях долгих добыл я
Горсть жемчужин — несравненных, словно Сурейя,

Через море с полным зобом прилетев домой,
Я с собой привез добычу — весь достаток мой.

Выгодно продать хотел я жемчуга тогда;
Выручки от них хватило мне бы на года.

И едва вазир твой первым стал осведомлен,
Что рабом твоим бесценный жемчуг привезен,

Сколько стал он мне за перлы денег предлагать,
Так что сам я устыдился, цену стал сбавлять.

Взял он жемчуг. А как время подошло платить,
В отговорках он уменье проявил и пруть.

Я нищал и в горе денег требовал с него.
Отговорки получал я, больше ничего.

Долго он увертывался. День за днем сменялся.
Над обманутым — я понял — подло он смеялся.

Раз он, будто для расчета, пригласил меня
И с убийцами в темницу заточил меня.

В обвинение придумал он бесстыдный вздор;
Как змея, меня опутал, обокрал, как вор!

Взял он жемчуг. А в уплату вместо денег дал
Мне темницу и в железо руки заковал.

Все, что я имел, украл он без стыда. И вот
Здесь лежу я, нем как камень, в муках третий год.

Но теперь вознагражден я: я увидел лик
Падишаха и свободный вновь обрел язык!»

И велел Бахрам оковы тут же сбить с него
И немедленно из темницы отпустить его.

И украденный вазиром жемчуг возвратил.
И еще: у вора взятым златом наградил.

ЖАЛОБА ЧЕТВЕРТОГО УЗНИКА

Встал четвертый, славя шаха и благодаря:
«О поистине достойный имени царя!

Музыкант я чужеземный, спутник мой — струна,
Я играю на барбате плавно, как волна.

Я влюблен был. Эта дева мой была кумир,
В ней — единственной — мой светлый заключался мир,

Лик ее бело-румяный солнце бы затмил.
Светлый день, как ночь, пред нею мертв и темен был:

Колокольчиком китайским смех ее звенел,
Пред ее улыбкой сладкой мрак ночной светлел.

И завидовала, видя эту красоту,
Юная весна с полями, с чащами в цвету.

Змеи кос ее спадали до подола вниз,
Стройности у ней учился тонкий кипарис.

И она была мне благом и отрадой глаз,
Светом счастья, наполнявшим каждый день и час.

Чернота ее блестящих амбровых кудрей
Драгоценного казалась мускуса черней.

Эта пери научилась пенью у меня.
Жили в счастье мы, не ждали горестного дня.

Снял я дом, и в этом доме жили мы вдвоем,
Неразлучны, как вечерний светоч с мотыльком.

Дева радовала сердце, как светильник, мне,
Радовалась мне, как зелень первая весне.

Раст-Роушан ее со мною злобно разлучил,
Светоч мой в своем чертоге силой заточил.

Светоч мой взяла тирана черствая рука,
Лютым пламенем спалила сердце мотылька.

С каждым днем меня разлука мучила сильнее,
В двери я стучал; хотел я повидаться с ней.

Зло смеясь, меня велел он в цепи заковать,
Утверждая, что безумцев надобно вязать.

У меня невесту силой отнял Раст-Роушан,
Я же, скованный, на муки брошен был в зиндан.

Он меня четыре года взаперти держал,
Как безумца. И спасенья я себе не ждал».

Тут же шах ему невесту возвратить велел,
И не просто, а богато одарить велел.

И еще ему особый выкуп заплатил
И на волю их обоих с миром отпустил.

ЖАЛОБА ПЯТОГО УЗНИКА

Пятый молвил: «О владыка мира, чей шатер
Над землей четыре гордых купола простер!

Я — правитель пограничной области твоей,
Верный раб твой; я покорен был царю царей.

Я о пользе государства думал, о мой шах,
Серьги верности владыке у меня в ушах.

Благосклонность и величье шаха и Яздан
Даровали мне богатство, достоянье, сан.

И, молясь, чтоб долголетьем шах был одарен,
Был я в милостыне щедрым, как велит закон.

Раздавал я бедным людям хлеб и серебро,
Ради счастья падишаха делал я добро.

Люди радовались, если в город я въезжал,
Мудрецов, мужей науки в круг я собирал.

Благоденствием и счастьем одарен я был,
И другим я часть достатка раздавать решил.

Серебром дарил я бедных вдов, сирот, детей;
Не было людей голодных в области моей.

Помощи, бывало, просят — помощь я даю,
Падающему я руку простираю свою.

Если кто-либо, бывало, попадет в беду —
Я спасти его немедля с помощью иду.

Край богат был. Получал я много податей.
Раздавал я много, тратил много на гостей.

Я сводил доход с расходом, в счете был не плох.
Был народ простой доволен, был доволен бог.

А когда вазир твой первый услышал о том,
В гневе он котел насилья вскипятит ключом.

Взял меня под стражу, власти он лишил меня,
Мира, и добра, и счастья он лишил меня.

Он сказал: «Не сам богатства собираешь ты,
Государственные средства расточаешь ты!

Или ты алхимик тайный? Ибо ты богат
Непомерно! Иль огромный отыскал ты клад?

Овладеть твоим богатством скрытым должен я,
Сам отдай, не то отскочит голова твоя!»

И забрал себе он силой все, чем я владел;
Думал, что я клад скрываю, взять меня велел.

Истерзал меня жестоко, истомил меня
И в цепях, в тюрьме подземной позабыл меня.

Так — с семьей, с детьми в разлуке — вот уже пять лет
Я томлюсь; не выйти, думал, больше мне на свет».

Шах вернул ему богатство, одарил его,
В область прежнюю к правленью возвратил его.

ЖАЛОБА ШЕСТОГО УЗНИКА

Был тогда шестой к Бахраму узник приведен,
От темницы, как от хмеля, вдруг очнулся он.

Он, произнеся молитву, пал лицом во прах:
«О пекущийся о бедных, милосердный шах!

Курд я родом, и от знатных я происхожу,
С юности своей тебе я воином служу.

И в твоих походах прежде я с тобой ходил,
Мой отец в войсках у шаха старого служил.

Как мои служили предки в прежние года,
Я — на жизнь и смерть — владыке верен был всегда.

Я во всех боях сражался, жизни не щадил,
Изнурил в походах силу и изранен был.

Наконец ты, справедливый, сам — своей рукой —
Наградил меня за службу домом и землей.

И пахал я эту землю с помощью волов,
И в поход по зову шаха был пойти готов.

Но вазир-насильник, бедных воинов тесня,
Клок земли, тобою данный, отнял у меня.

Кроме поля, я доходов не имел других,
От земли жену кормил я и детей своих.

Я не раз потом к вазиру с жалобой ходил;
Впал в нужду и, ради бога, помощи просил.

Умолял я справедливо поступить со мной,
Сжалиться его просил я над моей семьей,—

Жалованье из дивана мне установить
Или мне надел земельный прежний возвратить.

Закричал тут на меня он гневно: «Замолчи!
Не нужны теперь нам стрелы ваши и мечи!

Мир у нас! Никто не смеет шаху угрожать!
Царь наш мудр, он не намерен больше воевать.

Не грозит стране опасность больше от войны.
Очень дороги казне вы! Вы нам не нужны!

Ты же сам не будь ленивым! Сам — без дальних слов —
Поработай землекопом,— будешь сыт, здоров!

А не хочешь, то запомни: спор со мной — во зло..
Продавай коня, оружие, сбрую и седло!»

Я ответил: «Дива злобы, князь, остерегись,
Немощен я, весь изранен. Бога устрашись!

Верно я служил, обиды я себе не ждал,
Видишь сам, как я на службе шаху пострадал.

Ночью ты лежал на ложе мягком, в холодке,
Я же, сна не зная, в битву шел с мечом в руке.

В жизни ты не видел горя, знал лишь свой калам;
Я — мечом своим и кровью — был защитой вам.

Бился я мечом во славу шаха моего,—
Ты каламом истребляешь воинство его.

То, что дал мне шах, верни мне! Или же — клянусь —
С жалобой за стремя шаха сам я ухвачусь!»

На меня вазир свирепо, как дракон, взглянул,
Разъярился он, чернила мне в лицо плеснул.

Крикнул: «Ты меня пугаешь, будто ты — поток,
Будто я перед тобою, что земли комок.

Ах, глупец ты и невежда! То ты низко льстишь,
То пожаловаться шаху на меня грозишь?

Знай, что это сам я шаха посадил на трон,
Без меня рукою двинуть не решится он.

Под моей пятою шахи! Все они — вот тут!
По моим лишь указаньям все они живут!

Если бы они не стали слушать слов моих,
Коршуны бы расклевали головы у них!»

Так он, честь мою и славу добрую черня.
Отнял у меня оружие, сбрую и коня.

Палачам потом меня он бичевать велел
И в цепях в зиндан подземный отослать велел.

Я в цепях, в зиндане этом, просидел шесть лет,
Думал, что к свободе, к жизни мне возврата нет».

Обласкал бойца седого справедливый шах,
Наградил его великий и счастливый шах.

И Бахрам в глазах бедняги радость увидел
И надел ему земельный вдвое больше дал.

СЕДЬМОЙ УЗНИК

Выступил седьмой по счету узник и простер
Перед сумрачным Бахрамом слов живой узор:

«Я из тех, кто устранился от мирских тревог,
Кто идет путем дервишей. Мой вожатый — бог.

Длань узка, но взор мой, словно у свечи, широк.
На горенье ради мира я себя обрек.

Надо мной людских соблазнов стал невластен глас,
И от брения земного руки я отряс.

От воды, от сна и пищи отвратился я,
Без воды, без сна и пищи обходился я.

Не имев воды и хлеба, днем не пил, не ел,
Ночью же не спал я — ибо ложа не имел.

Утвердился я в служенье богу моему,
И не знал я дела, кроме как служить ему.

Взглядом, словом, делом людям благо приносить,—
Вот как я старался богу моему служить.

И за мною от вазира стражники пришли.
Вызвал — посадил меня он от себя вдали.

Молвил: «Стал тебя в злодействах я подозревать!
А закон страны — злодеев нам велит карать...»

«О вазир! — в ответ сказал я. — Мысли мне открой,
Жить по-твоему хочу я и в ладу с тобой!»

«Я боюсь твоих проклятий, — отвечал вазир. —
Да скорее бог избавит от тебя свой мир!

Ты злонравен по природе, мстителен и зол.
Ты дурных молитв немало обо мне прочел.

Из-за злых твоих молений я ночной порой
Поражен, быть может, буду божией стрелой.

Только раньше, чем от злого твоего огня
Искра божьего проклятья опалит меня,

В глотке яростной молитву я запроу твою:
Руки злобные в колодки с шеей закую!»

Заклучил меня в оковы, неба не страшась,
Старика поверг в темницу нечестивый князь.

Как осла, что вертит жернов, он меня велел
Заковать; колодки, цепи на меня надел.

На семь лет меня он бросил в страшный сей затвор...
Я же скованные руки к небесам простер,—

Ниспроверг величье князя я мольбой своей
И сковал злодею руки — крепче всех цепей!

Хитростью меня он бросил в крепость, под замок.
Я же у него разрушил крепость и чертог!

А теперь я отдан небом доброте царя,
И из сердца бьет лучами радость, как заря!»

И прижал властитель к сердцу старца, как отца,
Льва — убийцу нечестивых, божьего борца.

Молвил: «Кроме слов о страхе пред мольбой твоей
И возмездьем,— слова правды не сказал злодей.

Но отшельнику молитву запретить нельзя.
Праведника, как убийцу, осудить нельзя!

И когда творил нечестья он рукой своей,—
Он произносил проклятье над главой своей!

И проклятье это пало на него, как меч,
Голову его мгновенно похищая с плеч.

Ты в награду все богатства, чем владел вазир,
Все себе возьми! Да будет над тобою мир!»

Но сказал дервиш: «Что делать стану я с казной?
Нет! Сокровищем ценнейшим поделись со мной,

Как с тобою поделился лучшим я!» И вот
Круг он сделал, закружился, словно небосвод,

Заплясал, хоть бубен такта и не отбивал,—
И пропал. Растаял, словно вовсе не бывал.

БАХРАМ КАЗНИТ ВАЗИРА-НАСИЛЬНИКА

В час, когда палас свой грязный темная земля
Выбила, тяжелой пылью солнце застеля,

Шах сидел один бессонно, позднею порой.
Разрывался он от гнева, как кирпич сырой.

Он искал пути прямого к исправленью дел,
Тернии из сада жизни вырвать он хотел.

Он узрел несправедливость мира пред собой,
Насаждать решил он правду сам — своей рукой.

А когда он о вазире вспомнил, то без сил
Голову свою в ладони с горя опустил.

От стыда всю ночь до света он уснуть не мог,
От страдания и скорби век сомкнуть не мог.

А когда над миром солнце подняло свой лик,
Посадив в горшке гончарном свежий базилик,

Царь для жаждущих рассыпал дождь своих щедрот,
Как росу свою на травы сыплет небосвод,

И велел в дворцовом зале трон поставить шах,
Виселицу он устроить приказал в дверях.

Дверь открыл он всем. Сошелся городской весь люд.
С обнаженными мечами воины встают.

Среди избранных владыка сел на свой престол
И верблюда правосудья в высоту повел.

Столько собралось народу ко дворцу с утра,
Что прохода не осталось страже средь двора.

ای که از امر و زهر شربسپار
مرکب این دیر نیست وین
خضر و زهرین مستول از غدا
پس بجهی بسته آفات

افرازان و نیک شرم و
چند بار کجا نیست پس

این محنت که در این
پس می و پیش نیست

یک سوز که دل پیش
پست که کنای نیست

چند بار کجا نیست

صفت کوی خدایاست
نی بر من چو نی کرپ
کای من چو رومرا چو

Из темницы Раст-Роушана привели в цепях.
Приговор злодею вынес всенародно шах.

И насильник тот, погрязший в мерзости и зле,
Как презренный вор, с позором кончил жизнь в петле.

Шах сказал: «Отныне всякий, кто бы ни был он,
За измену и насилье будет мной казнен!

Как его измены семя ныне проросло,
Каждого за злое дело да постигнет зло!

Так изменники, злодеи, сеятели смут,
Словно псы, от справедливых смерть свою найдут.

Нет, не думайте: у правды больше нет друзей!—
Совесть, честь, земля и небо помогают ей!

Те, кто хитрые капканы ставят для других,
Сами — поздно или рано — попадутся в них».

Тут о пастухе, волчице и о псе Бахрам
Рассказал народу, войску и своим князьям.

Старца пастуха призвал он, щедро одарил,
Как отцу, ему он ласку и любовь явил.

Облегчил он и исправил все дела страны,
Были гнет им и насилье искоренены.

И, когда рука Бахрама за дела взялась,—
Стало золотом железо, шелком стал палас.

И опять собралось войско-море у него,
И сокровищ стали горы вскоре у него.

ХАКАН ПРОСИТ У БАХРАМА ПРОЩЕНИЯ

В день, когда хакан услышал о делах царя,
Отойти от зла решил он, благо сотворя.

Распрю он закончить миром поручил послам,
Написал письмо, надеясь, что простит Бахрам.

Он писал: «Виновник смуты наконец казнен;
В нем был корень всех напастей, им я был смущен.

Он хитрил и льстил; он миру и тебе вредил.
Подлой ложью на вражду он дух мой возбудил.

Простодушного — он ловко обманул меня,
На войну с тобой — великим — он толкнул меня.

Он писал: «Страна богата, путь тебе открыт.
Как прочтешь письмо — не медли. Скорый — победит.

Шах страной не управляет, только пьет вино.
Все дела его — пустое хвастовство одно.

Я с тобой теперь на дружбу пояс повяжу,
Приходи с мечом, а шаха сам я поражу».

О твоих деяньях славных я, мой шах, узнал
И увидел, что изменник мне бесстыдно лгал.

В пору брани, в пору мира все вершит Бахрам,
Что великим подобает совершать царям.

Я, как прежде, раб твой верный. В Чине — у себя —
Я хакан. Но эфиопский раб я для тебя!

Дочь моя — раба, служанка твоего дворца;
Прах твоих порогов выше моего венца.

Все послания злодея, что писал он мне,
Где о падишахе мира дерзко лгал он мне,

Я свернул и отдал в руки преданных послов,
Чтобы их прочел великий царь мой и хосров».

А когда Бахрам те письма принял от гонца,
Их прочтя, он разъярился, как калам писца.

Воздал богу он, что правду наконец обрел.
Все дела рукою твердой в царстве он повел.

И когда в дурном и добром суть увидел он,
Справедливостью одною был Бахрам пленен.

Как красавицу, он правду страстно полюбил,
Отпустил он семь красавиц и о них забыл.

Корни всех других стремлений подрубил в себе,
Ради правды жил и счастлив был в своей судьбе.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЛ БАХРАМА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЕГО В ПЕЩЕРЕ

Нанизавший лалы нити повести нетленной,
Что немолчным наполняет звоном слух вселенной,

Так сказал: «Когда семь башен, с чашами вина,
Перед шахом заключили сказок круг сполна,

Разум в куполе, что замком был его уму,
О летящем своде мира подал весть ему:

«Мудрый: удались от капищ идольских земли!
Убегай уничтоженья: вечному внимли!»

Этот голос у Бахрама дух воспламенил.
Шах от сказки и обмана взоры отвратил.

Видел: свертывают звезды бытия ковер,
Золотые своды замков превращая в сор.

Он семь куполов отвеял от очей, как сон;
В дальний — к куполу иному — путь собрался он.

Ведь один тот купол тленьем будет пощажен;
В нем до дня суда правдивый дремлет, опьянен.

Семерых седых мобедов шах призвать велел,
Семь дворцов семи мобедам передать велел;

Вечный пламенник под каждым сводом засветил;
В храмы пламени жилища страсти превратил.

Стал шестидесятилетним старцем властелин;
Забелел в кудрях-фиалках седины жасмин.

Стал служить Бахрам, как богу, истине одной,
И чуждался неизменно радости земной.

Но однажды, чуждым ставший ловле и пирам,
С избранными на охоту выехал Бахрам.

Но не ловля, не добыча в степь царя влекла:
Сделаться добычей неба — цель его была.

Рать рассыпалась по степи. Каждый повергал
Или гура, или ланя. Лишь Бахрам искал

Одинокую могилу для жилья себе.
Убивал порок и злобу бытия в себе

Не охотился на ланя, в лани — зло таится...
В солонцах, где лань к потоку в полдень не стремится.

Вдруг онагр, резвей, красивей прочих, в облаках
Пыли показался, — мчался в сторону, где шах

Ждал его. Он понял: этот ангелом хранимый
Зверь — ему указывает неисповедимый

Путь в селения блаженных. Устремил коня
За онагром. И могучий — с языком огня

Схожий легкостью и мастью — конь его скакал
По пескам, глухим ущельям, средь пустынных скал.

Конь летел, как бы четыре он имел крыла.
А охрана у Бахрама малая была, —

Отрок или два — не помню. Вот — пещеру шах,
Веющую в зной прохладой, увидал в горах.

Кладезем зиял бездонным той пещеры зев.
И онагр влетел в пещеру; шах вослед, как лев,

В щель влетел, в пещере ярый продолжая лов:
Скрылся в капище подземном, словно Кей-Хосров.

Та пещера стражем двери стала для Бахрама,
Другом, повстречавшим друга в тайном месте храма.

Вдруг обвал пещеры устье с громом завалил
И Бахрамову охрану там остановил.

И хоть поняли: в пещеру эту нет пути,
Но обратно не решались отроки идти.

Вглядывались в даль степную, тяжело дыша,—
Не пылит ли войско в поле, шаху вслед спеша.

Так немалое в тревоге время провели.
Наконец к ним отовсюду люди подошли,

Увидали: вход в пещеру камнем заслонен
И в мозгу змеи — змеиный камень заключен.

Отроки им рассказали все, что знали сами;
Как Бахрам влетел в пещеру, как потом камнями

Завалился вход. Не верил отроков словам
Ни один: «Глупцы-мальчишки вздор болтают нам!

Как слоноподобный телом богатырь Бахрам
Поместился в щель, где впору жить одним кротам?»

И не ведали, что, вещей увидавши сон,
В Индостан ушел скучавший на чужбине слон.

Он — слону подобный силой — скован роком был,
А расторгнуть цепи рока нет под солнцем сил.

Но чтоб местопребыванье шахское узнать,
Плетками юнцов несчастных начали стегать.

Громко закричали слуги, плача и божась,
Вдруг, как дым, из той пещеры пыль взвилась, клубясь.

И раздался грозный голос: «Шах в пещере, здесь!
Возвращайтесь, люди! Дело у Бахрама есть».

Но вельможи отвалили камни и зажгли
Факелы и в подземелье темное вошли.

Видят: замкнута пещера в глубине стеной.
Много пауков пред ними, мухи — ни одной.

Сотни раз они омыли стену влагой глаз.
Шаха звали и искали сто и больше раз

И надежду истожили шаха отыскать.
И о горе известили государя мать.

И перед пещерным зевом стали, как змея,
Вереницею, в безмолвье реки слез лия.

И, истерзанная скорбью, мать пришла Бахрама.
И она искала сына долго и упрямо;

Сердцем и душой искала, камни взглядом жгла,
Розу под землей искала — острый шип нашла.

Кладезь вырыла, но к кладу не нашла пути;
В темном кладезе Юсуфа не могла найти.

Там, где мать, ища Бахрама, прорывала горы,—
До сих пор зияют ямы, как драконьи норы.

И пещерою Бахрама-Гура до сих пор
Это место именуют люди здешних гор.

Сорок дней неутомимо глубь земную рыли.
Уж подпочвенные воды в ямах проступили

Под лопатами, но клада люди не нашли.
Небом взятого не сыщешь в глубине земли.

Плоть и кость земля приемлет, душу — дар небесный —
Небеса возьмут. У всех, кто жив под твердью звездной,

Две есть матери: родная мать и мать-земля.
Кровная лелеет сына, с милым все делая;

Но отнимет силой сына мать-земля у ней.
Двух имел Бахрам богатых сердцем матерей,

Но земля любвеобильней, видимо, была:
Так взяла его однажды, что не отдала

Никому, ни даже кровной матери самой!..
Разум матери от горя облачился тьмой.

Жар горячечный ей душу иссушил, спалил.
И тогда старухе голос некий возгласил:

«О неистовствующая, как тигрица, мать!
Что несуществующего на земле искать?»

Бог тебе на сохраненье клад когда-то дал;
А пришла пора — обратно этот клад он взял.

Так не будь невежественна, не перечь судьбе,
С тем простись, что рок доверил временно тебе!

Обратись к делам житейским. Знай: они не ждут.
И забудь про горе,— это долгий, тщетный труд...»

И горюющая гласу вещему вняла;
От исчезнувшего сына думы отвела,

Цепи тяжких сожалений с разума сняла
И делами государства разум заняла.

Трон и скиптр Бахрама-Гура внукам отдала.
В памяти потомков слава их не умерла.

Повествующий, чье слово нам изобразило
Жизнь Бахрама, укажи нам — где его могила?

Мало молвить, что Бахрама между нами нет,—
И самой его могилы стерт веками след.

Не смотри, что в молодости именным тавром
Он клеймил онагров вольных на поле! Что в том?

Ноги тысячам онагров мощь его сломила;
Но взгляни, как он унижен после был могилой.

Двое врат в жилище праха. Через эти — он
Вносит прах, через другие — прах выносит вон...

Слушай, прах! Пока кончины не пришла пора:
Ты — четыре чашки с краской в лавке маляра.

Меланхолия и флегма, кровь и желчь, от ног
До ушей, как займодавцы, зиждут твой чертог

Не навечно. И расплаты срок не так далек.
Что ж ты сердце займодавцам отдаешь в залог?

Умершие, что в могиле темной лица скрыли,
Взятый в долг свой цвет и запах персти воротили.

И до дня суда, години грозной и великой,
Ни один из них живущим не откроет лика...

Нашей жизни ночь — опасность; на путях у нас
Страх, и страж уснул, и шарит вор в домах у нас.

Пусть землю обольщенный землю ест. Но что ж,
Сильный, ты ножу слабейших сердце предаешь?

Хочешь, чтоб тебе подвластно стало небо, — встань
И, поправ его пятою, над землей воспрянь!

Не оглядывайся только, — в высоту стремясь
Неуклонно, — чтоб на землю с неба не упасть.

Твой кушак — светила неба. Ты — Танкалуша
Звездных ликов. Цепи снимет с них твоя душа.

В каждом лике, как в зеркале, сам витаешь ты.
Что же знаменьями тайны их считаешь ты?

Но хоть ты от ощущений звезд всегда далек, —
Дух твой, разум твой навеки светы их зажег.

Кроме точки изначальной бытия всего,
Все иное — только буквы свитка твоего.

Знай: ты страж престола бога и его венца.
Ведома тебе дорога мудрости творца.

Ты гляди на добродетель, только ей внимли,
Не уподобляйся гаду, что ползет в пыли.

Помни: все, чем обладаешь, — ткали свет и тьма.
Помни: все, чего желаешь, — яркий луч ума!

О, скорей от рынка скорби отврати лицо!
Огонь, вода, земля и воздух здесь свились в кольцо.

Хоть четыре дымохода в хижине,— тесна
И темна для глаз и сердца и душна она.

Две есть двери в мире, словно в воровском дому.
Этот мир мы тащим, словно странничью суму.

Помни: до того, как будешь изгнан из села,—
Собери свои пожитки и навьючь осла.

В путь возьми с собою душу, тело позабудь:
Тело — тяжкий груз, и труден будет дальний путь.

В мир вступая, ведай: скоро должен ты уйти
Прочь. Так будь же осторожен на своем пути

Через этот мир. Умом он быстрым наделен,—
Медленный в борьбе с тобою, быстр в убийстве он.

Пусть неправосудно пленник будет им убит,—
В списке смерти ни единый им не позабыт.

Хоть сто тысяч раз сыграешь ловко,— все равно
Благ земных не вкусишь больше, чем предрешено.

Льдом окованный, есть в чаще неба водоем.
Чтобы не застыть навеки в дивно ледяном

Воздухе высот, куда мы скоро отойдем,—
Надо сделаться живыми, прежде чем умрем!

Царь земной, стоящий в славе, словно небосвод,
В час негаданный утратит славу и умрет.

Никому не подначальный мир убил его;
Ни за что — бегущим диском раздавил его.

Но росы медвяной капли с терна бытия,
Смертный, собирай — покамест длится жизнь твоя,

Чтоб о них у двери мрака ты не пожалел —
В час, когда исторгнут душу меч и жала стрел.

Ты отринь отраду мира, прежде чем уйти
В смерть, чтобы успеть от смерти душу унести.

Человек двумя делами добрыми спасет
Душу: пусть дает он много, мало пусть берет.

Много давшие — величья обретут венец.
Но позор тебе, обжора алчный и скупец.

Только тот достоин вечной славы, кто добра
Людам хочет, ценит правду выше серебра.

Можно ль привязаться к службе, — даже у царей, —
Что беременна опалой близкою твоей?

Не гляди на взлет надменный башни в облаках,
Помни, что и эти стены превратятся в прах.

Что ты мнил своим минбаром — плахою твоей
Делается. Что ж робеешь? Будь смелей пред ней!

Смертный пусть до звездной сферы вознесет венец,
Но земное вниз земного свергнет наконец.

Пусть хосров, достигнув неба славой дел своих,
Дань берет с семи великих поясов земных, —

Все же в некий день увидишь мертвым и его,
Обездоленным, лишенным на земле всего.

Нападений тьмы избегнуть не вольна земля.
На сокровищнице мира бодрствует змея.

Сладкий сок имеет финик и шипы свои.
Где целительный змеинный камень без змеи?

Все, что доброго и злого судьбы нам дарят, —
Это суть: услада в яде, и в усладе яд.

Был ли кто, вкусивший каплю сладкого сначала,
Вслед за тем не ощутивший мстительного жала?

Мир, как муха, у которой медом впереди
Полон хоботок; а жало с ядом — позади.

Боже! Дай всегда идти мне правильным путем,
Чтобы мне раскаиваться не пришлось потом!

Двери милости отверзны перед Низами!
Дом его крылом — хранящим в бурю — обними!

Дай ему сперва ты славу добрую в удел;
Дай же под конец благое завершенье дел!

КОНЕЦ КНИГИ
ХВАЛА АЛААДДИНУ КУРПА-АРСЛАНУ

Только пробой осветился звонкий золотой,
Что в Гяндже был по-румийски отчеканен мной,

Начертал я имя шаха, чтоб моя рука
Прославлялась по вселенной долгие века.

Шах — в румийских одеяньях славный властелин;
Рум ему налоги платит, дань большую — Чин.

На стезе наук и знаний, словно на весы,
Разум Бахтишу он ставит и престол Исы.

Все творение земное дышит только им,
Небо, преклонясь, целует землю перед ним,

Стражу во дворце сменяет, свет ведя и тень.
И за службу получает две лепешки в день.

Благородство, словно мускус, шаха выдает;
Чистый жемчуг — порожденье заповедных вод.

В пене весь эфир, осадком воздух замутнен,
Чист лишь он, великодушья основанье — он.

И просителям, обильней меккского песка,
Сыплет золото Египта шахская рука.

Меч Алааддина скалы твердые дробит,
Словно стружку от сандала он врагов палит.

Тонкий волос рассекает шахская стрела,
В облаках орла пронзает шахская стрела.

Как рассвет, на нем блистают латы и шелом,
Он кольчугу разрывает на луне копьем.

Шесть сторон земных кольчугой носит властелин,
Семь небес — его аркана лишь изгиб один.

Ты, на милость чью надеждой полон Низами,
Средь касыд и песен века — песнь мою прими.

Твой венец да вознесется к тверди голубой,
Чтоб тебе казалось небо — небом над собой.

Близок ты, далек, что небо в зеркале воды,
Быстр и медленен, как солнце, как полет звезды.

Время истинное в мире ты установил.
Устанавливавших время ты опередил.

Ты, как ангел светозарный, превосходишь нас,
Ты — как небо, и на небо ты возводишь нас.

И когда в венец дастана яхонт вправлен был,
Книгу я — чтоб не украли — шаху посвятил.

Я творенье посвящаю шаху моему,
Да прославлен буду славой, что дана ему.

Коль найдет по нраву книгу твой высокий вкус,
Я, как твой венец высокий, в мире вознесусь.

Капельки росы медвяной стынут на шипах,
Божий дар небесной манной падает в песках.

Я тебе из сада мысли отдал лучший плод,
Чистый, сладостный, как в сливки погруженный мед.

Как инжир, в плоде роскошном сладки семена,
Сердцевина же — отборным миндалем полна.

В нем, для тех, кто ценит внешность, внешность
хороша
А ядро для тех, кем выше ценится душа.

Мой дастан — ларец закрытый, полный жемчугов,
Ключ к нему — в особом строе и значенье слов.

Я для мудрых этот жемчуг стал на нить низать,
Что сумеют самый трудный узел развязать.

Все, что доброго и злого в ней ты видеть мог,
Это — мысли указанье, разума намек.

Я семи царевен сказки нанизал подряд.
То — не сказки; в каждой сказке потаенный клад.

Сказку — у которой платье было коротко,
Я стихом своим крылатым удлинил легко.

Ну, а сказка, что сверх меры — мнилось мне — длинна,
Тоже мной была искусно укорочена.

Я подарок царски щедрый подношу царю,—
Кость тебе со сладким мозгом жирную дарю.

Книгу я украсил тонко, росписью одел,
Чтоб ценитель благосклонно на нее смотрел.

Дар мой здесь неиссякаем, вдохновенен был,
Я в жемчужные шкатулки мысли заключил.

Девственных красавиц много во дворце моем,
Целомудренных, с покрытым кисеей лицом.

Тот — из золота — звенящий, тот жемчужный стих;
И хоть мало притязаний, много смысла в них.

Знают пусть, что завязал я здесь узлом своим
И что все могу я сделать словом лишь одним.

Почему же так узорно изукрасил я
Семь сокровищниц, в них тайну смысла затая?

Это потому, что чтение утомляет глаз,
А на росписи узорной отдыхает глаз.

Почему так длинно, спросишь, повесть я развил,
Чтением глаза, а уши пеньем полонил?

Потому, что много мыслей было у певца,
Как красавиц узкоглазых в глубине дворца.

В каждой деве клад бесценный, сокровенный в ней.
К кладу ключ — под завитками амбровых кудрей.

Кто проникнет в недра клада — золото найдет,
Как на дне морском в Омане, жемчуг обретет.

Я — творец, мне был каламом сахарный тростник.
Пальма, полная плодами, — эта книга книг.

Мой калам с шумящей нивы сладостных стихов
Посылает Утариду сноп колосьев-слов.

Утарид из тех колосьев дом себе воздвиг,
Ибо пищущих не любит созидатель книг.

А когда я сам из замка скромности моей
Дар царю поднес — бесценней дорогих камней,

То в уплату за верблюдов с грузом золотым
Замок Бронзовый остался должником моим.

Но богат должник мой, полон всякого добра,
«Бронзовый» не потому, что нет в нем серебра.

Эта глыба мощи, гору палицей дробя,
Дождь алмазов и рубинов сыплет вокруг себя.

Те рубины дорогие — чтоб друзей дарить,
Те алмазы, чтоб подошвы вражьи уязвить.

То не крепость, а Кааба; к ней ведет тропа,
Где стекается с молитвой праведных толпа.

Это — главный гвоздь вселенной, центр и пуп земли.
«Бронзовым» за неприступность замок нарекли.

В город твой завоеватель не сумел войти,
Не пузырь ли желчный лопнул у него в пути?

Джабал ар-Рахма — долина вокруг твоей святыни,
Бу-Кубейс — туманный пояс на его вершине.

Пусть же будут вечны стены города сего,
Ибо солнце почивает во дворце его!

Ну, а если шах в осаду вражью попадет,
То мгновенно с голубями письма он пошлет,

Чтобы помощь из далеких слали крепостей,
Чтоб разбили и прогнали незваных гостей.

Я — жестоко осажденный в городе родном —
Убежать не мог, сражаться я не мог с врагом.

Словно с голубем, с дастаном весть я шлю сейчас,
Чтобы шах пришел и друга от осады спас.

Ты, чьи серьги носит вечный небосвод в ушах,
В драгоценных одеяньях светоносный шах,

Посмотри, какое чудо мой калам явил
В дни, когда ты добрым словом дух мой окрылил!

Завершил я эту книгу в срок, когда идет
По Хиджре без семилетья шестисотый год.

На четырнадцатых сутках месяца поста
Утром положил калам я и закрыл уста.

Пусть благословеньем будет книга для тебя,
Чтобы ты со славой правил, правду возлюбя.

Пей из этих бейтов воду жизни и любви,
Словно Хызр, живой водою упоен — живи!

Будь во всем велик душою, с жизнью подружись,
Царствуй долго, и да будет радостною жизнь.

Коль простишь мне, что на зов твой не явился я,
То позволь, чтобы достойно объяснился я.

Хоть и в море наслаждений, царь мой, ты живешь,
В этой книге наслажденье вечное найдешь.

И всего, что ценно в мире, выше в наши дни
Эта книга, остальное — тяготы одни.

Пусть сто лет наш век продлится, даже пусть —
 пятьсот,
 Самый долгий прекратится век и в тьму уйдет.

Этот клад, что освятил я именем твоим,
Вечен будет, как небесный светоч, негасим.

Слово разума и правды завершаю я,
И тебя с открытым сердцем восхваляю я.

Счастливы будьте! Пусть будет солнце хлебом для тебя,
Пусть стреманный будет послан небом для тебя!

Да пошлет творец владыке радостный удел
И счастливым увенчает завершением дел!

КОММЕНТАРИИ

Прежде всего необходимо прокомментировать название поэмы. Персидское слово «пейкар» может быть переведено словом «красавица» с большой натяжкой. В классической персидской поэзии, в частности в поэме Низами, оно означает: 1) тело, фигура; 2) небесное тело, планета, звезда; 3) портрет, картина и лишь условно (метафорически) — «красавица». Не случайно Алишер Навои, создавший свою «Пятерицу» как бы в ответ на поэмы Низами, назвал свою поэму на этот же сюжет «Семь планет».

В зависимости от контекста Низами употребляет слово «пейкар» почти во всех вышеперечисленных значениях. В названии поэмы он, скорее всего, вкладывал смысл «небесное тело», «звезда». Поэтому, на наш взгляд, правильнее было бы перевести название поэмы «Хефт пейкар» как «Семь звезд». Первоначально же поэма называлась «Бахрам-наме» («Книга о Бахраме») аналогично другим поэмам, которые названы по именам главных героев — «Хосров и Шярин», «Лейли и Меджнун», «Книга об Искендере» («Искендер-наме»).

ВОСХВАЛЕНИЕ

Стр. 8. *Черный ты шатер и белый над землей простер...* — Здесь с шатром сравнивается небосвод: с черным — ночной, с белым — дневной.

Вся вселенная, по представлениям древних, состоит из семи основных сфер и двух высших сфер над землей.

Стр. 9. ... *звездный небосвод //суетится и кружится у твоих ворот.* — Поэт говорит: все небесные и земные тела поклоняются творцу.

ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА МУХАММЕДА

Стр. 11. *Он — пророк, четыре силы мир свой в нем нашли...*— Перевод двустихия неточен, в подлиннике сказано: «Хотя он был неграмотным, стал светочем четырех материй, // Стал светом земного ковра и сенью небесного престола». Под четырьмя материями поэт подразумевает четыре основы мира (по представлениям той эпохи — воздух, землю, огонь и воду).

Стр. 12. *Путь семидесяти тысяч всех грядущих лет. // Здесь семитысячелетья будет чтить завет.*— По исламу, со времени создания мира до наступления Судного дня пройдет 70 тысяч лет, а пророк родился через семь тысяч лет после сотворения мира.

Четверо его избранных...— Имеются в виду четверо ближайших сподвижников Мухаммеда, халифы Абу-Бакр (632—634), Омар (634—644), Осман (644—656) и Али (656—661).

Стр. 13. *Чудо! Вместо терна — груды фиников лежат.*— Перевод неточен, в подлиннике говорится, что от дыхания Мухаммеда на высохшей пальме появились сочные финики, но для врага его эти плоды становятся колючками.

Яблоко луны избранник делит пополам.— Пророку Мухаммеду приписывалась способность расщеплять луну. Избранник (избранный) — почетное прозвище Мухаммеда, данное ему за то, что из всех пророков он единственный был якобы принят аллахом.

О МИРАДЖЕ ПРОРОКА

Стр. 14. *Шесть возьми великих граней...*— Под шестью гранями имеются в виду три стороны, т. е. три измерения, три направления вселенной.

По требту небесной Рыбы — т. е. по созвездию Рыбы.

Чтобы чистя померанец, ранили ладонь.— См. пояснения в Словаре к слову «Юсуф».

Стр. 15. *Серьги рабские повесил он к ушам своим.*— Рабам на Востоке в ухо вдевали кольцо, поэтому выражение «вдевать кольцо (серьгу) в ухо» означает проявлять покорность, беспрекословно исполнять приказ.

Осыпались перья с крыльев четырех орлов.— Низами проводит сравнение с царем Кей-Кавусом, о котором говорится в следующем двустихии.

Как летучий трон Кавуса... — Кавус (Кей-Кавус) — полумифический иранский царь, который по наущению злого духа решил взлететь на небо. По его приказу был приготовлен специальный паланкин, к углам которого привязали четырех голодных орлов, а над ними повесили мясо. Орлы, стремясь достать мясо, взлетали все выше и выше, поднимая паланкин, пока не обессилели, и тогда паланкин Кей-Кавуса упал на землю.

О ПРИЧИНЕ СОСТАВЛЕНИЯ КНИГИ

Стр. 20. *Небесные невесты* — т. е. планеты.

Стр. 21. *Порождается из капли человек живой...* — По мусульманскому учению, первый человек был создан из комка глины и капли воды, а жемчуг, по поверью, образуется на дне моря из дождевой капли, проникающей сквозь толщу вод в раковину, на этом и основано сравнение.

Ты Стрельца и Скорпиона людям отнеси. — В подлиннике сказано: «Сродни отношениям Скорпиона и Стрельца, жадность Махмуда и великодушие Фирдоуси».

Согласно утверждениям астрологов, созвездия Скорпиона и Стрельца находятся во вражде между собой; это лежит в основе поэтического сравнения: по известной легенде могущественный султан Махмуд Газневид не заплатил Фирдоуси обещанной за эпопею «Шах-наме» суммы, за что великий поэт написал на султана злую сатиру.

Стр. 22. *Если амбру, что собрал я на своем веку, // Не продам, — пусть будет мускус на моем шелку.* — В подлиннике сложная игра слов: Низами уподобляет свою поэму амбре, ее начертание чернилами на бумаге — темному мускусу на светлом шелку.

ХВАЛА СЧАСТЛИВОМУ ПАДИШАХУ, ДА ОЗАРИТ ЕГО АЛЛАХ

Стр. 25. *Подымается, пылая, пламя изо льда* — т. е. искристое вино в хрустальной чаше.

Стр. 27. *Пусть в лучах двух зорь...* — У Курпа-Арслана, владельца Мараги — адресата поэмы Низами, — было два сына, они и уподоблены двум зорям.

Имя одному — «Победа»... — Прозвищем старшего сына Курпа-Арслана, Мухаммеда, было Нусрат ад-Дин, что в переводе означает «Победа веры».

Назван — «Небо», и зовется он еще «Ахмед».— Второй сын Курпа-Арслана, Ахмед, был прозван Фалак ад-Дином, что значит «Небо веры».

То два имени в двух формах корня одного.— Имена «Ахмед» и «Мухаммед», означающие «Славный», «Преславный», образованы от одного корня: «хамада» — славить.

Стр. 28. ... *светлая Балкис!* — Жену Курпа-Арслана звали Балкис по имени царицы Савской, супруги пророка Сулеймана (см. Словарь).

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕЛУЮЩЕГО ЗЕМЛЮ

Стр. 28. *Вечер твой слуга, чья кожа смуглая черна...*— Дворцовая стража состояла обычно из темнокожих индийцев; они носили на поясе колокольца, звеневшие во время ночного обхода. В стихе ночь уподоблена темнокожему стражнику, а луна — колокольцу.

Стр. 29. *День — блистающий румиец — вмиг бы зинджем стал, //*
Если бы служить сардаром шахским перестал.— Поэт хочет сказать: день (светлокожий румиец) потемнел бы, как негр (зиндж), если б «лишился чести» сиять шаху — служить ему, как служит шаху полководец (сардар).

Но на скатерть лишь два хлеба за день он кладет.— Под двумя хлебами (лепешками) подразумеваются солнце и луна. В этом и следующих бейтах поэт говорит о щедрости правителя, который в отличие от небосвода «кормит» «семь планет», т. е. жителей семи обитаемых частей света (по тогдашним географическим представлениям мусульман).

Стр. 30. *«Семь свершений» и «Двенадцать поединков» было...*— Число «семь» является сакраментальной цифрой в восточной мифологии. Поэтому герои «Шах-наме» Фирдоуси обычно совершают по семь подвигов. Под двенадцатью поединками подразумеваются поединки двенадцати иранских и туранских богатырей, описанные в «Шах-наме», которые решили исход многолетней борьбы иранцев и туранцев в пользу первых.

Если в зеркало румиец камень превратил...— По легенде, изложенной в поэме Низами «Искендер-наме», Александр Македонский (румиец) сделал зеркало из полированного железа, получаемого из камня — руды.

Пятый пояс...— В пятом поясе, т. е. иклиме (см. Словарь), располагался по тогдашним географическим представлениям Иран.

ВОСХВАЛЕНИЕ СЛОВА И НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МУДРОСТИ

Стр. 35. *«Прокисло наше молоко».* — Поговорка: «Никто не назовет свое молоко прокисшим» — приводится в разговоре тогда, когда хотят подчеркнуть, что никто не станет порочить собственный товар.

В оболочке из камеди мускус берегут. — Опасаясь грабителей на больших дорогах, купцы прятали мускус в камедь, чтобы он не был обнаружен по запаху.

Стр. 37. *«От змеи противоядьё в позвонке змеи».* — По поверью, в голове змеи, у шейных позвонков паходится круглый камушек, который является противоядием от укуса змеи.

Стр. 38. *Из-за трех монет фальшивых...* — Золотым монетам уподоблены лепестки тюльпана.

Что есть золото? — Слово «золото» по-персидски состоит из двух согласных звуков и на письме изображается двумя буквами.

Стр. 39. *Время синюю одежду на себя надеть* — т. е. облачиться в траур.

*Три носильщика смиренных служат у тебя, // Четверо рабов бес-
сменных стерегут тебя.* — Под тремя носильщиками обозначены мине-
ральный, растительный и животный мир, составляющие основу суще-
ствования человека.

Вторая строка переведена неточно. В подлиннике сказано: «А четыре носильщика грабят твой дом». Под «четырьмя носильщиками» подразумеваются четыре стихии (вода, огонь, воздух, земля), от постоянного столкновения которых разрушается все сущее.

Стр. 40. *С головы спили под корень эти семь рогов // И освободи
от этих четырех подков.* — Под семью рогами Низами имеет в виду семь небесных сводов, а подковы означают четыре стихии, составляющие, как считали в древности, весь мир. Смысл бейта — надо освободиться от уз материального мира, вознестись выше семи небес — в духов-
ный мир.

Мимо тайного колодца... — Здесь колодец — символ мирской суеты, бренного мира с его ничтожными радостями и страстями.

Бек села... — Здесь «бек» означает старосту; «быть старостой, не находясь в селе» — идиоматическое выражение, означающее: все делать, но быть не у дел.

Стр. 41. *В Эфиопии не ценят...* — Эфиопии, которая в поэзии эпохи Низами была символом черноты, уподоблен родной город поэта — Гянджа. Низами сетует на то, что его светлые, прекрасные, как тюрки, стихи не оценены в Гяндже.

Я подобен недозрелым летним гроздьям был.— Поэт говорит о том, что, когда он был молод, стихи его цепились высоко, хотя они были подобны незрелому винограду, а теперь, когда стал зрелым поэтом, когда стихи его сладки, как спелый виноград, их присваивают придворные поэты и, словно осы, пьют их сок и жалят его при этом.

Но не видно винодела.— Продолжая мысль, поэт сожалеет, что нет подлинных ценителей поэзии, способных отличить истинную поэзию от «писанины» папегиристов, нет людей, которые поощрили бы его поэтический труд.

Ведь в арабском начертании серебро...— В персидском языке, использующем арабский алфавит, слово серебро — «сим» — обозначается тремя буквами, и если поменять местами первую и последнюю буквы, то получится «мис», то есть — медь.

Стр. 42. ... *неба от веревки он не отличит...*— И попые широко распространенная поговорка: «Не отличает неба от веревки» — употребляется, когда хотят указать на чью-либо тупость, невежество.

Стр. 43. *Два слона тебе служили...*— то есть день и ночь.

НАСТАВЛЕНИЕ СВОЕМУ СЫНУ

Стр. 46. ... *и по закону нам разрешена.*— Шарият (см. Словарь) разрешает мусульманину есть мясо только того животного, которое зарезано особым способом, но дичь, добытую собакой, есть не запрещено.

Отрекись от трех, на крыльях их парить нельзя. // Отрекись от двух, двойною верой жить нельзя! — Под тремя подразумевается «святая троица», христианство, под «двумя» подразумевается дуалистическая религия с божествами добра и зла.

Стр. 47. *«Если оспа Ахмадуну исказит черты...»* — «Ахмедчик был красив, а оспа сделала его прекрасней» означает: безобразный стал еще безобразнее или несчастный — еще несчастней.

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ О БАХРАМЕ

Стр. 49. *Пламенел тогда в созвездье Рыбы Муштари, // А Зухра горела справа...*— Сближение планет Муштари (Юпитера) и Зухры (Венеры) — рассматривалось астрологами как счастливое предзнаменование, а рождению Бахрама, говорит поэт, сопутствовало это сближение планет. Дальше сказано, что, когда родился Бахрам, планета Бахрам (Марс) была в созвездии Льва, а это сулило ему бесстрашие и отвагу.

ОПИСАНИЕ ДВОРЦА ХАВАРНАКА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НУМАНА

Стр. 60. *«Звездой Йемена»...* — Имеется в виду звезда «Каноп (ус) (Сухейль)» в созвездии Корабль Арго.

ОХОТА БАХРАМА И КЛЕЙМЕНИЕ ОНАГРОВ

Стр. 60. *Йеменского онагра кожу утончила.* — Во времена Низами в Йемене изготовлялся сафьян, который, как считали, своим блеском и хорошим качеством обязан был сиянию Йеменской звезды — Сухейля.

Диск луны и мяч у солнца был им унесен. — «Унести мяч» — идиоматическое выражение, означающее «победить», «превзойти» кого-либо. Выражение взято из игры в конное поло — човгап; побеждал тот, кто клюшкой отбивал мяч и проводил его через ворота противника. Смысл бейта: он был настолько ловок и искусен, что своей клюшкой доставал диски (шары) солнца и луны и играл ими как мячом.

Стр. 62. *Что насилья не отмечен роковым тавром.* — В стихе обыграно слово «даг», которое имеет два значения: 1) тавро, клеймо и 2) страдания, муки. Смысл двустушия: ныне не найти существа, которое не подвергалось бы гнету насилья.

БАХРАМ УБИВАЕТ ЛЬВА И ОНАГРА

Стр. 62. *В день тот у Бахрама неба выиграл он мяч.* — Т. е. шах Бахрам выиграл у Марса.

Все его Аджам шахом истинным сочли... — Здесь Аджам означает Иран. Поэт говорит, что все следившие за Бахрамом поняли, что он станет царем Ирана.

Начали Бахрамом-гуром величать его. — Гур — онагр. Свое прозвище Бахрам-гур получил якобы за то, что он постоянно охотился на гуров.

БАХРАМ УБИВАЕТ ДРАКОНА И НАХОДИТ КЛАД

Стр. 65. *Словно зиндж, жонглирующий связками ремней...* — Во времена поэта зинджи — негры из Занзибара славились как фокусники, потешники, ловко жонглировавшие красными ремнями. В следующем бейте образно сказано, что онагр ловко отгонял хвостом мошкар, а копытом чесал ухо.

... а за ним — Гурхан... — Гурхан — одно из прозвищ Бахрама, которое он получил за победу над предводителем среднеазиатских тюрок Гурханом. Помимо того, Гурхан означает «повелитель гуров».

БАХРАМ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Стр. 73. *И владык иранских пояс о семи значках.*— Дневнеиранские цари носили особый пояс с семью жемчугами, символизировавшими семь обитаемых поясов земли (иклимов).

БАХРАМ ПРИВОДИТ ВОЙСКО В ИРАН

Стр. 74. *Не пора ли стать собою, слова чародей.*— В этом и последующих двенадцати двустушиях поэт говорит о том, что еще в молодости дал себе слово не следовать проторенным путем, не заимствовать мысли и образы у других, подобно придворным одописцам, и что хотя сюжет, выбранный им, впервые был обработан Фирдоуси в «Шах-наме» и неизбежно некоторое сходство, он все же не будет повторять Фирдоуси. Низами намекает на то, что Фирдоуси использовал сюжеты, разработанные в древних народных сказаниях.

БАХРАМ БЕРЕТ ВЕНЕЦ

Стр. 89. *Но не таза гром драконов черных испугал.*— Во времена Низами суеверный народ полагал, что дракон проглатывает луну и оттого наступает затмение, и, чтобы испугать дракона, заставить его исторгнуть из себя луну, люди били в тазы, поднимали шум, устрашая дракона. Здесь львы уподоблены драконам, а венец — луне.

БАХРАМ И РАБЫНЯ

Стр. 101. *И, целуя прах, добыча на землю легла!*— По обычаю тех времен, человек, допущенный к повелителю, должен был целовать перед ним землю (пол). Поэт, намекая на этот обычай, говорит, что и онагр, пронзенный стрелой Бахрама, упал ниц с этой целью.

Стр. 108. *И своих нарциссов томность розе придала...*— В классической поэзии на фарси роза — обычный синоним ланит, а нарциссы — глаз. Поэт говорит, что она придала себе томное выражение.

Применила семь она снадобий сполна...— На Востоке женщины пользовались семью косметическими средствами: 1) хной — ею окрашивали в красноватый цвет волосы, кончики пальцев и ладони; 2) сурьмой — ею придавали блеск глазам; 3) басмой, которой красили в черный цвет волосы и брови; 4) румянами; 5) белилами; 6) золотой фольгой и 7) галией (смесью ямбры с мускусом).

Стр. 109. ... *блещет самоцвет такой // Под быком! При этом блеске словно бык морской...* — Бык, которого поднимает Фитна, сравнивается с быком, на котором, по поверью древних, покоится земля и у которого в ноздре жемчужина, при ее свете Бык ночами выходит на сушу и пасется. Поэт, обыгрывая образ Быка с жемчужиной, говорит, что тот Бык носит жемчужину, а теперь жемчужина (головка Фитне в драгоценностях) носит быка.

ХАКАН ЧИНА ВТОРГАЕТСЯ В ИРАН

Стр. 112. ... *в воду черную ушли.* — Выражение «уйти в черную воду» означает «ослепнуть от горьких слез».

Стр. 116. «...*Стрела без раны, рана без стрелы!*» — Поэт говорит: стрелы стремительно пролетали сквозь тела противников, не успевая обогреться кровью.

БАХРАМ ПОРИЦАЕТ НАЧАЛЬНИКОВ ВОЙСК

Стр. 121. ... *к ушам привесим мы взамен серег.* — Иначе говоря, придворные выразили Бахраму рабскую покорность.

Стр. 124. *Переправил к Арарату щедрости ковчег.* — Джуди — персидское название горы Арарат, а «джуд» означает щедрость, великодушие. В двустии обыграна неполная омонимия этих слов. Арарату уподоблен Нумап, а Ноеву ковчегу — щедрость Бахрама.

ЗИМНИЕ ПИРЫ БАХРАМА И ПОСТРОЕНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

Стр. 128. *Крик ворон: «Держите вора» — слышится в садах* — т. е. вороны, похитив пенье соловьев, подобно ворам, кричали: «Держите вора!»

Холод у огня похитил мощь, — и посмотри, // Из воды мечи кует он под лучом зари. — Здесь обыграны разные значения слова «тиг»: 1) меч и 2) солнечный луч. Холод, лишив жара огонь, который плавит железо, сам кует меч из воды, обращая ее в лед.

И в кувшине под печатью крепкой заключил. — Здесь говорится о том, что, хотя розы и поблекли, сок розовых лепестков, розовая вода хранится в запечатанных кувшинах.

И серебряной пластиной скрыта поутру. — Подразумевается замерзшая к утру вода.

Стр. 129. *Как индийцы на молитве, дым вокруг вставал* — т. е. сжигаемые на углях алоэ и сандал оставляли благовонный, но тем-

ный дым — сравнение с индийцами вызвано их темным цветом кожи.

Пламя жизни свет Юнуса, купина Мусы, // Сад чудесный Ибрагима, пиршество Исы. — В двустипши огонь в камине Бахрама сравнивается с «огнем» пророков: Юнусу (библейскому Ионе) в чреве кита светила лампада; когда на горе Синай Муса (библейский Моисей) просил аллаха показаться ему, огонь, исходивший от аллаха, испепелил гору; огонь в печи, куда тиран Нимвруд бросил пророка Ибрагима (Авраама), превратился в цветник; а Иса (Иисус Христос) был настолько беден, что угощал своих гостей лишь светом лампы.

Стр. 130. *Древний Зенд Зардушта гимны пламени поет, // Маг, как мотылек крылатый, вокруг огня снует.* — Зороастрийцы-огнепоклонники в своих храмах пели стихи из священной книги Зенд-Авеста, а маги, служители храма огня, во время исполнения культовых танцев, входя в экстаз, сжигали свою власяницу. Поэтому маги в стихе уподоблены мотылькам.

ОПИСАНИЕ СЕМИ ДВОРЦОВ

Стр. 136. *Первый купол, что Кейвану зодчий посвятил, // Камнем черным, словно мускус, облицован был.* — В этом и следующих бейтах объясняется, какому цвету и дню недели соответствуют семь планет: 1) Кейван (Сатурн) — черному цвету, субботе; 2) Солнце — желтому цвету, воскресенью; 3) Луна — зеленому цвету, понедельнику; 4) Маррих (Марс) — красному цвету, вторнику; 5) Утарид (Меркурий) — голубому (синему цвету), среде; 6) Муштари (Юпитер) — сандаловому (бледно-коричневому цвету), четвергу; 7) Зухра (Венера) — белому цвету, пятнице.

Как отмечал Е. Э. Бертельс, все эти символические соответствия восходят к древней вавилонской астрономии. В мусульманском мире названия дней недели не связаны с астрономическими представлениями.

ИНДИЙСКАЯ ЦАРЕВНА

СКАЗКА

Стр. 145. *Только амброй оросилась к ночи камфара — т. е. как только белый, как камфара, день сменился темной, как амбра, ночью.*

Стр. 150. *Выкуп взятый с Хузистана, тем устам цена.* — Смысл

двустийшия: рубиновые уста были сладостнее всего сахара Хузистана (см. Словарь).

Стр. 155. *В ложе, амброю дышавшим, полном камфары.*— С камфарой сравнивается белое тело невольницы, а с амброй — ее черные волосы.

Стр. 158. *Пусть Шабдизова подкова полежит в огне.*— Здесь Шабдиз — вороной конь; подкову клали в огонь, чтобы вызвать в ком-нибудь страсть, влечение.

Стр. 160. *Или словно одержимый в новолунья день.*— По понятиям средневековых медиков, у эпилептиков в новолунье болезнь усиливалась.

Стр. 161. *У меня душа, ты видишь, подошла к губам...*— Здесь идиоматическое выражение, означающее, что человек вот-вот испустит дух.

Стр. 162. *Или четырьмя гвоздями пригвозди меня* — т. е. распни.

Стр. 165. *Каждый из семи престолов свой имеет цвет, // Но средь них сильнейший — черный. Выше цвета нет.*— Здесь содержится намек на черное знамя халифов из династии Аббасидов (750—1258) и сельджукских султанов (1045—1220).

ТУРКЕСТАНСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ВТОРАЯ

Воскресенье

Стр. 165. *Чтоб она с прекрасным словом свой сдружила лал.*— Иначе говоря, шах желает, чтобы красавица украсила свои рубиновые уста дивной речью — рассказала бы какую-нибудь хорошую сказку.

СКАЗКА

Стр. 167. *...«госпожою Рума» называть...*— т. е. желая польстить, называла византийской царевной.

Стр. 172. *Пусть в скрижаль запоминания...*— Согласно мусульманской теософии, у аллаха есть так называемая «Хранимая скрижаль», на которой им начертаны судьбы вселенной и всех людей.

Стр. 178. *Не из печки ли старушки мне потоп грозит?* — По поверью, всемирный потоп начался из печи старухи, жившей в городе Куфе.

Стр. 180. *Глина ценится, что, словно золото, желта.*— На Востоке вместо мыла пользовались особой глиной, которую смешивали с благоуханиями. Желтая глина считалась наилучшей для мытья.

ХОРЕЗМСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

Понедельник

Стр. 181. *И пред Сулейманом двери тайны отперла.* — Иначе говоря, царевна начала рассказывать свою историю.

Сулейманом здесь назван Бахрам.

И средь яхонтов источник сахарный открыл. — Царевна раскрыла свои сладкие, как сахар, яхонтовые уста и повела рассказ.

СКАЗКА

Стр. 184. *Ты — Бишар презренный! Слава у тебя плоха! // Ну — а я, я вождь духовный смертных — Малиха!* — Бишр — значит «радость». Добавив еще один гласный звук после «ш», Малиха меняет смысл имени — так как «бишар» — значит злобный, скверный, а малиха — горький.

Я двенадцать изучил наук! — В эпоху Низами так называемая «наука образованности» (илмал-адаб) состояла из двенадцати отраслей. В нее входили изучение Корана и преданий о пророке, алхимия, логика, стилистика и стихосложение, история и география, астрономия и астрология, грамматика и языкознание и т. д.

Стр. 190. *Укусом нельзя, ты знаешь, зеркала нам мыть!* — Во времена поэта еще изготовляли зеркала из полированного металла, чистить их укусом нельзя было, они ржавели. Укусосу здесь уподоблены грязное тело и гнусный характер Малихи.

СЛАВЯНСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вторник

Стр. 199. *Этот пуп недели был...* — Пупом недели названа середина недели; воскресенье европейского календаря соответствует мусульманской пятнице.

День Бахрама — рдел он, блеском равен был огню... — Бахрам — Марс. День шаха Бахрама — вторник, ибо, согласно астрологии, планета Марс «покровительствует» вторнику.

В этот день все красное шах Бахрам надел... — В поэзии Низами красный цвет символизирует русский и другие славянские народы.

Солнце — только лунный рог над шатром твоим! — Эмблема в виде

лунного серпа украшала фронтоны дворцов и царские шатры сельджукских султанов. Поэт относит эту традицию и к шахам сасанидской династии.

СКАЗКА

Стр. 216. *А за то, что пять сумел он кладов отыскать, // Музыку царей могла бы я пять раз сыграть.*— Смысл стиха: за то, что он сумел разгадать пять загадок, дочь шаха готова признать его своим повелителем.

МАГРИБСКАЯ ЦАРЕВНА

СКАЗКА

Стр. 219. *Пока две стражи ночи не сменялись...*— На средневековом востоке в городах стража менялась пять раз за ночь.

Стр. 222. *Без ключа темницей темной стали эти люди.*— Перевод неточен, в подлиннике сказано: «Те двое (словно заключенные) без ключа исчезли из темницы», т. е. когда наступило утро, духи растворились во тьме.

Стр. 234. *К спелым, дивным померанцам двери отворил.*— Т. е. ветерок, распахнув на их платьях ворот, обнажил груди девушек, подобные померанцам.

...с горя растирал сандал.— В средневековье врачи считали растертый сандал средством от головной боли и горячки.

Стр. 239. *Брал змею в свой дом, а камень лишь воображал.*— То есть он приобретал змей, чтобы, как гласит поверье, извлечь из их голов круглые камешки, якобы заключающие в себе противоядие, а змеи оказались без этих камушек.

РУМИЙСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ ШЕСТАЯ

Четверг

Стр. 242. *Только сфера цвета козля, встав из океана, // Перлами наполнила пасть Левиафана...*— Козль — сурьма для придания глазам блеска; в оригинале не «Левиафан», а «дракон». Смысл бейта: когда на темном ночном небе появились звезды...

Стр. 243. *И шафрана съест сегодня хочет он для смега...*— В средневековой медицине шафрану приписывали способность поднимать настроение.

... Пусть он писан вкривь и вкось...— Царевна намекает на плохое знание чужого языка, из-за чего, возможно, и не развеселит шаха.

СКАЗКА

Стр. 244. *Развернул пред Хейром свиток с именем своим.*— Иначе говоря, Шерр оправдал свое имя, проявил себя в соответствии со смыслом своего имени.

Стр. 251. *...но закрыли лица.*— Шарият не разрешает мусульманке ходить с открытым лицом при постороннем мужчине.

Стр. 252. *Воду Хейру подавала, а огонь пила* — то есть сама сгорала от страсти.

Стр. 255. *Со счастливым гороскопом сел султан востока* — то есть взошло солнце, предвещающая счастье.

И в живой воде нашел он утоление жажды.— Смысл стиха: Хейр, дважды умиравший от жажды — сперва без воды, потом — от любви к курдской девушке, обрел в ее лице живую воду.

ИРАНСКАЯ ЦАРЕВНА

ПОВЕСТЬ СЕДЬМАЯ

Пятница

Стр. 264. *В пятом знаке Зодиака белая Зухра...*— Под Зухрой (Венерой) имеется в виду иранская царевна Дурсати.

И покамест не напал зинджи на Хотан — т. е. пока ночь не поборола день (Хотан — символ белизны).

СКАЗКА

Стр. 266. *Но защитой от сглаза вырос этот шип.*— На Востоке существовал обычай вешать на стену дома или сада колючки, чтобы уберечься от сглаза.

Стр. 272. *И дракон у каждой девы охраняет клад.*— Здесь с драконом сравниваются косы красавиц, которые охраняют ее красоту, как дракон (змея) клад.

Стр. 273. *Плодоносным кипарисом стан был у любой, // Но — казалось — Судный день он видел пред собой.*— В двустииши обыграна неполная омонимия слов «камат» (стан) и «киямат» — так называемый

Судный день, светопреставление. Кипарис — бесплодное дерево, но в стихе кипарису уподоблен стройный стан красавицы, «украшенный» гранатами (грудями).

ХАКАН ЧИНА ВТОРИЧНО ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ БАХРАМА

Стр. 289. *Дня суда не ожидая, падали с ветвей.*— По представлениям мусульман, в так называемый Судный день все небесные светила упадут на землю. Смысл двустишия: весенняя природа была так прекрасна, что звезды, плененные ею, до срока устремились на землю.

Ветви лилий трут зеницы снадобьем глазным — т. е. из зеленых листьев лилий готовили тутию (см.), чтобы придать блеск глазам.

И у Скорпиона неба жало оторвал.— По поверью, водяная мята губит скорпиона.

Стр. 291. *Звал себя он Раст-Роушаном, но по сути див.*— Раст-Роушан значит «праведно-светлый», что и обыгрывается поэтом и в последующих строчках.

Стр. 293. *Как Дара багрянородный ими был убит.*— Раст-Роушан искажает исторические факты, желая оправдать свои злодеяния. Жизнь и подвиги героев дневиеранского эпоса — Сиявуша, Джамшида и других — подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Сиявуш, сын Кей-Кавуса, спасаясь от самодурства отца, нашел убежище у туранского царя Афрасияба и женился на его дочери, но вскоре был подло убит братом Афрасияба Гарсивазом. *Джамшид*, один из первых царей Древнего Ирана, под конец жизни возгордился и потребовал, чтобы ему оказывали божеские почести. Из-за этого народ отвернулся от него, и узурпатор Заххак (см.) захватил власть и казнил Джамшида. *Дара* (Дарий) — иранский царь, потерпевший поражение в битве с Александром Македонским при Гавгамелах, был убит своими вельможами.

БАХРАМ И ПАСТУХ

Стр. 296. *Жажду утолил, но хлеба не коснулся царь.*— Отказаться от чьего-либо хлеба (т. е. угощения) на Востоке считалось выражением обиды, неприязни. Бахрам дал понять пастуху, что не станет есть его хлеба, пока не узнает, за что пастух повесил свою собаку.

ЖАЛОБА ПЯТОГО УЗНИКА

Стр. 308. *...чей шатер // Над землей четыре гордых купола простер!* — Шатры царей отличались от обычных своей четырехугольной формой.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЛ БАХРАМА И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЕГО В ПЕЩЕРЕ

Стр. 318. *Вечный пламенник под каждым сводом засветил* — т. е. дворцы превратил в храмы, а в зороастрийских храмах над жертвенниками постоянно горел священный огонь.

Стр. 319. *Путь в селения блаженных* — т. е. в край уснувших вечным сном, в загробный мир.

Стр. 320. *Увидали: вход в пещеру камнем заслонен, // И в мозгу змеи змеиный камень заключен.* — Здесь пещера уподоблена змею, дракону, а камешку, который, по поверию, имеется в голове змеи и является противоядием, — Бахрам. Смысл бейта — нужно разрушать пещеру, чтобы извлечь оттуда Бахрама подобно тому, как извлекают из головы волшебный камешек.

В Индостан ушел скучавший на чужбине слон... — т. е. слон, чья смерть, вернулся на родину, в Индию, чтобы умереть там.

КОНЕЦ КНИГИ, ХВАЛА АЛААДДИНУ КУРПА-АРСЛАНУ

Стр. 326. *Что в Гяндже был по-румийски отчеканен мной.* — Золотые византийские (румийские) монеты славилась чистотой пробы, на них было отчеканено имя шаха. Поэт говорит, что он отлил в Гяндже из золота высокой пробы чудесную монету (поэму) и отчеканил на ней имя шаха.

...две лепешки в день. — Образно сказано: небо, целуя землю, сменяет стражу перед дворцом шаха, т. е. день и ночь, а за свои труды оно получает две лепешки — солнце и луну.

В пене весь эфир, осадком воздух замутнен... — Эфир — здесь означает последний, девятый небосвод, заполненный огненным эфиром. Смысл двустишия: все пространство от земли до последнего небосвода наполнено неискренностью, злом, но, несмотря на это, шах сохранил свой добрый, великодушный нрав.

Стр. 329. *Мой калам с шумящей нивы сладостных стихов // Посылает Утариду сноп колосьев-слов.* — Утарид (Меркурий) — считался небесным писцом. Он находится в созвездии Девы. Поэт обыгрывает здесь неполную

омонимию слов «Сунбула» — созвездие Девы и «сунбул» — колос. Низами хочет сказать, что его поэма достойна пера небесного писца — Меркурия.

Замок Бронзовый остался должником моим. — Бронзовый Замок (Руиндеж) — одна из древнейших крепостей, принадлежавших властителю Мараги Алааддину Курпа-Арслану. Смысл двустишия: Низами отправил владельцу Бронзового Замка свою поэму, равную по цене количеству золота, которое можно нагрузить на несколько верблюдов, поэтому владелец замка стал его должником и должен расплатиться с ним.

Стр. 330. *По Хиджре без семилетья шестисотый год* — т. е. поэт завершил свою поэму 14-го рамадана 593 г. по мусульманскому летоисчислению, что соответствует 31 июля 1197 г.

С Л О В А Р Ь
СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И
НЕПЕРЕВЕДЕННЫХ СЛОВ

Аббасиды — династия арабских халифов (749—1258).

Абу-Дулаф — правитель Нахичевани.

Авеста — священная религиозная книга зороастрийцев (см. Зардушт).

Аден — область и город на юго-востоке Аравийского полуострова; славился жемчугом, который добывали в Аденском заливе.

Аджам — там арабы называли все страны, входившие в состав Арабского халифата. Этим словом чаще всего обозначались Иран и страны с тюркским населением.

Айван — крытая терраса перед домом или портик дворца; приемный зал, отделенный от двора аркой.

Аксункар Ахмедили (1131—1134) — первый владетель Мараги, Курпа-Арслан (Корп-Арслан), которому впоследствии была преподнесена поэма, был потомком Аксункара Ахмедили.

Алмагест — так в средние века на Востоке называли главный труд древнегреческого ученого Птолемея Клавдия (II в.) «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах».

Алоэ — благовонное дерево, которое во времена Низами привозили чаще всего из Индии. Его сжигали в курильницах.

Альбурз (Эльбурс) — горный хребет, огибающий южный берег Каспийского моря.

Амбра — воскообразное вещество от золотистого до черного цвета, используется в парфюмерии.

Анка — огромная мифическая птица, которую не дано видеть человеку; синоним всего невидимого, недоступного.

Ануширван — (букв. — бессмертная душа), прозвище иранского царя Хосрова I (531—579) из династии Сасанидов. При Ануширване была

произведена опись всех земель и установлены точные размеры налогов, взимавшихся до него произвольно, за что он был прозван «Справедливым».

Арасту — Аристотель.

Араш — один из героев «Шах-наме» Фирдоуси, искусный стрелок из лука.

Аргаван — распространенное на Востоке дерево (полукустарник) с ярко-красными или розовыми цветами, называемое также «иудиным деревом»; синоним пурпурного цвета.

Ардашир Бабакан (224—241) — основатель династии Сасанидов в Иране.

Аржанг (Эрженг) — священная книга манихейцев (см. Мани), которая, как полагают, была украшена изящными миниатюрами. В поэзии — символ прекрасного.

Арран (Аран) — название древней области, находившейся в западной части современного Азербайджана; столицей Аррана были Барда, а затем Гянджа.

Асади — персидско-таджикский поэт XI века, автор поэмы «Гершасп-наме», которая была преподнесена Абу-Дулафу, правителю Навихевани.

Атабек — букв. отец-воспитатель. Атабеками называли воспитателей сельджукских принцев. После распада Сельджукской империи на мелкие султанаты-княжества фактически власть перешла в руки атабеков.

Афрасияб — полумифический царь Турана. Его войны с иранским царем Кей-Хосровом подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси. Имя Афрасияба стало синонимом могущества и жестокости.

Атриман — божество зла и тьмы в древнеиранской дуалистической религии, враг божества добра Ормузда (Ахурамазды).

Аят — стих, «божественное» изречение; из аятов состоят главы (суры) Корана.

Бадахшан — в средние века обширная область, охватывавшая юго-восток Памира. Там добывали драгоценные камни — рубины (лалы) и гранаты.

Барбат (барбет) — струнный музыкальный инструмент типа лютни.

Буртасы — племя, обитавшее в древности в низовьях Волги.

Бахрам — планета Марс.

Базман — 1. Сын Исфендиара (см.), герой «Шах-наме» Фирдоуси. 2. Одиннадцатый зимний месяц иранского солнечного календаря.

Баттишу — придворный врач аббасидских халифов (VIII—IX вв.).

Бейт — двустишие; основная единица стиха в поэзии на фарси.

Берат — вексель, доверенность, письмо о выплате денег, выдаче имущества и т. п.

Бижен (Бижан) — персонаж «Шах-наме» Фирдоуси. В наказание за любовь к дочери туранского царя Афрасияба он был посажен в глубокий колодец.

Билкис (Балкис, Билкейс) — мифическая царица Савская, якобы бывшая женой царя Соломона (Сулеймана).

Бисутун (Бихистун) — скала у дороги из Хамадан в Керманшах (северо-западный Иран), на которой по приказу Дария I (522—486 гг. до н. э.) были высечены клинописная надпись и рельефные изображения.

Бузурджмишр — арабизированная форма имени Бузургмихра, вазира Ануширвана: имя его стало символом мудрости и учености.

Бу-Кубейс — гора близ Мекки.

Булиас Румийский (Аполлоний Тианский) (ум. ок. 100 г.) — философ-неопифагореец, математик, много путешествовавший по Востоку. О нем широко распространены были легенды как о маге, заклинателе, чародее.

Бурак — мифическое животное, схожее с конем, на котором пророк Мухаммед якобы совершил свой мирадж — восхождение к аллаху.

Бурджейс — планета Юпитер.

Буртасы — племенное объединение, обитавшее в низовьях Волги, в V—XI вв. до н. э. Этнический состав не установлен.

Бухари — Мухаммед ибн Исмаил ибн Ибрахим (810—870), бухарский богослов и ученый. Он собрал предания (хадисы) о пророке Мухаммеде и назвал свой труд «Ал-Джами ас-Сахих» («Достоверный свод»).

Газель — лирическое стихотворение в поэзии на фарси, построенное на монорифме.

Газна — средневековый город, столица государства, основанного султаном Махмудом Газневидом (999—1030), развалины Газны находятся в Афганистане.

Галиё — благовонная смесь амбры и мускуса, употреблялась для волос.

Гебры — и поныне распространенное в Иране мусульманское название зороастрийцев. Низами называет гебрами также индийских огнепоклонников.

Гиз — воин-богатырь, один из героев «Шах-наме» Фирдоуси.

Гуль — злой дух в арабских сказках, который незаметно сбивает путника с дороги, а затем пожирает его — изнеможенного от голода и жажды.

Гумбаз — гробница с куполом.

Гурган — город в Иране.

Гур — дикий осел, онагр. Созвучно этому слову и слово, означающее по-персидски могилу. *Гур* — с несколько иным произношением — название исторической области, находившейся там, где сейчас Афганистан.

Гурхан — один из титулов царя Бахрама.

Гурия — вечно юная райская дева в раю, которая, по представлениям мусульман, предназначена для праведника.

Гушгасп — полумифический царь и герой древнеиранского эпоса. По преданию, он первым принял веру Зардушта — зороастризм.

Гяз — мера длины (чуть меньше метра).

Дабир (дебир) — писец, секретарь, письмоводитель при дворце.

Денаб (Денеб, Занаб) — звезда Альфа в созвездии Лебедя, астрологи считали ее влияние вредным.

Дара — см. Дарий.

Дари — язык персидской классической литературы.

Дарий — древнеперсидский царь Дарий III Кодомен (336—330 гг. до н. э.), последний из династии Ахеменидов, империю которого разгромил Александр Македонский.

Дастан — сказание, поэма, сюжетное повествование в стихах.

Дастархан — скатерть с угощением.

Дастур (дестур) — советник шаха в Древнем Иране.

Дей — десятый месяц древнеиранского солнечного календаря (с 23 декабря по 21 января).

Дервиш — мусульманский монах, обычно — странствующий; бедняк, нищий.

Джабал ар-Рахма — гора близ Мекки.

Джабраил — мифический вестник аллаха (соответствует архангелу Гавриилу в Библии).

Джамшид (Джемшид, Джам) — мифический царь Древнего Ирана, прославленный всемогуществом. Согласно легенде, он обладал волшебной чашей, в которой отражалось все происходящее на земле. Под конец жизни Джамшид возгордился, и бог наказал его за это — он был заживо распилен захватчиком-тираном Заххаком. Царствование Джамшида подробно описано в «Шах-наме» Фирдоуси.

Джейхун — арабское название р. Амударьи.

Джуляб — сироп из лепестков роз, который кладут в халву, применяют как лекарство, розовая вода.

Дехлиз — прихожая, коридор, открытая галерея.

Джизья — подушная подать, взимавшаяся в мусульманских странах с иноверцев.

Джим — пятая буква арабского, шестая — персидского алфавита.

Див (дэв) — злой дух, дьявол.

Диван — 1. Правительственная канцелярия. 2. Сборник стихов одного или нескольких авторов.

Динар — золотая монета.

Дирхем — мера веса и название монеты (от греч. «драхма»), обычно серебряная, весом около 3,5 г.

Дизкан — первоначально представитель домусульманской иранской земельной аристократии, потом этим термином стали обозначать земледельца, крестьянина. У Низами часто употребляется в значении «хранителя древних преданий».

Дувал — глинобитная ограда.

Занг (Зангибар) — Занзибар. У Низами — вообще страна, населенная неграми.

Замзам — священный колодец в Мекке около храма Ка'бы (см.). Его минеральной воде приписывают чудотворные свойства.

Зардушт (Заратуштра) — Зороастр, основатель зороастризма — древней религии Ирана и некоторых сопредельных стран. Зороастрийцы поклонялись огню.

Заххак — тиран, отнявший власть у царя Джемшида (см.). Заххак значит змей. Согласно легенде, злой дух Иблис поцеловал его в плечи, после чего из них выросли две змеи, которых Заххак должен был кормить мозгом умерщвленных юношей; процарствовал тысячу лет, пока не был свергнут восставшим народом под водительством кузнеца Каве.

Зенд (Зенд-Авеста) — неправильное название священной книги зороастрийцев, распространенное во времена Низами. Книга называлась Авеста, а Зенд — позднейший комментарий к ней на среднеперсидском языке — пехлеви.

Зиндан — темница, тюрьма.

Зиндж — негр.

Зуннар — грубый волосяной пояс, который обязаны были носить христиане, подданные мусульманских правителей. Зуннаром назывался также ритуальный пояс, который носили зороастрийцы.

Зухра (Зухре) — планета Венера; на Востоке считалась покровительницей искусства (см. Харут).

Ибрахим (Ибрагим) — библейский Авраам, причисленный исламом к числу шести «великих» пророков. По мусульманской традиции, Ибрахим был сыном Азера-идолотеса. Признав единобожие, Ибрахим начал разрушать созданных отцом и другими идолов. Тиран Намвруд велел бросить Ибрахима в пылающую печь. Через некоторое время, открыв дверцу печи, служители Намвруда увидели, что огонь в печи превратился в цветник, где отдыхал Ибрахим. За свою безграничную веру в бога он получил прозвище Халилуллах (друг аллаха).

Изед — см. Яздан.

Иклимы — географические области, на которые в средние века на Востоке делили обитаемую сушу (Хорасан, Туркестан, Ирак, Зангибар, Рум, Индостан, Египет). Иклимы — также семь обитаемых поясов между воображаемыми линиями, проведенными параллельно экватору — до 50° с. ш. — прочие северные широты считались необитаемыми.

Ильяс — мифический персонаж, якобы помогавший мореплавателям, терпящим бедствие в море.

Индия — во времена Низами включала в себя территорию современной Индии, Бангладеш и Пакистана. В классической поэзии индийцы из-за смуглости были символом черноты. У восточных правителей стражниками обычно служили индийцы.

Ирак — в средние века существовало два Ирака: Ирак-арабский и Ирак-иранский.

Иредж — младший сын Фаридуна, мифического царя Ирана. Фаридун в старости разделил свое царство между тремя сыновьями — Туром, Сельмом, Иреджем, что повело к вековой вражде между Ираном и Тураном. Предание об Иредже подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси.

Ирем — сад, созданный тираном Шеддадом, задумавшим устроить на земле подобие рая.

Иса — Иисус Христос, причисленный исламом к шести «великим» пророкам. Согласно поверью, Иса обладал способностью воскрешать мертвых своим дыханием.

Искандер (Искендер) — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Исфендиар — в иранской мифологии богатырь, обладавший будто бы железным телом; один из героев «Шах-наме» Фирдоуси.

Ифрит — по поверью мусульман, самый страшный, злобный дух.

Йемен — страна на юге Аравийского полуострова; в поэзии Низами — синоним благоденствия, счастливого предзнаменования (см. Сухейль).

Ка'ба (Кааба) — храм в Мекке, где хранится священный монолит — черный камень. Ка'ба — главная святыня мусульман, к которой совершают паломничество и в сторону которой обращаются во времена молитвы.

Калам — перо из тростника.

Камфара — белое, пахучее кристаллическое вещество, добываемое из камфарного дерева; употреблялась как возбуждающее средство.

Камча — кнут, плетка.

Каноп (ус) — см. Сухейль.

Карнай — труба (духовой инструмент в виде длинной трубы).

Карун — легендарный богач (в Библии — Корей), который был проклят Мусой (Моисеем) за скупость и поглощен землей.

Касаб — тонкая льняная материя.

Касыда — стихотворение панегирического или философского содержания в поэзии на фарси.

Кашмир — область в Индии.

Каюмарс — см. Сиямак.

Кей — титул древних иранских шахов из мифической династии Кеянидов (см.); иногда синонимично слову «шах».

Кейван — планета Сатурн.

Кей-Кубад — мифический шах Древнего Ирана, прославившийся могуществом и пышными пирами.

Кейсар (кайсар, кисра) — так на Востоке называли византийского императора; арабизированная форма слова «кесарь» («цезарь»).

Кей-Хосров — мифический царь Древнего Ирана. По «Шах-наме», где рассказана история его царствования, Кей-Хосров в зените своего могущества отрекся от власти и таинственно исчез в горах.

Китай — в поэзии Низами, как и во всей средневековой поэзии Востока, страна тюрок, не соответствующая современному географическому представлению о Китае. Говоря Китай или Китайский Туркестан, поэт подразумевает страну, откуда вывозили белокожих рабынь-тюрчанок, где жили искусные художники. Под Китаем он имеет в виду все, что лежит к востоку от Ирана, Индии и стран Средней Азии.

Ковсар (коусер) — райский источник, упоминаемый в Коране.

Курпа-Арслан (Корп-Арслан) (1174—1208) — правитель Мараги и

владелец мощной крепости Руиндеж; был вассалом и родственником атабеков Азербайджана.

Кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы.

Лал — рубин.

Луша (Танглуша) — персидская форма имени вавилонского астролога Тевкра (I в. н. э.), автора книги об эклипике и зодиаке. Книга Луши, иллюстрированная миниатюрами, изображениями звезд и созвездий, пользовалась большой популярностью на Востоке.

Мавераннахр — букв. Междуречье, в средние века имела в виду территория, расположенная между реками Амударьей и Сырдарьей.

Маг — зороастрийский жрец; употреблялся в значении кудесник, волшебник.

Магриб — так на Ближнем Востоке и в Средней Азии называли западную часть средиземноморской Африки.

Маджисте — см. Альмагест.

Мазендеран — область в Иране.

Майдан — поле, площадь, ристалище для игры в човган (см.).

Ман (мен) — мера веса.

Мани — основатель манихейства (III в.), дуалистической религии, вобравший в себя раннехристианские, зороастрийские верования. Мани был казнен в 244 г. Манихейство было распространено в Иране и Средней Азии до X в. и позднее. Мани в поэзии Низами упоминается прежде всего как искусный художник.

Мариам — христианская дева Мария.

Маррих — планета Марс.

Масих (месих) — то же, что Иса (см.); древнееврейское слово «масиха», от которого произошло «мессия», в I в. стало обозначать Христа.

Махмуд — самый могущественный султан из династии Газневидов, правил с 999 по 1030 г.; создал обширное государство, завоевав Индию.

Меджлис — во времена Низами прием во дворце шаха, на котором читали стихи, слушали музыку, вели беседу.

Медина — город на Аравийском полуострове, где Мухаммед впервые утвердился как пророк и где похоронен.

Мектеб — школа, начальное духовное училище у мусульман.

Мелик — царь, государь, почетный титул правителя.

Мекка — религиозный центр ислама. Мусульмане совершают в город Мекку, где находится храм Ка'бе, паломничество.

Мерв — один из древнейших городов Средней Азии — был разрушен в XII в. во время монгольского нашествия.

Мехди (махди) — мессия; последний (двенадцатый) таинственно скрывшийся имам, который якобы явится перед «концом света» на белом коне и очистит мир от скверны.

Мимбар (минбар) — кафедра в мечети.

Мирадж — так называемое вознесение пророка Мухаммеда к аллаху.

Михраб — стрельчатая ниша в мечети, указывающая мусульманину направление в сторону Мекки (см.).

Мобед — зороастрийский жрец, в поэзии Низами — часто жрец-идолопоклонник или огнепоклонник вообще.

Мунджук — бунчук; эмблема в виде полумесяца на вершине древка знамени; был знаком власти и сана. Под мунджуком крепилось блюдо из драгоценного металла.

Муса — библейский Моисей. Мусульмане приписывают Мусе два чуда: он бросил свой посох перед фараоном и превратил его в змею; рука его излучала белый свет, отсюда выражение «белая рука» в классической литературе — обозначала исключительную искусность в чем-либо.

Мусикор — свирель, дудка.

Мускус — благовонное вещество черного цвета, добываемое из желез самца кабарги.

Мустафа — избранник, почетное прозвание пророка Мухаммеда, данное ему за то, что аллах якобы избрал его и приблизил к себе.

Мутриб — певец и музыкант.

Мухаммед (570—632) — пророк у мусульман, создатель ислама и мусульманского государства на Аравийском полуострове.

Мухтасиб — должностное лицо в мусульманском городе, следившее за соблюдением шарииата.

Муштари — планета Юпитер.

Мюрид — ученик духовного наставника.

Набат — белые круглые конфеты из хорошо очищенного сахара.

Най — небольшая тростниковая свирель.

Нарды (нард) — широко распространенная на Востоке шашечная игра.

Нат — кожаная подстилка, на которой обезглавливали осужденного на казнь во дворце перед правителем.

Нейсан (нисан) — месяц древнего солнечного сирийского календаря, совпадающий с апрелем.

Несрин — дикорастущий нарцисс.

Нимвруд (Немврод Немвруд) — легендарный тиран, свергнувший в огненную печь пророка Ибрахима (см.). За это бог покарал его, напустив на него москита, который через ухо проник ему в мозг и терзал тирана до тех пор, пока он не погиб.

Нисар — древний обычай обсыпать новобрачных или вступающего на престол шаха золотыми монетами, драгоценными камнями или карамелью.

Новбат — ритуал, состоявший в том, что перед воротами дворца пять раз в день били в литавры, утверждая могущество правителя.

Новруз — новый год древнеиранского календаря, приходящийся на 21 марта.

Новрузи — одна из ладов классической восточной музыки.

Нух — библейский Ной, почитается мусульманами как пророк.

Нуширван — см. Ануширван.

Онагр — дикий осел (см. гур).

Омман (оман) — область в Аравии, славившаяся жемчугом, добываемым в Оманском заливе.

Органон — небольшой музыкальный инструмент с мехами и клавиатурой.

Палас — ковер без ворса.

Палуда — род желе, лакомство.

Пери — дух в иранской мифологии; в поэзии на фарси обычно символ женской красоты.

Пезлеви — среднеперсидский язык, официальный язык Ирана до прихода туда арабов в VII в.

Пир — старец, духовный вожь, наставник; глава религиозной секты.

Рей — древний иранский город, который был расположен к югу от современного Тегерана.

Рейхан — базилик, пахучая трава, в поэзии — символ благовония.

Ремненог — по поверью, злой дух пустыни, который под видом немощного старика садится на спину путнику и, обвив его своими по-

добными ремням ногами, гоняет по пустыне до тех пор, пока тот не упадет мертвым.

Ризван — страж райских врат, упоминаемый в Коране.

Роузан — отверстие в кровле для света и воздуха.

Рубаб — смычковый музыкальный инструмент.

Руд — струнный музыкальный инструмент.

Рум — так персы и арабы называли Византию и Малую Азию.

Рустам — непобедимый богатырь, главный персонаж «Шах-наме» Фирдоуси.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Саклабы — арабское название славян.

Сандал — сандаловое дерево, обладающее приятным запахом.

Сиавуш — один из героев древнего иранского эпоса. Предание о Сиавуше подробно изложено в «Шах-наме» Фирдоуси.

Сидр — дерево, якобы растущее у небесного престола, выше которого не могут подняться даже ангелы. В Коране это дерево зафиксировано в форме «сидрат алмунтаха», что переводится как «лотос крайнего предела».

Симнар — Низами вольно возводит это имя к библейскому Симу. В действительности имя Симнар вавилонского происхождения, от древнего божества Сина: Син-иммар.

Симург — мифическая птица огромных размеров, обитающая на горе Каф, царь птиц; символ всего невидимого, таинственного.

Сируш — по поверью мусульман, вестник аллаха, несущий откровение.

Сиямак — в иранской мифологии сын первого человека и первого царя Каюмарса, жизнь и деяния которого описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Сулейман — мудрый и могучий царь (в Библии — Соломон), включенный исламом в число пророков, бывших до Мухаммеда. Сулейману, согласно мусульманским легендам, были подвластны люди, звери, пери и джинны.

Сурейя — созвездие Плеяд.

Суфа — глинобитное возвышение в виде тахты во дворе у дома для отдыха.

Суфра — скатерть с угощением, обычно на ковре.

Сухейль — Канопус, главная звезда созвездия Корабль Арго, она лучше всего видна в Йемене. В поэзии Низами Сухейль и Йемен — однозначны.

Табари (ум. в 923 г.) — арабский историк, перу которого принадлежит огромное компилятивное сочинение «История пророков и царей».

Танкалуша (Танглуша) — см. Луша.

Танур — печь для выпечки хлеба.

Тараз — область и город в Средней Азии, откуда вывозили красивых белокожих рабынь.

Тазамтан — букв. «мощнотелый», прозвище Рустама (см.).

Тутия — целебная мазь для глаз.

Туран — мифическая страна, враждебная Ираку. Описана в «Шах-наме» Фирдоуси. Позже Тураном стали называть область обитания тюркских племен.

Уннаб — дерево с красноватыми плодами, с которыми в поэзии Востока обычно сравнивают губы и окрашенные хной пальцы возлюбленной.

Утарид — планета Меркурий, считалась искусным небесным писцом.

Фарвардин — первый месяц иранского солнечного календаря (21 марта — 20 апреля).

Фагфур — сын бога; титул китайских императоров на Ближнем и Среднем Востоке.

Фарр — божественная благодать (в виде нимба), которой, согласно теократическим представлениям в Древнем Иране, должен был обладать законный царь.

Фарсанг — мера длины, расстояние, которое может пройти конь за один час.

Фархад — один из главных героев поэмы «Хосров и Ширин» Низами; символ верности и чистоты в любви.

Феридун — мифический царь Древнего Ирана, герой «Шах-наме» Фирдоуси.

Фирдоуси (936—1020) — великий таджикско-персидский поэт, автор эпоса «Шах-наме» («Книги царей»).

Хабеш — Эфиопия; в поэзии Востока — синоним мрака, в противоположность Таразу и Хотану (см.).

Хаварнак — название дворца Бахрама в Йемене, буквально значит «солнечный».

Хаданг — стрела из белого тополя.

Хадж — паломничество, которое мусульмане совершают в Мекку, к храму Ка'бы.

Хаджи — мусульманин, совершающий паломничество в Мекку.

Хаджиб — приближенный шаха.

Хаким — мудрец, провидец, а также лекарь.

Халлух — город в восточном Туркестане, жители которого отличались белизной. В поэзии служил символом красоты. Из Халлуха вывозили мускус.

Харут — ангел, который, по мусульманской легенде, вместе с другим ангелом (Марутом) был для испытания послан на землю в человеческом облике. Он, как и Марут, влюбился в красавицу Зухру (см.), и в наказание за то, что оба поддались ее чарам и совершили насилие, были низвергнуты в колодезь в Вавилоне, где и должны пребывать до дня Страшного суда. Зухра, ставшая причиной их падения, была вознесена на небо и приняла облик планеты Венеры, покровительницы музыки.

Хатун — титул правительницы; госпожа.

Хорасан — обширная область, занимавшая в средние века территорию современного Ирана и часть Афганистана (Балх, Газна).

Хорезм — древняя страна в районе оазиса в низовьях Амударьи.

Хосров (Хосрой) — царь Хосров I Ануширван (531—579), со временем имя его стало обозначать царя вообще.

Хотан — название области в Туркестане, откуда вывозили красивых белых рабынь.

Хузистан — область на юго-западе Ирана, откуда во времена Низами привозили финики; синоним сладости.

Хурджин — переметная сума из ковровой ткани; чересседельный мешок.

Хума — сказочная птица, приносящая счастье. По поверью, тот, на кого падала ее тень, становился царем.

Хутба — торжественная молитва, провозглашавшаяся в главной мечети; тронная речь.

Хутталан (Хатлан) — средневековая область, занимавшая часть современного Таджикистана. Хутталан славился породистыми скакунами и поставлял их во все страны Ближнего и Среднего Востока.

Хызр — мифическое существо в зеленых одеждах, которое стало бессмертным, испив «живой воды». Хызр считался покровителем путников.

Чанг — струнный инструмент типа лиры.

Чин — так на Ближнем Востоке называли Китай.

Човган (чоуган) — конное поло, а также клюшка для игры в човган. В поэзии Востока синоним всего изогнутого, в частности кудрей красавицы.

Шариат — свод мусульманских религиозных и юридических правил, основанных на Коране.

Шах — царь, император.

Шаханшах — букв. «царь царей», древний титул иранских царей со времен династии Ахеменидов (559—329 гг. до н. э.).

Шахзаде — букв. сын или дочь шаха.

Эмпиреи — по представлениям мусульман, самая высшая часть неба, обиталище бога.

Эрженг — см. Аржанг.

Юсуф — герой мусульманской легенды, восходящей к Библии (легенда об Иосифе Прекрасном). В средневековой поэзии часто упоминаются факты из его жизни, а образ его является символом целомудрия, благородства.

Яздан (Изед) — имя зороастрийского божества.

Яздигерд (Ездигирд) (ум. в 420 г.) — иранский шах из династии Сасанидов. Яздигерд покушался урезать привилегии зороастрийского духовенства, за что получил прозвище Грешник.

Якуб — отец Юсуфа (см.) — библейский Иаков. По исламской традиции, одия из пророков, бывших до Мухаммеда.

Ясмин — жасмин.

Яхни — род плова.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет Низами. Художник Э. Асланов. Стр. 1.
2. «Фитна с бычком». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1508 г. Шираз. Стр. 6.
3. «Фитна с бычком». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1648 г. Бухара (фрагмент). Стр. 109.
4. «Встреча Бахрама с семьёю красавицами». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. XVI в. Бухара. Стр. 129.
5. «Бахрам-Гур в черном замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1543—1544 г. Шираз. Стр. 153.
6. «Бахрам-Гур в зеленом замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1648 г. Бухара. Стр. 185.
7. «Бахрам-Гур в красном замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1508 г. Шираз. Стр. 201.
8. «Бахрам-Гур в красном замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. Стр. 215.
9. «Бахрам-Гур в голубом замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1482 г. Герат. Стр. 229.
10. «Бахрам-Гур в голубом замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1648 г. Бухара. Стр. 241.
11. «Бахрам-Гур в сандаловом замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1545 г. Шираз. Стр. 257.
12. «Бахрам-Гур в белом замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1545 г. Шираз. Стр. 271.
13. «Бахрам-Гур в белом замке». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 1491 г. Герат. Стр. 283.
14. «Жалоба дервиша». Миниатюра из рукописи «Хамсе» Низами. 70-е годы XVI в. Хорасан. Стр. 313.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬ КРАСАВИЦ

Восхваление	7
Восхваление пророка Мухаммеда	11
О мирадже пророка	13
О причине составления книги	18
Хвала счастливому падишаху, да озарит его аллах	23
Обращение целующего землю	28
Восхваление слова и несколько слов о мудрости	34
Наставление своему сыну	44
Начало повествования о Бахраме	48
О построении Хаварнака и о достоинствах строителя Симнара	51
Описание дворца Хаварнака и исчезновение Нумана	55
Охота Бахрама и клеймение онагров	60
Бахрам убивает льва и онагра	62
Бахрам убивает дракона и находит клад	63
Бахрам находит изображения семи красавиц	68
Бахрам узнает о смерти отца	71
Бахрам приводит войско в Иран	74
Начало изложения	75
Письмо падишаха Ирана Бахраму-Гуру	77
Бахрам берет венец	89
Бахрам восходит на престол отца	91
Тройная речь Бахрама-Гура о справедливости	92
О том, как правил Бахрам-Гур	93
Засуха и милосердие Бахрама	96
Бахрам и рабыня	99
Хакан Чина вторгается в Иран	112

Бахрам порицает начальников войска	118
Бахрам женится на дочерях падишахов семи стран	125
Зимние пиры Бахрама и построение семи дворцов	126
Описание семи дворцов	135
И н д и й с к а я ц а р е в н а	
Повесть первая	
<i>Суббота</i>	137
Сказка	138
Т у р к е с т а н с к а я ц а р е в н а	
Повесть вторая	
<i>Воскресенье</i>	165
Сказка	166
Х о р е з м с к а я ц а р е в н а	
Повесть третья	
<i>Понедельник</i>	180
Сказка	181
С л а в я н с к а я ц а р е в н а	
Повесть четвертая	
<i>Вторник</i>	199
Сказка	199
М а г р и б с к а я ц а р е в н а	
Повесть пятая	
<i>Среда</i>	217
Сказка	218
Р у м и й с к а я ц а р е в н а	
Повесть шестая	
<i>Четверг</i>	242
Сказка	243
И р а н с к а я ц а р е в н а	
Повесть седьмая	
<i>Пятница</i>	264
Сказка	265
Хакан Чина вторично выступает против Бахрама	288
Бахрам и пастух	295
Бахрам велит схватить вазира-насильника	300
Жалоба первого узника	302
Жалоба второго узника	303
Жалоба третьего узника	305

Жалоба четвертого узника	306
Жалоба пятого узника	308
Жалоба шестого узника	309
Седьмой узник	312
Бахрам казнит вазира-насильника	314
Хакап просит у Бахрама прощения	316
Завершение дел Бахрама и исчезновение его в пещере	318
Конец книги, хвала Алааддину Курпа-Арслану	326
Комментарии	332
Словарь	349
Список иллюстраций	363

Низами Гянджеви.

Н61 Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 4. Семь красавиц/ Пер. с фарси В. Державина; Редколл. Р. Алиев, М. Джафаров, М. Ибрагимов и др.; Науч. подгот. текста, коммент. и словарь Р. Алиева.— М.: Худож. лит., 1986.— 366 с.

В четвертый том пятитомного Собрания сочинений великого азербайджанского поэта и мыслителя XII века Низами Гянджеви вошла поэма «Семь красавиц», повествующая о правлении шаха Бяхрама-Гура, в которой поэт развивает свои взгляды на «идеального» правителя, использующего власть в интересах народа.

Н 4702060100-228
028(01)-86

подписное

ББК 84Аз1
С(Аз)1

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ
Собрание сочинений в пяти томах
Том 4

Редактор
Э. ДЖАЛИАШВИЛИ
Художественный редактор
В. СЕРЕБРЯКОВ

Технический редактор
О. ЯРОСЛАВЦЕВА

Корректоры
Б. ТУМЯНЦ,
Т. ФИЛИПОВА

ИБ № 3759

Сдано в набор 15.11.84. Подписано в печать 22.05.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Обык-
новенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32.
Усл. кр.-отт. 78,12. Уч.-изд. л. 16,13. Тираж 100 000 экз.
Изд. № IV-1545. Заказ 1136. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература»,
107882, ГСП, Москва, Ново-Басманная, 19.

Можайский полиграфкомбинат при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Можайск, ул. Мира, 93.

